

Марина Алиева

**Жанна д'Арк
из рода
Валуа**

книга третъя

Марина Владимировна Алиева

Жанна д'Арк из рода

Валуа. Книга третья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11959214

ISBN 978-5-4474-2641-5

Аннотация

Этот роман объединил в себе попытки ответить на два вопроса: во-первых, что за люди окружали Жанну д'Арк и почему они сначала признали её уникальность, а потом позволили ей погибнуть? И во-вторых, что за личность была сама Жанна? Достоверных сведений о ней почти нет, зато существует множество версий, порой противоречивых, которые вряд ли появились на пустом месте. Что получится, если объединить их все? КТО получится? И, может быть, этих «кто» будет двое...

Содержание

Дижон	5
Шаг назад	13
Снова Дижон	18
Париж	30
Тур	34
Труа	52
Лош	57
Райский сад в Лоше	74
Сель-ен-Берри – Раморантен	104
Предместья Жаржо	113
Лош	129
Предместья Пате	140
Париж	152
Орлеан	160
Орлеан	173
Париж	185
Шампань	193
Труа	204
Предместья Руана	210
Реймс	236
Часом раньше	248
Конец ознакомительного фрагмента.	250

Жанна д'Арк из рода Валуа
книга третья
Марина Алиева

© Марина Алиева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Дижон

(май 1429 года)

Дождь за окном кареты напоминал серую полупрозрачную вуаль, которая словно обволакивала душным и влажным коконом. Породившая её гроза бушевала уже в отдалении, хотя, сверкала и гневалась так же сильно, как и несколько минут назад, когда оглушительный взрыв грома над самой головой заставил Бовесского епископа Пьера Кошона испуганно вздрогнуть и несколько раз перекреститься.

– Чёртов дождь! Он никогда не кончится!

Человек, сидящий напротив епископа, почтительно поддакнул, но про себя подумал, что его преподобие поминает нечистого уже раз двадцатый. И это многовато для священнослужителя, даже в таком нервном и раздражённом состоянии, в котором пребывал Кошон с самого начала поездки.

– Ещё пара часов и дорога раскиснет так, что нам придётся лезть в сёдла! А я и без того простужен. Вымокну – никакой лекарь уже не поможет – слягу окончательно!.. Передайте-ка мне вон ту бутыль, любезный. Там реймский кагор – отличное средство от простуды... Себе тоже налейте, только, умоляю, не много! Если наша с вами миссия не увенчается успехом, это вино станет бесценным, ибо область, его производящая, доступной для нас более не будет...

Спутник епископа, затаив дыхание, плеснул себе вина на один глоток и снова подумал, что даже для священнослужителя, его преподобие скуп сверх меры. И, если так пойдёт и дальше, не придётся ли пожалеть о смене хозяина, отправившего его в спутники к этому скряге? Прежний-то, того и гляди, войдёт в силу, а у нового дела складываются не лучшим образом... Хотя, как повернётся. И, может быть, услуга, которую он намерен оказать, поспособствует не только укреплению позиций нового господина, но и поможет его верному слуге продвинуться, скажем, к рыцарскому званию?...

Новый раскат грома взорвал воздух вокруг кареты и заставил перекреститься уже обоих.

– Эта гроза словно кружит над нами! – обиженно проговорил Кошон. – Минуту назад казалось, что ушла, и вот, на-те, пожалуйста, вернулась!

– Может, Господь гневается за что-то, ваше преподобие?

Глаза Кошона от злости стали бурями. Последнее время он вообще выходил из себя, когда кто-то, в его присутствии, заговаривал о Божьей воле. Но сейчас, без защиты каменных стен своей резиденции, епископ поостерёгся открыто выражать собственный гнев. Кто знает – а вдруг?.. «Однако, сердит Господь или нет – ещё неизвестно, – подумал он, – а вот герцог Бэдфордский совершенно определённо вышел из себя. Да и Филипп Бургундский, ещё неизвестно, как нас встретит... Тут со всех сторон жди беды!».

– Вы, сударь, чем разбираться в Божьем провидении, луч-

ше продумайте ещё раз, что станете говорить его светлости, – сердито проворчал епископ. – Герцог не любит путаную речь и невнятные мысли. И, если удостоит вас беседы, растерянности не потерпит.

– Я давно всё продумал...

– И дерзость свою умерьте! Филипп собственные интересы ставит превыше всего, а ваша личная заинтересованность в этом деле слишком заметна. Слишком! Вы меня поняли, надеюсь?

– Да. Благодарю вас, ваше преподобие. Я буду следить за собой...

* * *

В замке Бургундского герцога будто знать ничего не хотели о плачевных делах его английского союзника. Здесь всё дышало предвкушением свадебных торжеств, турниров и прочих увеселений, на которые Филипп приказал не скупиться. Поэтому появление в часы дневной аудиенции мрачного Кошона не прошло незамеченным на фоне всеобщей беззаботности.

– Боже мой! – воскликнул герцог, едва оказался в зале для приёмов. – Вас ли я вижу, любезный епископ?! По такой-то погоде вы отважились на поездку к нам? Это трогательно и, в каком-то смысле, даже отважно!

Кошон поклонился. Долгие годы служения правителям и

наблюдения за ними не дали ему обмануться. И предсвадебное легкомыслие Бургундского двора, и радостное, но фальшивое изумление самого герцога, (которому, перед своим приездом, его преподобие отправил, как минимум, двух посланных, так что ничего неожиданного в этом приезде для него не было), служили здесь тем надёжным щитом, за которым можно было укрыться до поры, до времени. Иначе говоря, до тех пор, пока изменившийся в войне перевес сил не прекратит балансировать и не подскажет действия, наиболее выгодные в этой новой ситуации.

– Я привёз вашей светлости подарок к свадьбе, – быстро подстроившись под общий тон, заговорил Кошон.

И даже выдавил из себя улыбку.

– Подарок?! – вскинул брови герцог. – Я обожаю подарки, Кошон, но, кажется, дарить их ещё рано? Моя невеста ещё даже не приехала...

С усмешкой, якобы растерянной, он осмотрел толпу своих придворных, будто ища их поддержки, и все послушно рассмеялись.

– Всё хорошо к своему времени, – смиренно произнёс Кошон. – И подарок подарку рознь. Свой скромный дар я, разумеется, пришлю ко дню вашей свадьбы, но этот передан человеком, который торопится выказать вашей светлости особое расположение и не нашёл более подходящего случая.

– Кто же он?

– Вашей светлости удобнее будет узнать имя дарителя и

взглянуть на дар в обстановке более приватной.

Филипп изобразил испуг.

– Звучит двусмысленно, Кошон. Надеюсь, подарок не от дамы, иначе я вынужден отвергнуть его сразу, чтобы не наносить оскорбления моей прекрасной невесте. Вы знаете, я теперь становлюсь мужем настолько примерным, что учреждаю новый рыцарский орден, который будет именоваться орденом «Золотого руна» в честь золотых волос будущей герцогини.

Епископ выдавил из себя ещё одну улыбку, но вышла она кислее прежней. Шутка ему не очень понравилась

– О... Благодарю за радость, которую вы мне доставили этим сообщением, герцог. И за милую шутку в отношении подарка. Уверен, всерьёз вы не допускали мысли о том, что я мог бы приехать к вам ради заведомо бесчестного дела.

– Разумеется, Кошон.

С этими словами Филипп встал, давая знать остальным, что для них аудиенция окончена. Но на Кошона посмотрел сердито – преподобный мог бы и проглотить насмешку без ответного укола...

– Что за подарок? – спросил он, уже более сухо, едва придворные скрылись за дверьми.

– Сейчас его принесут.

По знаку епископа один из стражников у входа вышел и вскоре вернулся с прихрамывающим господином, который бережно сжимал в руках небольшой футляр.

– От кого это?

– Господин Ла Тремуи шлёт сердечные поздравления вашей светлости и просит принять его дар по случаю вашего бракосочетания, – сказал господин.

– Покажите, что там.

Посланец раскрыл футляр и, опустившись на колени, почтительно протянул его вперёд. На тёмно-фиолетовом бархате мягко переливался генуэзский кинжал.

– Красиво, – произнёс Филипп.

Он постоял над подарком, заложив руки за спину, затем повернулся к Кошону.

– Однако, учитывая вашу предварительную речь и последние военные успехи «Буржского королька», я надеялся, что его первый министр будет щедрее в своей расположенности. Этот подарок, на самом деле, более уместен от любовницы.

– Это лишь часть подарка, – понизил голос Кошон.

Потом быстро окинул глазами зал, удостоверившись, что никто не задержался, и показал на господина, всё ещё не вставшего с колен.

– Главный дар перед вами.

Филипп обернулся, присматриваясь. Нет, он не знает этого человека. Белёные ресницы... да и сам весь какой-то блёклый, словно прилипшая к стене моль. Вот только взгляд... Ужасно неприятный взгляд!

– Кто это?

– Жан де Вийо, ваша светлость, – тихо, но значительно

забормотал епископ. – Бывший порученец при дворе покойного ныне герцога Анжуйского, отправленный им когда-то в Шинон за непочтительное отношение к мадам герцогине... Последнее время он служил в замке, в донжоне... Там... ну, вы понимаете? Где останавливалась эта... с позволения сказать, Дева...

Кошон говорил и смотрел при этом так, словно за каждым словом скрывался многозначительный вопрос: «Вы понимаете, ЧТО это значит?!». И в том, как, еле заметно, переменялось лицо герцога, он увидел ответ – да, Филипп понял!

Обиженный придворный... Тот самый мелкий дефект в ладно подогнанных доспехах благополучия, который всегда являет себя самым подлым и неожиданным образом, лопаясь, трескаясь, раскрываясь над незащищёнными местами именно в тот момент, когда удара здесь никто не ждёт. Ничтожная блоха, не удостоенная внимания, когда позволила себе вылезти, и больно куснувшая, не абы когда, а в разгар чумы... Одним словом, то обстоятельство, которое Провидение всегда использует, пребывая в дурном расположении духа... В другое время Филипп побрезговал бы. Но только не теперь! И не с такими именами...

– И, что вы такое, сударь, раз уж вас назвали подарком? – спросил он.

Неподвижные, с тяжёлыми отцовскими веками, глаза способны были смутить любого. Но де Вийо оказался достаточно внимательным ко всем переменам в интонациях и взгля-

дах, чтобы понять – им заинтересовались всерьёз. Поэтому, не смущаясь, тем же шутовским тоном, которым когда-то дерзил герцогу Анжуйскому, он ответил:

– Я ценные сведения, ваша светлость.

Шаг назад

«Вот теперь я отомщу!»...

Подслушав, после завершения проверки, разговор мадам Иоланды с Жанной, конюший Жан де Вийо не мучился долгими размышлениями о том, у кого искать поддержку своему порыву. Во всём, что касалось отношения к герцогине Анжуйской, не было у него души более родственной, чем господин де Ла Тремуай.

С того самого дня, как мадам привезла в Шинон дофина и весь двор, де Вийо только тем и занимался, что наблюдал. Сначала, правда, никаких коварных замыслов он не вынашивал, поскольку понимал – тягаться с герцогиней, достигшей такого могущества, и смешно и глупо. Он только отчаянно пытался привлечь к себе внимание кого-нибудь из знатных господ, вплоть до самого дофина, лишь бы жизнь его сдвинулась с точки мёртвого, незначительного прозябания. Но попытки были тщетны. Несколько старинных знакомцев, которых он помнил при Анжуйском дворе на должностях куда менее значимых, чем теперь, обещали, было, своё покровительство, но только обещаниями и ограничились. И несчастный конюший вынужден был пройти весь унижительный путь от надежды, разочарования, зависти и обиды до полного отчаяния, венцом которого стала всепоглощающая, страстная ненависть к виновнице его унижений.

Вот тогда он и начал наблюдать более пристально, уже грея в душе последнее, что ему осталось – желание отомстить.

На то, чтобы разделить двор на «своих» и врагов много времени не ушло. Как, впрочем, и на то, чтобы понять – дофин начал уже тяготиться чрезмерной заботой матушки, которая, по счастью, пребывала в бесконечных разъездах, верша государственные дела. Де Вийо сразу сделал ставку на Ла Тремуя и не прогадал. Граф так стремительно прибирал к рукам двор и так ловко манипулировал общественным мнением, что конюший даже испытал некоторую досаду – ему ничего не оставалось! Не было даже щели, через которую можно было бы подставить мадам, хотя бы, мелкую подножку!

Но тут, на его счастье, пришло известие об этой самой Деве!

Тонким чутьём наблюдающего де Вийо сразу уловил, не высказываемое вслух предположение, что приход Божьей посланницы герцогиней как-то подстроен, и понял – настал его час! Он мелок – да! Но он настолько мелок, что будет незаметен за любым углом, и потому в узел завяжется, но найдёт, обязательно найдёт что-нибудь такое, что позволит уличить либо саму мадам, либо её ставленницу в шарлатанстве. А лучше всего, поймать сразу обеих, с поличным, в тот момент, когда они будут в очередной раз договариваться! То-то будет пощёчина по холёному лицу герцогини!

И Судьба, как по заказу, подала добрый знак – буквально подарила де Вийо билет в первый ряд того действия, которое он так желал рассмотреть! Проверая Деву, дофин посадил его вместо себя на трон! Уж, вот удача, так удача! Тут только успевай, следи в оба!

Но...

Как всегда и бывает – когда «слишком», уже нехорошо...

Как бы ни силился конюший в тот вечер уловить, хоть малейший, намёк на сговор ничего у него не вышло. Эта девица, очень мало, кстати, похожая на крестьянку, отыскала дофина в толпе так натурально, что не придерёшься! А больше всего огорчила сама герцогиня, которая тоже вела себя естественно, без излишней восторженности, с таким же, как у всех, удивлением на лице.

Но де Вийо надежды не терял. За всё время проверки то и дело возникал перед дверьми, за которыми скрывалась, либо Жанна, либо герцогиня, ожидая и надеясь, хоть раз, увидеть их вместе и подслушать разговоры. Но и тут не повезло. Мадам словно избегала этой девицы, осторожничала, и ни разу даже взглядом с ней не перебросилась. Да и та ничьей поддержки не искала – вела себя так, будто на самом деле Чудо Господнее.

Как вдруг, именно в тот момент, когда, стремительно убывающий энтузиазм погнал его, скорее по привычке, чем с надеждой, к покоям Девы, свершилось то, чего конюший так страстно желал целый долгий месяц!

Он едва успел отскочить в тень, когда мадам Иоланда – одна! – прошествовала в комнату, а через мгновение оттуда была выпровожена служанка, которая, слава тебе Господи, не осталась сидеть у дверей, как положено. И, как только шаги её стихли в отдалении, де Вийо припал к замочной скважине, как измученный жаждой припадает к роднику!

О-о! Родник оказался полноводной рекой!

Конюший, правда, не сразу во всём разобрался, а с первых слов и вовсе открыл для себя неприятную вещь – выходило, что до этой минуты герцогиня с Девой не встречались. Но, дальше оказалось куда интереснее! Девочка-то, действительно не та, за кого себя выдаёт! И привезённые братья оказывается не её, а какой-то Клод, которую, судя по разговору, тоже привезли... Но зачем? И где сейчас эта Клод скрывается? И кто она такая, наконец, раз так важна, и для самой Жанны, и для САМОЙ герцогини? Этого де Вийо пока не понимал, но чувствовал – вот оно, то самое... а может, и лучше того, на что он надеялся! Жаль, конечно, что о подлинных родителях девицы так ничего и не было сказано. Но, по большому счёту, это забота уже не его. Он заговор вскрыл, а в деталях пускай разбираются те, у кого власти побольше, и кому должности и полномочия позволяют открыто заявить о подлоге!

От таких мыслей можно было в пляс пуститься! И ноги сами понесли, было, к покоям господина де Ла Тремуя... Но... но... но... На пол-пути конюший остановился. Он слишком

долго ждал и слишком хорошо знал, как далеко от желаемого может отбросить поспешность! Поэтому, перебравшись в укромный уголок, где никто не мог помешать хорошо подумать, де Вийо взвесил все «за» и «против», и решил, что с таким подарком Судьбы торопиться не следует. Комиссия уже признала Деву подлинной, и потребуется уйма времени, чтобы по его навету она собралась снова. Да и ставка на девицу слишком высока. За стенами замка, в войске и в народе поднялся такой небывалый энтузиазм, что склочного конюшего предпочтут тихо удавить в углу, лишь бы не давать хода делу, которое может лишить дофина последней надежды. Так что, как ни крути, а снова выходило, что добытыми сведениями – не до конца пока ясными – следовало распорядиться очень и очень осторожно, неторопливо, и, разумеется, при помощи заинтересованного влиятельного лица, которому подать себя тоже следовало с умом...

Снова Дижон

– ... и, что же, семья девицы на самом деле её семьёй не является?

– По словам герцогини так выходило.

– И есть ещё одна девушка, которую прячут?

– Да. Очень неуклюже прячут, ваша светлость... Паж Жанны, некий Луи Ле Конт так мало похож на мальчика, что сомнений не возникает – это та самая Клод, чья семья в Домреми признала Деву своей дочерью.

Филипп пожал плечами.

– Довольно слабое доказательство. При дворе герцога Бэдфордского, к примеру, служат пажами сразу несколько молодых людей, которые пудрятя, румянятся и едят двумя пальцами, но никому там в голову не приходит считать их переодетыми девицами.

– Мальчишка не пудрится, и, как он ест я не видал, но уверен, ваша светлость, паж – это девица. Господин Ла Трёмуй помог мне устроиться на службу к Деве, и я достаточно долго наблюдал, и в Пуатье, и в Орлеане...

– Вы были в Орлеане? – Герцог как будто обрадовался возможности переменить тему. – Воевали?

– Нет. Ещё в детстве я получил увечье, из-за которого не был посвящён в рыцари, поэтому занимался фуражом...

– И слезкой?

– Скорее, службой, ваша светлость. Господин де Ла Тремуи очень на меня надеется.

– А как же вы, с увечьем, попали на службу в Анжер?

– Мой господин, покойный герцог Луи был добр ко мне.

– Так добр, что сослал в Шинон?

– Мадам герцогиня меня не жаловала.

– Почему?

– Герцог очень ценил мои шутки. Она же считала их грубыми...

Де Вийо тускнел прямо на глазах. Разговор складывался совсем не так, как он предполагал. Ла Тремуи, когда услышал о явном подлоге мадам Иоланды, даже не попытался скрыть свой интерес! Он так алчно сверкал глазами, что соблазнительный конюший, не сходя с места, попросился к нему на службу – пусть пока и тайную, но с перспективой открыто уйти когда-нибудь от службы Анжуйскому дому, потому что понимал: другого такого случая может не представиться, и сейчас, за доставленные сведения, ему можно всё. И Ла Тремуи тогда не просто согласился – он за расторопного слугу ухватился как за руку помощи, протянутую почти в последний момент! Через подставных лиц пристроил конюшего к Деве и был очень доволен всеми добытыми сведениями, и особенно тем интересным фактом, что Жанна, после тяжелейшего ранения, оказалась среди воюющих так невероятно скоро, что объяснить это можно было либо чудом, либо подменой... Но, поскольку, подлог уже имел место, чу-

дом тут и не пахло. А вот второй девицей – вполне... И, если её, действительно, подменили во время боя, означать это могло только то, что масштабы подлога гигантские, и замешано в нём всё высшее военное командование! А коли так... коли подпорок у обмана столь много, надо только хорошенько присмотреться и выбить половчее ту, которая завалит всё сооружение. Или сплести из нескольких интриг хороший канат, одним концом которого опутать слабую «подпорку», а другой передать в руки третьего, более могущественного лица. Пускай дёрнет со стороны, чтобы даже обломками не зацепило! Ради этого Ла Тремуй отправил де Вийо к Кошону, чтобы тот помог конюшему предстать перед герцогом Бургундии. И, отправляя, даже не подумал скрыть свои резоны от посыльного – единственного теперь человека при дворе, с кем он мог говорить о Деве открыто, всё, что думает...

Естественно, де Вийо надеялся, что и Филипп проявит к истории такой же откровенный интерес, и даже – чем чёрт ни шутит – очень рассчитывал напроситься на службу и к нему. Иметь про запас нескольких господ ещё никому не вредило, особенно в смутные времена. Поэтому он тщательнейшим образом продумал свою речь, полагая поразить Филиппа не столько умением подслушать важный разговор, сколько сообразительностью, расторопностью и способностью делать выводы. И был теперь весьма обескуражен тем, что герцога, похоже, более всего интересовали вещи, на взгляд де Вийо, не самые важные. В том числе, причины ссылки в Ши-

нон.

В эйфории от удачи у Ла Тремуя, конюший, не подумав, рассказал истинную историю своей опалы и теперь об этом пожалел. Надо было придумать что-то более увесистое, что-то порочащее герцогиню и выставляющее её несправедливой, мстительной фурией, а не выбалтывать правду, которая у герцога с благородной кровью, ничего, кроме презрения не вызывает.

Вот и сейчас Филипп посмотрел так, будто по залу пробежала крыса. Но улыбнулся, тем не менее.

– Передайте господину Ла Тремуя, что я оценил подарок по достоинству. Особенно, ту занятную историю о подложной семье девицы, которую вы рассказали. Передайте ему, пусть держит меня в курсе – сведения, действительно... неординарные. Но добавьте, пусть не спешит с разоблачениями во времена побед – любой протест в такое время особенно раздражает.

– Это всё, ваша светлость?

– А что ещё? – Филипп слегка пожал плечами. – По моему, достаточно.

С этими словами он ещё раз окинул взглядом кинжал, к которому даже не притронулся. Потом кликнул слугу, велел ему унести подарок в оружейную, и всё. Аудиенция для де Вийо была закончена.

Свою досаду конюший скрыл в глубоком поклоне, ко-со глянул на епископа, но, поскольку Кошон хранил без-

участное молчание, посланнику Ла Тремуя ничего другого не оставалось, кроме как выйти вон.

* * *

Трудно сказать, насколько был бы обрадован обескураженный де Вийо, сумей он увидеть, как переменялось лицо герцога после его ухода. Ни слова не говоря, Филипп махнул епископу, чтобы следовал за ним, причём сделано это было так пренебрежительно, что сразу напомнило Кошону времена, когда он пребывал совсем не в чести у юного бургундского наследника. Однако, воды с тех пор утекло много, и теперь, семеня следом, его святейшество ни секунды не сомневался – герцог небрежен в жестах только потому, что не знает, как реагировать на услышанное и сейчас, наверняка, пожелает узнать мнение самого Кошона, чтобы хоть как-то определиться. Но беда в том, что Кошон и сам ничего толком не понимает...

Филипп стремительно вошёл в свои покои, одним взглядом удалив за дверь слуг, опустился в кресло и, не дожидаясь, когда усядется епископ, сердито выкрикнул:

– ВЫ, что скажете, Кошон?!

– Что я могу сказать, – развёл тот руками, испытывая страстное желание снять дорожную кожаную шапочку и вытереть совершенно взмокший лоб. – Думаю, теперь у нас есть крепкие основания начать процесс о колдовстве. Подлог –

хороший повод. И доказательства существуют – эти, якобы, братья девицы и вся та семья, что осталась в Домреми...

– Помнится, я просил вас съездить в Шампань и послать туда людей за сведениями.

– Да, ваша светлость... Но они ничего не узнали. Более того, один из моих посланцев заявил, что был бы счастлив услышать о своей сестре то, что говорили в деревне об этой Жанне...

– Но если их две!.. Что говорят о другой?!

– Ваша светлость... на тот момент у нас таких сведений не было... а в деревне определённо говорят только об одной... Выходит, вторую тщательно прятали, уже давно... Семье хорошо заплатили за молчание и, Бог знает как, купили или припугнули остальных... Это может стать утяжеляющим фактом для обвинения, в том, конечно, случае, если мы процесс начнём. Но, поскольку ваша светлость поинтересовались моим мнением, не могу не заметить, что всё это кажется мне слишком громоздким...

– Вот именно!

Герцог хмуро наматывал на пальцы чётки. Разбегающиеся в разные стороны мысли проступили в его взгляде непривычной растерянностью.

«Ла Тремуй видно хочет, чтобы я сделал всё за него – попался на эту наживку и затеял процесс по разоблачению... С одной стороны – умно. К нему самому сейчас вряд ли прислушаются. Но с другой – что мы знаем?! Ведь чтобы заго-

ворить с полным основанием, нужно хорошо представлять, о чём говоришь, а этого-то и нет! Я могу допустить, что герцогиня Анжуйская прозорливо прибрала к рукам незаконнорожденное дитя королевы, чтобы подготовить для Франции чудо, которое утвердит на троне нужного ей короля. Но выходит, что мадам оказалась прозорливее самого Господа и подготовила ещё и дубликат Чуда, который, судя по Орлеанским событиям вполне себя оправдал...»

Рубиновое зерно чёток на мгновение задержало движение пальцев и ход размышлений. Но только на мгновение...

– Пусть так... – снова забормотал герцог. – Однако, крестьянка, призванная служить всего лишь двойником, вряд ли вызвала бы столько беспокойства. А вы слышали, что рассказал этот господин? Они ОБЕ, и герцогиня и эта их Дева, говорили о некоей Клод так, словно всё, что делается, делается ради неё... Эта забота обескураживает тем, что я в ней ничего не понимаю! Её слишком много ради простой подмены. И потом, разве можно было предвидеть, что девица из захудалой деревни ползет в бой и будет ранена?! Или наоборот – что она пригодится, когда будет ранена та, другая... Я, кстати, совсем не верил в её чудесное воскрешение... Но, если подмену выставили так открыто, что это означает? Там все всё знают? Или никто ничего благоразумно не заметил?!..

– Не знаю, ваша светлость, – пролепетал Кошон, почти испуганный этой растерянностью Филиппа.

Но тот никакого ответа не ждал. В глубокой задумчивости

герцог разговаривал уже сам с собой, перекидывая известные ему факты, как зёрна на чётках.

– Нет... Нет, нет! За крестьянкой никто из высокородных рыцарей никогда бы не пошёл, и девица, воевавшая под Орлеаном, несомненно, та, незаконнорожденная, а, если кто-то и подменил её после ранения, то только тайно, обманув остальных... Но, кто же тогда другая?! Или это ещё один бабстард, что было бы совсем уж невероятно! Или... – Герцог на мгновение замер и посмотрел на Кошона почти с ужасом. – Или пророчество всё же свершилось, и мадам каким-то образом это узнала, как-то перехватила, соединила со своей афёрой, и теперь приберегает истинную Деву для чего-то более важного?

Кошон, наконец, не выдержал – залез пальцами под тесную шапочку и поелозил по лбу. Пальцы мгновенно стали мокрыми.

– Может, сообщить в Рим?

– Что сообщить?!

– Всё, что мы знаем... И пускай сами разбираются.

– А вдруг там придут к тем же выводам, что и я сейчас?

Вы хотите до смерти напугать папу вторым пришествием?

Кошон шумно выдохнул.

– Что же тогда делать?.. Ла Тремуй обеспокоен. Если военные дела у дофина и дальше будут столь же успешны, ему своих позиций при дворе не удержать и о мирных переговорах с вашей светлостью хлопотать будет некому.

Филипп медленно размотал чётки, не сводя глаз с епископского лица. Внезапно взгляд его прояснился, а по губам поползла улыбка – не прежняя, беззаботная, а скорее похожая на злорадную усмешку.

– А знаете, Кошон, мне пришла в голову интересная мысль... Ничего громкого делать мы пока не будем – с таким противником, как её светлость герцогиня, торопиться не следует...

– Но Ла Тремуй... Мы не можем терять такого союзника! Ему надо что-то передать!

– Лишь мою благодарность... И то, только за кинжал. С ним я, по крайней мере, знаю, что делать. А ещё... – усмешка герцога стала шире, – ещё дайте ему какнибудь знать о возможных родителях девицы. От своего имени, разумеется... Теперь, думаю, можно... Получится ответная любезность. И пусть он тоже голову поломает... Я же отправлю письмо Бэдфорду – успокою, чтобы, из-за религиозного почтения, не вздумал уйти из Франции, как Саффолк от Орлеана. А потом... Потом, по родственному, поздравлю с победой господина де Ришемон...

* * *

Из покоев герцога де Вийо вышел, тоскливо соображая, что теперь делать?

Несколько дворян в галерее обернулись на него, окину-

ли не узнавающими взглядами с головы до ног и снова вернулись к прерванному разговору. А конюший, которого эти взгляды окончательно смутили, решил выйти во внутренний двор, где сновали люди попроще.

У колодца поили лошадей, и, пользуясь тем, что решётки были открыты, де Вийо попросил дать воды и ему¹.

Он пил и осматривался.

В раскрытом окне верхней галереи важная от дородности кастелянша терпеливо выбивала моль из безумно дорогих меховых накидок. Несколько разодетых пажей весело перекликались с дозорным, свесившимся к ним через зубец валганга². У лестницы, что вела в оружейную на нижнем дворе, терпеливо дожидались новых подков холёные жеребцы, а из недр самой оружейной доносился трудолюбивый звон кузнечного молота... Картины достатка и процветания – добротные, уверенные, не знающие нужды...! Де Вийо вдруг вспомнил чаяния, с которыми ехал сюда, и рассмеялся. Кому он здесь нужен?! Он – мелкий придорожный камешек, волей случая влетевший в коловорот этих величавых, власть имущих колёс. Они могут либо раздробить, либо выкинуть обратно на обочину, и нужно очень резко прыгать между спицами, чтобы протащиться за ними, хоть немного, по ухабам

¹ Колодцы в замках имели важное стратегическое значение. В случае осады или эпидемии они были единственным источником воды, поэтому, чтобы избежать отравления, обносились высокими решётками, которые, при хорошем ведении хозяйства, отпереть мог не каждый.

² Верхняя часть крепостной стены, предназначенная для орудий.

Жизни... Но, чтобы прыгалось, надо, чтобы и колёса вращались, а это бургундское колесо, кажется, решило притормозить... Да и верно – зачем ему нестись куда-то, когда и так всё хорошо...

С досадой выплеснув недопитую воду, де Вийо пошёл на кухню – заесть огорчение чем-нибудь пристойным – и там, хотя бы, не остался разочарованным.

Он прекрасно проводил время, чередуя зажаренную оленину с бургундским и расплачиваясь за угощение остроумно-живописными рассказами о чудесной Деве, когда его отыскал посланный епископом слуга.

– Мы уедем рано утром, Вийо, – сообщил Кошон, с опаской поглядывая через окно на небо. – Кажется, непогода отступила, и обратный путь будет более спокойным. Но дело, которое я вам поручу, может вызвать настоящую бурю. И, если вы будете неосмотрительны, или употребите во зло то доверие, которым почтил вас герцог Филипп, первая же молния этой бури ударит по вашей голове.

Конюший напрягся.

– Его светлость даёт мне поручение?

– Много больше, сударь! Он доверяет вам тайну, которую нельзя доверить, ни бумаге, но обычному гонцу! Вы передадите её – но только от моего имени – господину Ла Тремуую и...

Кошон замаялся, с некоторым сомнением глядя в загоревшиеся азартом глаза де Вийо.

– И что?

– И далее будете молчать о ней даже под пытками!

Де Вийо мгновенно упал перед епископом на колени.

– Я готов сейчас же принести любую клятву его светлости!

Герцог не пожалеет о своём доверии!

– Я знаю. Поэтому и рекомендовал вас, – важно кивнул

Кошон.

А про себя вспомнил брезгливо поморщившегося герцога и свой последний, аргумент в пользу этого гонца, убедивший Филиппа больше всех других: «В крайнем случае, ваша светлость, де Вийо можно и пожертвовать. Не самая великая потеря...».

Париж

(май 1429 года)

– Какого чёрта!!! Какого чёрта вы ушли, не дав сражения, Саффолк!!!

Красное от крика, свирепое лицо герцога Бэдфордского пугало больше, чем его гнев и методичные удары о стол, на котором, при каждом ударе, жалобно позвякивали серебряный кувшин и кубок, опустевшие после того, как герцог залпом выпил их содержимое.

– Вы что, не понимаете, чем это грозит нам вообще, и мне, как регенту, в частности?! Не вы, милорд, станете оправдываться перед парламентом! И не ваше имя будет оплётано потомками, когда им придёт в голову вспомнить об этой позорной осаде!!! Это же надо, а! Осрамить честь стольких великих побед! И перед кем?! Перед какой-то французской деревенщиной! Перед шлюхой, про которую здесь только ленивый не сказал, что она не годится даже для плотских удовольствий!.. Полугодовая осада! Деньги, которые я выбиваю из парламента! Всё под хвост драному французскому козлу!.. Да будь жив Гарри, он бы шкуру с вас содрал, как с какого-то простолюдина!

Бэдфорд закашлялся, схватился было за кубок, но, увидев, что вина там больше нет, с грохотом отшвырнул его в

угол.

– Накажите меня, ваша светлость, – опустил голову Саффолк. – Я приму любое наказание.

– Да что мне с ваших наказаний! Даже если я применю к вам все известные казни, позора это не умалит! Зато наши враги воочию убедятся – в английском воинстве разлад среди высших командиров! И станут довольно потирать руки!.. Или, может, вы этого и хотите, раз уж стали для них таким благодетелем, что уходите без боя!!!

Пересохшее от крика горло снова скрутил спазм, и Бэдфорд закашлялся уже надолго.

Саффолк повернулся к дверям.

– Эй, кто-нибудь! Принесите его светлости воды!

Через мгновение секретарь де Ринель, словно дожидавшийся этого сигнала, вошёл в сопровождении слуги с новым кувшином в руках. Помятый при падении кубок хотели заменить, но, всё ещё кашляющий герцог замахал руками, вырвал кубок, сам себе налил трясущимися руками и жадно выпил.

– Ваша светлость, – робко проговорил де Ринель, – прибыл гонец от Филиппа Бургундского... Я бы не осмелился беспокоить, но он говорит что дело срочное...

Бэдфорд грохнул многострадальным кубком о стол и сплюнул.

– Ну вот... началось... Теперь, по вашей милости, Саффолк, я буду вынужден принимать лживые соболезнования

от Филиппа – ещё одного любителя уводить свои войска!..
Давайте сюда гонца, Ринель – мой день сегодня и без того испорчен.

– Гонец лишь передал это, ваша светлость.

Секретарь, с поклоном, протянул письмо.

– Что там?

– Я не осмелился вскрыть – оно адресовано лично вам.

Бэдфорд, сердито засопев, сломал печать и отошёл к окну. Де Ринель тут же воспользовался этим, чтобы послать Саффолку сочувствующий взгляд. Тот в ответ еле заметно пожал плечами, словно говоря: «А что я мог поделаться?». Как вдруг оба они услышали, что Бэдфорд тихо смеётся. Согнувшись над письмом, он весь трясся, а дочитав до конца, уже хохотал – зло, досадливо, но явно не помня о своём недавнем гневе.

Де Ринель и Саффолк снова переглянулись. Виноватость одного и почтительность другого не позволяли им задавать вопросы, но герцог сам повернулся к ним и, помахав письмом, выдал сквозь смех:

– А знаете, Саффолк, я вас, пожалуй, прощу. Но вовсе не потому, что принял ваши объяснения, скорее, наоборот... Пускай французы думают, что мы поверили в это их, якобы, Чудо...

– Вы получили хорошие новости, милорд? – решился спросить командующий.

– Куда уж лучше... – снова помрачнел герцог. – Нас пытались одурачить, как детей! Филипп пишет о целом заговоре

при дворе дофина, но уверяет, что знает так же, как обернуть этот заговор против самих заговорщиков... Он много знает, этот Филипп... И, как водится, много не договаривает. Я сердился, было, на него за уход от осады, но, если он выполнит то, о чём пишет, для нас далеко не всё потеряно... Присядьте, господа, сейчас я расскажу вам кое-что новое о Божьей воле...

Тур

(10 мая 1429 года)

Мадам Иоланда готовилась к приёму.

Утром она со всем тщанием вымылась и теперь уже больше часа терпеливо стояла на постаменте посреди комнаты, дожидаясь, когда фрейлины завершат подгонку нового, отягощённого золотым шитьём и драгоценностями, парадного платья густого синего цвета.

Ждать оставалось немного – уже были подвязаны длинные рукава, охваченные мехом, который две служанки обдували со всех сторон минут двадцать; разложена по плечам невесомая вуаль, спускающаяся с высокой шапки, и оставалось только застегнуть драгоценную пряжку на ворота, невысказанно красивой и столь же невысказанно дорогой мантии.

Эту мантию герцогиня заказала давно – ещё к той коронации Шарля, которая совершилась в Бурже – но тогда так и не одела.

– Не хочу, чтобы меня сочли расточительной в тяжёлые для государства времена, – сказала она, без особого сожаления приказывая убрать наряд подальше. – Надену, когда это будет более уместно и достойно...

И вот, день настал!

И душа мадам Иоланды ликовала, расслабленно и востор-

женно, с юным замиранием сердца, словно расточающим вокруг себя весеннее настроение. От этого и воздух вокруг казался каким-то цветочным, и улыбки фрейлин, поминутно вспыхивающие то тут, то там, походили на солнечные блики среди молодой зелёной поросли, да и сама герцогиня, кажется, впервые в жизни, смотрела на себя в зеркало с удовольствием!

Сегодня в Тур возвращалась победоносная Дева!

По такому случаю дофин распорядился устроить пышный приём, не стесняясь в средствах. И, конечно же, провести по всем правилам рыцарский турнир, которые со времен победы при Бурже вообще не проводились, а до этого, из-за жалкого положения дофина – как финансового, так и морального, устраивались кое-как. Теперь же турнир обещал быть роскошнее тех, что помнились со времен покойного короля, потому что стольких славных имён, собравшихся в одном месте, не только Тур – вся Франция не помнила со времён Азенкура. Подросли сыновья павших в том сражении рыцарей, и им победа под Орлеаном словно подсказала – надо сплотиться и в едином порыве и отомстить за честь отцов! Появилась надежда в лице чудесной Девы, и теперь даже колеблющиеся и не верящие в дофина дворяне стали спешно собирать отряды в своих поместьях, чтобы примкнуть к армии законного французского короля.

Да и самого Шарля мало кто помнил таким радостным и

оживлённым, как в дни после снятия осады.

– Я хочу праздника и хочу этот турнир! – возбуждённо говорил он каждому, кто имел хоть какое-то отношение к устройству встречи Девы и войска. – Хочу увидеть славнейшие гербы Франции на СВОЁМ ристалище! И хочу, чтобы Жанна тоже могла принять участие!

Дофин даже собирался организовать её посвящение в рыцари, чем вынудил мадам Иоланду рассказать, что Карл Лотарингский уже сделал это в своём замке.

– Почему же он не сообщил об этом? – удивился Шарль.

– Потому что это было всего лишь мнение Карла о никому не известной девушке. Оно не должно было повлиять на ваше, сын мой, – ответила герцогиня. – Он сообщил о её рыцарстве мне, предлагая самой решить, что с этим делать, и я рассудила, что вашему величеству никто не указ. Зато, с другой стороны, великодушный поступок герцога нам очень помог. Разве могли ВЫ произвести Жанну в рыцари до того, как она одержала такую славную победу?

– Нет, конечно!

– И правильно! Над вами смеялась бы вся Европа, окажись она самозванкой. Но великодушный поступок герцога позволил вашим военачальникам считать девушку в чём-то равной себе и, не теряя чести, следовать за ней...

– Я отправлю герцогу подарок! – воскликнул Шарль и шутливо погрозил герцогине пальцем: – Всё-таки вы большая интриганка, матушка – всегда всё знаете, а говорите ма-

ло!

– Вам достаточно только спросить, сын мой, и я готова рассказать всё, что и вам угодно будет знать.

– Кое-что угодно, – улыбнулся Шарль. Сегодня выражение «матушкиных» глаз его не раздражало. – Я никак не могу придумать, чем наградить Жанну. Подскажите, мадам, сделайте милость, вы ведь достаточно долго общались со всякими пророчицами и знаете, что они ценят более всего.

Мадам Иоланда неопределённо пожалала плечами.

– Жанна – воин. Для неё, как мне кажется, посвящение в рыцари и было бы достойной наградой. Но, коль скоро это уже случилось, вы можете пожаловать ей серебряные шпоры...

Шарль задумчиво смотрел в окно.

– Золотые, – пробормотал он, словно пробуя слово на вкус. – Золотые шпоры, матушка... Я король, и имею право...

– Бесспорно.

Глаза дофина и герцогини встретились.

– Что вы имели в виду под этим «бесспорно»?

– Только то, что вы действительно король, мой дорогой.

– А вы, мадам, по-прежнему, моя драгоценная матушка...

* * *

Однако, ни вернувшееся расположение дофина, ни празд-

нества, да и, что греха таить, ни проснувшееся в ней, чисто женское желание блеснуть новым – таким символическим – нарядом, не радовали герцогиню так, как радовало ощущение СВЕРШИВШЕГОСЯ!

Накануне приезда Девы, в Тур вернулись некоторые военачальники с отчётами, в том числе и де Ре, который, сославшись на то, что к дофину теперь нелегко попасть, первым делом пришёл к мадам Иоланде и попросил о встрече с глазу на глаз. Мадам не отказала, и де Ре, вкратце поведав о ранении Жанны и про её подмену, сразу перешёл к главному.

– Прошу простить мою дерзость, мадам... Прекрасно знаю, как опасно с вами хитрить, поэтому спрошу прямо – кто та девушка, которая приехала с Жанной из Лотарингии, и которую прячут сейчас под видом её пажа?

На бесстрастном лице герцогини не отразилось ничего. Или почти ничего... Разве только самую малость – от неожиданности, что барон догадался – но в целом мадам Иоланда ничем не выдала ни растерянности, ни испуга, ни чего-либо другого, что де Ре так жаждал увидеть.

– Я вас не понимаю, мессир.

– Увы, ваша светлость, я уверен, что о второй девушке вы прекрасно осведомлены, и мне приходится быть дерзким и просить у вас объяснений, потому что... не знаю... я случайно догадался, и теперь не могу не думать... А думая, я делаю выводы, которые могут оказаться ошибочными... или верными, но всё равно, это будут лишь догадки, тогда как

мне необходимо знать то, что есть на самом деле!

Герцогиня минуту колебалась, потом какая-то – то ли снисходительная, то ли настороженная – улыбка пробежала по её губам.

– Скажите мне о своих догадках, сударь, и вы получите ответ.

– О них довольно сложно сказать, – покачал головой де Ре, – мне лишь показалось... хотя, кто знает... Эта девушка... – он мялся, подыскивая нужные слова, но, видимо, так и не найдя их, по-детски беспомощно взглянул на герцогиню. – Она настоящая Дева, да? Та, которая должна явиться по пророчеству?

Вот теперь лицо мадам Иоланды дрогнуло, не скрываясь!

С волнением, таким для неё непривычным, по крайней мере, при посторонних, она подалась к де Ре и ласково тронула его за руку.

– Как вы догадались, мессир?

– О... Так это правда?!

Глаза барона округлились, как у ребёнка.

– Мадам... но как?!.. Я лишь случайно разговорился с ней, думая, что это мальчишка-паж, который просто трусит... А потом... то, что она говорила было так непривычно...

– Расскажите мне, сударь – ЧТО? Теперь я должна знать...

Но де Ре, как ни старался, так и не смог ничего объяснить – он был слишком взволнован. Кое-как, сбиваясь на ненуж-

ные подробности, которые вдруг стали казаться чрезвычайно важными, барон рассказал о происшествии возле церкви у Сен-Лу, но, закончив, выглядел так, словно не верил сам себе.

– Простите, мадам, – выдохнул он, – мои мысли стали тяжелее моих доспехов.

Однако герцогиня, как ни странно, осталась очень довольной.

Заверив де Ре, что всё прекрасно поняла, она взяла с него слово – молчать, но присматривать за Клод до срока, приход которого известен теперь, кажется, только Господу.

– Так её зовут Клод? – спросил рыцарь.

– Нет, люди её называли Жанной. Но имя Клод ... О, месье, когда-нибудь я расскажу вам историю этого имени, и вы будете поражены Господней мудростью, подарившей нам не очередную пророчицу, а подлинное дитя Бога!

«Я всё сделала правильно! Я не ошиблась! Я выполнила своё предназначение!».

С этим припевом мадам Иоланда теперь вставала, ложилась и занималась неотложными делами. Уж если такой циник, как де Ре – такой вояка, которому задумываться приходилось, разве что, о выборе оружия – сумел не только распознать Клод в паже, но и **УВИДЕТЬ** её саму в ряженной крестьянской девушке, значит, сомневаться не в чем!!!

«Я всё сделала правильно! Я не ошиблась! И теперь, Гос-

поди, передаю сделанное в руки твои...»

Поэтому сегодня, в день приезда Её Девы, герцогиня с удовольствием смотрелась в зеркало, находя отражение в нём беспечно прекрасным. Она даже позволила себе кокетливо повертеть плечами, чем вызвала неудовольствие старухи-швей, служившей при ней ещё, кажется, со времен девичества. Старуха как раз прикрепляла пряжку к вороту мантии и без конца цокала языком.

– Боюсь, слишком туго возле горла-то, – ворчала она, пытаясь стянуть края тяжёлой мантии пониже. – До зала паж донесёт, а там-то как? Пойдёте к трону, да в толчее – а ну, как наступит кто! ПридУшитесь, ваша светлость, вот помяните моё слово...

– Всё хорошо, – беспечно отмахнулась герцогиня. – Расшивать времени нет. Подайте мне веер и поверните зеркало к свету... Так... Хорошо! Я готова!

* * *

Жанну встречали с почестями, поистине королевскими. Продумано было всё вплоть до маршрута, по которому она должна была проехать к замку дофина, останавливаясь возле платформ с аллегориями Справедливости, Храбрости, Благородства и Целомудрия, чтобы принять от них венки и знаки отличия. Старшины городских цехов предложили свои услуги по оформлению улиц и тех домов, мимо которых Де-

ва будет проезжать, и, за немислимо короткий срок, соорудили некое подобие триумфальной арки из раскрашенного холста на центральной площади.

Всё должно было быть нарядно и празднично. Поэтому, накануне приезда работа нашлась для всех – трудились портные, ткачи, кондитеры, башмачники и прочие другие, чьим ремеслом за последние годы интересовались только в той степени, которая соответствовала нуждам военного времени. Теперь же каждому хотелось блеснуть нарядной одеждой, новыми башмаками и украсить свои окна, если и не коврами, которые далеко не у всех остались, то, хотя бы, полотнищами, на которых было бы выткано что-то, соответствующее случаю.

Но никакие работы, украшения и официально подготовленные ритуалы не смогли в полной мере отразить ту подлинную радость, что выплеснулась на улицы города, едва победоносная армия проехала через ворота. Лучники оцепления ничего не могли поделаться и ехавшую впереди Деву, ещё бледную после ранения, облепили со всех сторон так плотно, что конь под ней, не столько шёл, сколько плыл в ликующем людском потоке. Слова несчастных аллегорий, тянущих свои венки, терялись в приветственных криках толпы, платформы под ними кренились и грозили рухнуть под напором желающих рассмотреть Деву. И, чем ближе приближались к замку, тем сильнее становилась давка, так что пришлось нескольким капитанам обнажить мечи, чтобы отпуг-

нуть хотя бы тех, кто хотел непременно коснуться Девы, а то и проделать весь путь, уцепившись за её сапог.

Это ликование улиц словно просочилось сквозь толстые башенные стены и заполнило замок, где ожидал встречи дофин со своим двором. Здесь, конечно, вели себя сдержанней, но многие улыбались без обычной любезной натянутости. И даже представители наиболее дальновидных королевских дворов Европы выглядели взволнованными, а не беспристрастно надменными, как им предписывал статус наблюдателей. Все они низко поклонились, когда Жанна вошла, и все заметили, как почтительно согнулся и осенил себя крестным знамением неофициальный посланец папы.

– Как я рад!!!.. Я так рад видеть тебя!

Дофин стремительно подскочил со своего кресла и настолько порывисто бросился к Жанне, что всем показалось, будто сейчас он заключит девушку в объятия, (что будет, конечно же, по-человечески, понятно, но не совсем прилично для короля). Однако, Жанна успела опуститься на одно колено и низко опустить голову, как и положено подданной.

– Милый дофин, я выполнила часть того, что обещала, – произнесла она с почтительным достоинством, которое вызвало в зале лёгкую волну перешептываний. – Теперь смиренно жду, что вы позволите мне очистить дорогу до Реймса и короновать вас там, как положено.

Дофину, с великим трудом, удалось скрыть своё замешательство.

– О... да, да... мы обязательно поговорим об этом...

Поддавшись внутреннему порыву, он действительно хотел обнять Жанну, и теперь досадовал на себя за то, что до величия снова не дотянул. Нужно было просто подняться ей навстречу... тем более, в присутствии всех этих посланников и представителей... Просто подняться и протянуть руку для поцелуя... Хорошо, хоть сама эта крестьянка помнит своё место, и не дала ему опуститься до объятий с ней. Но это обращение – «дофин»... Оно коробило напоминанием о том, что, спустя столько лет после смерти отца, он всё ещё не король... Не настоящий король... И напоминало об этом не только Шарлю, но и остальным, среди которых хватало тех, кто наверняка усмехнулся в душе...

Приосанившись, дофин, пусть и запоздало, принял, наконец, подобающую королевскую позу, знаком велел девушке подняться и обвёл взглядом присутствующих.

– Сегодня великий день – мы будем только праздновать, Жанна! – возвестил он, цепко присматриваясь к лицам вокруг. – И ты обязана принять все те почести, которых достойна.

Тут же от королевской свиты отделился один из пажей с бархатной подушкой на руках. На подушке лежали золотые шпоры. И личный камергер дофина, подоспевший следом, опустился на колени, чтобы одеть их на Жанну.

В зале притихли.

Недавний радостный восторг начал медленно таять в при-

вычном дворцовом воздухе. Золотыми шпорами отличали только посвященных в рыцари, и только особ королевской крови... Девушка, конечно, совершила немислимое, но... но... всё-таки, она не дворянского рода, не посвящена... и вообще – не слишком ли всё это для простолюдинки?

Лица посланников напряглись. Их государи рассчитывали, в будущем, на союз с этим, вполне возможным королём – союз, который накинуд бы узду на военные аппетиты англичан. Но, если он опять начнёт увлекаться и делать глупости, вроде той, что совершилась на мосту в Монтеро, или унижать себя непонятными решениями, любой союз с ним будет выглядеть такой же глупостью....

– Какое величественное зрелище! – раздался вдруг голос герцогини Анжуйской.

Она говорила, обращаясь, вроде бы, к Танги дю Шастелю и старательно понижала голос, но так, чтобы посланникам, да и остальным, стоящим неподалёку, было хорошо слышно.

– Уж если Государь небесный произвёл эту девушку в свои рыцари, государю земному следует со всем почтением утвердить волю Господа.

Мадам даже слезу утёрла, чтобы иметь возможность повернуть голову и, невзначай, взглянуть на слушателей. Напряжённые лица заметно расслабились, а кое-кто даже посмотрел в ответ с благодарностью. Такое обоснование устраивало всех, и с подобного ракурса широкий жест дофина, действительно, выглядел по-королевски величаво. А следо-

вательно, и отчёты своим государям будут звучать теперь вполне достойно и утешительно.

– Его величество только что всем нам преподал урок высочайшего смирения, – назидательно произнес папский посланник, не желая оставаться в стороне там, где дело касалось Божьего волеизъявления.

Окружающие его согласно закивали, и мадам Иоланда поспешила воспользоваться случаем.

– Надеюсь, ваша милость, в Риме хорошо понимают всю значимость появления Девы именно на стороне законного короля Франции?

Посланник папы осторожно кивнул. Но, чтобы этот кивок не был принят за абсолютное согласие, прибавил, скрывая за медлительностью речи тщательный подбор слов:

– Мы готовы признать, что чудесное явление способствовало победе его величества под Орлеаном. Но во всём, что касается чудес Господних, следует быть очень осторожным. Планы Его всегда многогранны, множественное их толкование и есть то поле жизни, которое возделывает святая Церковь, отделяя зёрна от плевел. А посему всё должно происходить в своё время...

– То есть, чудо вы готовы признать только после окончательной победы Франции? – уточнила герцогиня.

– А разве, на нашем месте, вы, мадам поступили бы иначе?

– Пожалуй, нет. Однако, возделывая поле жизни, я бы все-

гда помнила о том, что пространство его ограничено всего лишь выбором между двумя мнениями – что считать зерном, а что плевелом. И, возделывающий поле, не может ступить на него, не определившись, хотя бы, с этим.

Прелат улыбнулся.

– Бесспорно. Но только в том случае, если возделывающий сам же и сеятель. Однако, поле нашей жизни засеивает Господь, а Церковь лишь принимает урожай. Пока всходы не дали плодов, трудно понять, какое именно зерно посеяно. Но, уверяю вас, ни один росток не остаётся без внимания, а тот, что растёт на благо, получит ещё и особую заботу и покровительство.

– Ну, что ж, аминь, – вернула улыбку герцогиня.

А про себя подумала: «Значит, мешать они не собираются».

И, в очередной раз почувствовала себя довольной.

Вопрос с Церковью – о том, какую точку зрения на Деву примет папа – был достаточно волнительным и отнял уйму денег, времени и чернил, истраченных на письма. «От этих церковников всего можно ожидать, – жаловалась мадам Иоланда мессиреу Танги. – Сегодня они говорят тебе: „Да, да, конечно!“, а завтра делают удивлённое лицо и начинают за-верять, что это их „да, конечно“, вовсе не означало то соглашение, на которое ты рассчитывал! И разъяснят, как нужно было понимать на самом деле; и вывернут всё наизнанку так, что ты и сам себе уже не веришь. А потом ещё и виноватым

тебя сделают, потому что глуп оказался и сразу, как надо не понял... В их руках вера, и они всегда правы. Поэтому я волнуясь, Танги, несмотря на принятые меры».

Впрочем, меры, принятые герцогиней вовсе не были так уж шатки. Давнее дело, связанное с Филаргосом, хоть и не увенчалось полным успехом, всё же позволило герцогине создать нужную репутацию в широком кругу влиятельных лиц, без поддержки которых не обходился и нынешний папский престол. Обвинения в ереси и колдовстве – а в том, что они будут, мадам Иоланда не сомневалась – должны были встретить в Риме мощное противодействие со стороны этих лиц. И то, что папа недвусмысленно давал понять: «Поживём – увидим, а пока мешать не буду», уже было хорошо.

Между тем, церемония надевания шпор закончилась. Объявив о начале празднований, дофин покинул зал, чтобы подготовиться к турниру, а придворным позволили поздравить Жанну, и теперь все они теснились возле девушки, создавая толчею, не хуже горожан на улицах. Герцогиня тоже двинулась было туда, за Дю Шастелем, расчищающим ей проход. Но, величаво пройдя несколько шагов, вдруг почувствовала как мантия за спиной натянулась, у ворота что-то затрещало, а драгоценная пряжка больно вдавилась в горло. Видимо кто-то наступил на подол... Следующий шаг грозил конфузом, поэтому, герцогиня, не оборачиваясь, подняла руки и, не замедляя хода, расстегнула мантию, которая тут же сползла за ней на пол.

Сзади кто-то охнул. Дю Шастель обернулся, и под его взглядом несколько человек бросились мантию поднимать. Но мадам Иоланда даже бровью не повела. Улыбаясь так, словно всё происходящее её не касалось, она сердечно обняла Жанну, говоря, что благодарна ей, как мать за спасённое дитя. Потом справилась о её самочувствии и спросила, не потеряла ли Дева в боях кого-нибудь из свиты?

– Господь сохранил меня и моих людей, – ответила Жанна, прекрасно понимая, чем вызван последний вопрос. – Мой оруженосец и оба пажа сейчас в замке, мадам – все живы и здоровы.

Герцогиня сдержанно улыбнулась.

– Я бы хотела услышать из первых рук о том, как Саффолк увёл свою армию, – сказала она, прежде чем отойти. – Навестите меня после праздника, дорогая. И можете взять с собой одного из пажей...

Ответив на низкий поклон Жанны наклоном головы, мадам Иоланда прошла к дверям в покои дофина и только тут позволила себе обернуться.

Позади, на почтительном расстоянии, стоял, опираясь на палку, сильно постаревший мессир Ги де Руа – давний соратник дядюшки де Бара, давно отошедший от дел при дворе, но немало полезного сделавший когда-то в деле Луи Орлеанского – и, рядом с ним, молодой рыцарь с мантией герцогини на руках. На надорванном меховом оплечье покачивалась отстёгнутая пряжка.

– Мой племянник почтительно просит вашу светлость его простить, – дребезжащим голосом проговорил де Руа. – Он совсем недавно при дворе и пока неловок.

– Для ловкости многого не требуется, сударь, достаточно хорошо видеть тех, кого следует замечать всегда и везде, – выговорил стоящий за ними Дю Шастель.

Де Руа вздохнул.

– Если мадам герцогиня позволит, я велю отдать эту мантию в починку, и сейчас же закажу новую, такую же.

Глядя на его сконфуженное лицо, а более всего, на лицо молодого рыцаря, мадам Иоланда не смогла удержаться и засмеялась, беззлобно и тихо, закрывая веером внезапно загоревшееся лицо.

– Зачем же мне две, сударь? Разве что, носить их вместе, чтобы, когда упадёт одна, другая оставалась..., – смех, почему-то не проходил, и герцогиня, с удивлением осознала, что ей от этого хорошо. – Передайте моим слугам эту, и забудем... Пустое.

Но молодой человек неожиданно шагнул вперед. Заливаясь румянцем прямо на глазах, он пылко возвестил:

– Я осквернил вашу мантию, мадам! По моей вине она упала и более вас не достойна. Но позвольте мне хранить её, как святыню и подарите нам с дядей честь заказать для вас новую!

Мадам Иоланде показалось, что в зале раздался какой-то звон...

Или это у неё внутри?... Незнакомый голос поёт, словно натянутая тонкая струна, волнуя непонятностью, такой странной, непривычной, такой властной, что не отгонишь... не забудешь... не воспротивишься... Да и надо ли?...

Какие красивые глаза у этого мальчика...

– Моя мантия не может быть святыней.

– Когда кому-то поклоняешься, всё, чего он касался, святыня...

Ах, какие глупые речи! Как хочется сказать: «Не сотвори кумира в сердце своём»... Кумира... В сердце... в сердце... в сердце...

Внезапно весна, так приятно напоминавшая о себе всё утро, ворвалась в зал весёлой, беззаботной хозяйкой, и закружила вокруг головы весь мир! Танцуя и резвясь, размала все лица, звуки, заботы. Осталось только мельтешение разноцветных пятен и, среди этого фейерверка, единственное, видимое отчетливо – прекрасное лицо ангела, сошедшего на землю в обличье молодого рыцаря...

– Как вас зовут, сударь?

– Филипп де Руа, к услугам вашей светлости.

«Филипп», – мечтательно пропел знакомый голос внутри. – «Фи-ли-п-п...»

Труа

(май-июнь 1429 года)

Всякий интриган подобен акуле, гибнущей без активных действий. Однако, если бы в дни, последовавшие за снятием осады с Орлеана, у господина Ла Тремуя спросили, что он чувствует и что собирается предпринять в ближайшие дни, с ответом ему пришлось бы долго определяться.

Да, с одной стороны, несомненно, досада. И даже не на мадам Иоланду. Она, что? Она всего лишь удачно провернула собственную интригу, и, не будь так опасна лично Ла Тремуя, вызвала бы, пожалуй, восхищение. Бесило то, как послушно и глупо все стали преклоняться перед этой Жанной с её случайной победой! И то, как верили, или делали вид, что верят, в свершившееся Чудо, связывая самого Ла Тремуя по рукам и ногам! Что он мог, практически в одиночку, против этого всеобщего сумасшествия?!

Но, с другой стороны, сведения, переданные через де Вийо герцогом Бургундским, неожиданно принесли радость. Ту радость, которая свойственна всем интриганам, почуявшим «свежую кровь». Тут для действий открывался, простор. Правда был он такой неоднозначный, что заставлял не столько радоваться, сколько осторожничать и ломать голову, зачем же всё-таки Филипп Бургундский этим поделился, и

почему доверил передачу подобного секрета личности столь незначительной, как де Вийо, к тому же, имеющей в этом деле, пусть и такой же незначительный, но личный интерес?..

Впрочем, тут у Филиппа других вариантов могло и не быть...

– Вы хоть понимаете, какого рода доверием вас почтили? – спросил Ла Тремуй у де Вийо, пряча под вопросом и радость, и озабоченность.

– Разве я его не достоин? – усмехнулся конюший.

Ла Тремуй взглянул почти с жалостью.

Как изменился этот господин! Развязный тон, поза, совсем не подобострастная, совсем не та, с какой он явился в первый раз... Болван кажется думает, что владение общей тайной их как-то уравнивает. А между тем, происхождение Жанны – секрет такого рода, который не каждому по зубам. Тем более, де Вийо. Для него это, скорее удавка, уже наброшенная и готовая затянуться при первом же неверном движении.

– Вы многого достойны, – ответил Ла Тремуй, держа в уме эту удавку. – Но я спросил не случайно, и, говоря о доверии, имел в виду далеко не награду.

Де Вийо напрягся. Его расслабленное от сознания собственной значимости тело мгновенно подобралось.

– Я не понимаю, ваша милость.

– Вот поэтому я и спросил... Вы оказали мне большую услугу, а я не из тех, кто забывает, поэтому предупреждаю...

Разумеется, вы не станете рассказывать каждому встречному о том, что узнали, но о том, что ЭТО вам известно, к сожалению, знаю не только я. Герцог Филипп видимо не подумал, насколько его тайна смертоносна для тех, кто не имеет счастье быть герцогом королевской крови. Зато я это хорошо представляю и беспокоюсь... я дорожу вами, де Вийо, хочу уберечь от любой непредвиденной... м-м, скажем так – оплошности. Нет, нет, повторяю, я вовсе не имею в виду вашу несдержанность! Но обстоятельства могут сложиться по-всякому – в политике ветра так переменчивы. А герцог Филипп, случись что, с высоты своего положения, вряд ли отнесётся к вам так же..., м-м, бережно.

Ла Тремуи удовлетворенно отметил про себя, что развязности в его посетителе поубавилось. Сообразительный конюший снова стал похож на того, прежнего, настороженного, словно зверь. И хорошо. Как раз теперь в деле с Жанной этот господин с его рвением, если забудется, станет только помехой, потому что отныне просто подслушивать под дверью не получится. Теперь ковыряться тут надо как ювелиру, с иглой, самому нащёптывая то, что возможно потребуется нашептать, и со знанием дела куда большим, нежели простое желание отомстить или выслужиться. «А этот везде лезет с наглостью, как с дубиной, – подумал Ла Тремуи. – Думает, всё так просто... Впрочем, до сих пор, для него оно так и было – терять ему особенно нечего. Но теперь пускай задумается. Пусть осознает предел, за которым его ничтожные по-

мысли могут обернуться против него же. Сейчас я предостережёт, сбил спесь, а теперь посажу на цепь там, где мне нужно».

– Я не могу больше рисковать вами в этом деле, но не хочу и терять, – позволил себе мягкую улыбку министр. – Сведения, которые вы привезли, настолько оглушительны, что даже мне, узнавшему их, требуется теперь обеспечить себя хоть какой-то безопасностью. Вы ведь понимаете, о чём я?

Де Вийо настороженно кивнул.

– А что может дать такую безопасность? Как вы думаете?

– Что?

– Другие сведения, дорогой Вийо. Те, о которых Филипп понятия не имеет. Сведения об этой таинственной Клод, которая важна мадам герцогине даже более, чем Жанна.

В глазах конюшего повис новый вопрос.

– Вы не понимаете? – снисходительно спросил Ла Тремуай.

Де Вийо сглотнул.

«Я и сам ещё не понимаю. – подумал министр, – но чувствую... да, всей кожей ощущаю, что здесь самое уязвимое место! Узнай мы, кто такая Клод, и зачем она привезена – весь план герцогини Анжуйской сразу станет ясен до конца. А поскольку безупречных планов не бывает даже у самых изощрённых умов, при полной ясности, найдётся и способ его разрушить...»

– Против Жанны мы сейчас хорошо вооружены, – сказал он вслух. – Само собой, дело о мошенничестве с её стороны, теперь не раздуешь, и слава Богу! Тем и хороши полные све-

дения, Вийо – они не дают попасть впросак. Но знания об этой Клод вооружат нас ещё больше и, разумеется, обезопасят, потому что, как я понимаю, о ней не знает никто, кроме нашей герцогини и, может быть, нескольких преданных ей людей. Но они не в счёт. Главное, что не знает никто со стороны. Поэтому торг с герцогиней, не ожидающей здесь никакого подвоха, может оказаться очень интересным.

– А если знает герцог Филипп? – робко спросил де Вийо, вспомнивший вдруг беззаботность Бургундского двора.

Ла Тремуй на мгновение замолчал.

– Если Филипп знает, – сказал он, всё обдумав, – знает, но не говорит, даже начав раскрывать тайны, это может значить только одно – сведения о Клод более ценны чем то, что наша Дева королевской крови. И, хотя сейчас трудно представить, что может быть ценнее, вы должны это узнать, Вийо. Обязательно и любой ценой.

Лош

(середина мая 1429 года)

В середине мая двор Шарля переехал в Лош. Дофин, пребывая в приподнятом настроении, нашел этот замок весьма привлекательным и велел подготовить переезд сразу после празднеств.

Ему кружила голову новизна ощущений. До сих пор из замка в замок он переезжал, в основном, как беглец, вынужденный это делать, теперь же переехал просто потому, что захотел. А ещё потому, что все ждали от него каких-то действий – конкретных действий, которые закрепили бы первый успех и доказали, что это не случайность. Все смотрели с надеждой, как и смотрят, обычно, на королей, чем, поначалу, радовали!.. Но недолго. Шарлю, к несчастью, вдруг стало мерещиться в этих взглядах и другое. Ему казалось, что надежды на него возлагают только как на человека, способного поддержать Деву, и более никак! Что почтение, проснувшееся, наконец, при дворе – не показное, а истинное – идёт только через Жанну, через сам её приход к нему, как к законному наследнику! Но, чем больше Дева будет побеждать... иначе говоря, чем большим он будет ей обязан, тем меньшим чудом будет казаться её приход ему самому!

Шарль не мог объяснить, откуда вдруг родилась в нём та-

кая уверенность, но за два дня, что прошли после приезда Жанны, он всё чаще ловил себя на мысли: «Эту девушку почитают больше, и куда искреннее, чем меня!». И униженность, ползущая за ним с самого дня рождения, снова замачала рукой из далёкой ссылки – не вернуться ли?

Но нет! Нет! В Шиноне дофин поклялся, что возврата к прежнему не будет! И он ни за что не позволит себе сдать обрётённые позиции! Поэтому, быстро завершив празднования, уехал в Лош, подальше от Жанны, которой никак не могли налюбоваться его подданные – туда, где, по его же словам, будет находиться «в равной отдалённости от Тура, Буржа, и Шинона», заполнявшихся многочисленными теперь сторонниками дофинистов, и где сможет «хорошо обдумать дальнейшие шаги, чтобы руководить ими достойно»...

На самом деле он ничего не обдумывал – он просто панически боялся.

Именно сейчас, после чудесной победы под Орлеаном, дофин понял и то, каким ужасом может обернуться для него любое поражение! Безопасный переезд из одного замка в другой – это, конечно, не великое достижение, но и это уже хорошо... Так хорошо, что вчерашнему полуизгнаннику такого пока вполне хватало. Лишь бы не стало хуже. А хуже стать может, ввяжись он безоглядно в затяжную военную кампанию ради коронации, которая, положив руку на сердце, не так уж и важна сейчас! И, может быть, Ла Тремуи прав... может, мирные переговоры с диктатом собственных условий

уже возможны – не зря же и в Европе, и в Риме помалкивают относительно Господних чудес, но заверяют, что «весьма рады французским победам»?.. И то, что Жанна требовала идти дальше, а подданные, ликуя, смотрели с надеждой, Шарля ничуть не вдохновляло, а только усиливало страх перед поражением.

Матушка... Ах, нет, вот, пожалуй, матушка, кажется впервые в жизни ничего не требовала и никаких советов не давала, но и от этого легче не было... И только приближённые к трону священнослужители, будто смертельно чем-то напуганные, вполне отвечали своим видом и робким поведением настроению Шарля, хотя, что они могли теперь, когда главными действующими лицами стали военные?..

А тут ещё, как назло, в самый день переезда – когда казалось, что вся шумиха уже позади и можно немного подумать в покое и одиночестве – словно притянутое страхами дофина, пришло известие из Орлеана о том, что командующий Ба-стард – Дюнуа, маршал Сен-Север и капитан де Ксентрайль, с остатком воодушевлённого войска, пытались одним махом взять расположенную в долине Луары крепость Жаржо, и потерпели неудачу!

Поражение не бог весть какое страшное, но Шарлю его хватило, чтобы понять – время для переговоров, увы, не настало, сейчас его с этим не поймут. И в Лоше, первой чёткой мыслью, которую он, наконец, осознал, была та, что праздники кончились. Кончились вместе с ожиданием чудес. Жизнь,

стянув с плеч радужную накидку, предательски задала свой вечный вопрос: «Что дальше?» и ждала ответа.

А что дальше?

Жанна твердит одно – нужно идти в Реймс и короноваться. Идти и короноваться!

Как будто это так легко!

Нужно пересечь полстраны, где каждый клочок захвачен, либо англичанами, либо бургундцами! А хватит ли Чуда на все те крепости, что стоят на пути?!

Созванный Совет ничего определённого не решил. Жанну, которая спешно прибыла из Тура, на него не позвали, посчитав, что воодушевлять здесь никого не требуется, поэтому «незачем и беспокоить понапрасну». Ла Тремуй предпочёл принять вид самый отрешённый, сославшись на то, что в военном деле понимает не много, но, «вот если бы мирные переговоры...». А матушка... эта всегда деятельная, мудрая матушка, снова лишь пожала плечами и посоветовала безоглядно верить в Божью милость!

Её затуманенный беспечностью взор напугал Шарля больше всего. Неужели теперь всё решать самому? Именно теперь, когда всё лучшее, что случилось с ним в жизни, словно собралось, наконец, в единое целое, но это целое шатко балансирует на тонком шпиле среди враждебного моря! Одно-го неверного движения хватит, чтобы не подняться больше никогда. И всё! Европа скажет: «Господь отвратил от него лик свой», а самому Шарлю останется только гадать, за ка-

кой грех это с ним приключилось?

– Божья милость? – переспросил он, подавшись к матушке через стол. – А не вы ли, мадам, уверяли меня в том, что Господь был милостив ко мне всегда, и те испытания, что Он посылал, тоже были милостью, но тайный смысл этих милостей смертным умом не постичь?

– Что вы хотите этим сказать, Шарль?

– Только то, что увязнуть в осаде под каким-нибудь Осером или под Труа, тоже может оказаться непостижимой Господней милостью! И, может быть, он снова решит меня испытать, подарив следующую победу, пусть не англичанам, но, скажем, Филиппу Бургундскому!.. Что вы так смотрите, матушка? Вы недовольны? Считаете, что я богохульствую? Но вот сидит сир Аркур, давайте спросим его, так ли уж я неправ, сомневаясь в своей способности постичь Господень замысел? Ответьте нам, ваше преподобие, что вы обо всём этом думаете?!

Кристоф Аркур, епископ Шартра важно раздул щёки.

До сих пор к нему редко обращались за советом. В придворной братии епископ был тем, что называется «ни то, ни сё» – достаточно родовитый, слишком осторожный и не слишком амбициозный, чтобы прибегать к помощи интриг. Месяц назад, после окончания процесса по признанию Жанны Божьей посланницей, он остался в числе воздержавшихся, и по сей день достаточно открыто сомневался в природе тех, якобы небесных голосов, о которых было заявлено.

«Я не говорю, что нашего короля обманывают, но, возможно, Дева обманулась сама», – говорил он, играя интонациями так, чтобы не было понятно осуждает ли или по-отечески сожалеет... Но, в глубине души, епископ осуждал. Сам не мог понять, почему вдруг, но никак не верилось, что Господь со всем его могуществом, явил себя, вот так вот, запросто, обычной крестьянке! И явил не просто, не ради религиозного экстаза или какой-нибудь мелочи, вроде священного камня или святого источника, а ради дела, касающегося короны! Поэтому теперь, когда дофин к нему обратился, сир Аркур поспешил воспользоваться случаем, чтобы разъяснить на фоне королевских сомнений и свои собственные.

– С полным основанием могу сказать, что изо всех присутствующих здесь, ваше величество единственный, к кому милость и воля Господа нашего могут быть обращены непосредственно... Но, вы правы... как и была права её светлость, говоря, что особо любимых своих чад Всевышний испытывает строже других... Строже и мудрее. Ибо для простого смертного всякие невзгоды и болезни уже есть испытание, тогда как своему помазаннику Господь может послать в искушение и благодать. Чудесное везение, небывалая удачливость... даже приход нашей Девы – всё можно считать испытанием Господним.

Герцогиня Анжуйская громко фыркнула и епископ притих. Но гневный взгляд, брошенный Шарлем на матушку, не дал ему потерять самообладание. Трудно сказать, догадался

ли сир Аркур, что дофин панически боится открытой войны, или просто, чутьём искушённого царедворца понял его потребность в сомнениях, но, когда он заговорил снова, в тоне его уже звучала свойственная священнослужителям назидательность.

– Безоглядная вера в Божью милость не то же самое, что вера в Него самого, мадам. Милость и немилость Господа – понятия, определяемые людьми. Но кто поручится за верность определений? Сомнения его величества понятны и правомочны. И я бы назвал их более уважительными по сравнению с уверенностью кого бы то ни было в том, что Господь его любит...

– Так что вы предлагаете предпринять? – не повышая голоса, спросила со своего места герцогиня.

– Его величество не спрашивал моего совета относительно действий, – смиренно опустил глаза сир Аркур.

– А если бы спросил?

Вместо ответа епископ пожал плечами, словно говоря: пускай он сам спросит, и тогда я скажу. Но Шарлю вполне хватило того, что уже было сказано.

– О действиях, матушка, советы мне будут давать мои командиры, – заметил он, уже не так нервно, как говорил в начале Совета. – И если они скажут, что вероятность потерпеть очередное поражение высока, с походом на Реймс и с коронацией придётся подождать.

Ранним утром 13 мая по цветущим предместьям Лоша проехала группа всадников.

Их нисколько не волновали ароматы весенних садов, неугомонный птичий щебет и молодо зеленеющая долина. Усталые солдаты и несколько рыцарей ехали понуро, везя на плечах тяжкий груз стыда...

Отступившая из-под Орлеана армия Саффолка окопалась в Менге, на южном берегу Луары, за хорошо укреплёнными предместьями и крепостью Жаржо. И Бастард, уязвлённый до глубины души тем, что мальчишка-паж, всего лишь ряженный Девой, смог прогнать целую армию, решил доказать, что и сам чего-то стоит, а заодно дать возможность и своим воинам заслужить победу самостоятельно, чтобы лавровый венец победителя не выглядел вяло, как снятый после триумфа с головы Жанны, и, чтобы не точили его черви разговоров о колдовстве...

Дева, как раз, убыла в Тур с частью командиров и их отрядов, но в Орлеане ещё оставались маршал Сен-Север и Потон де Ксентрайль – боевой капитан, не боявшийся ничего! Им достаточно было только намекнуть о походе на Жаржо, и, чёрт его раздери совсем, если в глазах их Бастард не увидел отражение собственных мыслей! Они ведь тоже не чувствуют себя до конца победителями!..

А потом... Потом...

Потом они просто не рассчитали. Да и празднества эти... Орлеан пировал все последние дни, а ещё переход после того, как расслабились... Устали... И, говоря по совести, нельзя было атаковать Жаржо столь малыми силами, надеясь только на то, что английское воинство пало духом. Единственное, в чём расчёт оправдался, так это в том, что их не стали преследовать и не разгромили окончательно. Но даже захлебнувшаяся атака и последующее отступление жгли стыдом.

Никто никого не корил. Долгая дорога располагает к разговорам и всё, что можно было сказать о неудавшейся кампании, было говорено-переговорено. Однако, командующий чувствовал – главное, что засело у всех в головах, так и не было произнесено. Но произнести это кому-то было нужно, иначе недоговорённость, да ещё усиленная стыдом и ложной, в данном случае гордыней, заведёт их Бог знает куда.

– Не хотелось бы в этом признаваться, – прокашлявшись, начал Бастард, – но, полагаю, никто не станет возражать, если я замечу... – он неопределённо помахал в воздухе рукой. – Ну, по совести... это ведь нельзя отрицать, верно..? И дело не в Чуде... Точнее, чудо в том, что она... г-гм, в смысле, Дева... так хорошо соображает в стратегии и в фортификации, верно..? Что она, в общем, ещё и воин, да?

Он не смотрел на остальных и, набрав в грудь воздуха, наконец, произнёс главное:

– Так что, соваться без неё в Жаржо, наверное, не следовало.

– Да какие могут быть возражения, мессир! Так и есть, – тут же сочувственно откликнулся Сен-Север.

И Бастард готов был поклясться, что уловил в его голосе облегчение.

Да, маршал не был посвящён в тайну рождения Жанны и мог себе позволить эту слепую, не обидную для себя веру, мог признать в Жанне воплощённое пророчество, великого стратега, провидца и даже ангела, сошедшего на землю. Но сам-то Бастард знал, что они с «чудесной Девой» одной крови, и, чем дольше думал обо всём, тем с большим недоумением признавался себе, что, при всей его осведомлённости, чудо-то действительно было! Не сознавать его мог только глупец! И, может быть, тот случай, который позволил, сначала Жанне родиться бастардом королевы и первого герцога государства, а потом и герцогине Анжуйской – самой могущественной даме при дворе – каким-то неведомым образом заполучить этого бастарда и воспитать вдали ото всех, был вовсе не случай?! Может быть, вся жизнь этой девочки – его сестры по отцу – сложилась таким злым образом только для того, чтобы стало возможным исполнение пророчества?!

Эти мысли были непривычны Бастарду. Но, один раз начав прокручивать их в голове, он уже не мог остановиться. И, чем дольше думал, тем больше, позволял распускаться в своей одинокой и достаточно угрюмой душе чувству, пока

ещё неудобному, непривычному, но уже такому, которое посчитал чудом большим, нежели воинское умение в девушке.

Он бесконечно жалел Жанну.

– Я буду рад увидеть её, – сказал Бастард, удивляя себя не столько тем, что сказал, сколько тем, что сказал это вслух.

И добавил, совсем уже не стесняясь:

– Надеюсь, она не будет нас сильно ругать.

* * *

– Итак, господа, как я понимаю, к дальнейшим действиям мы пока не готовы?

Шарль сидел на вновь созванном военном совете и смотрел на своих командиров сурово, но не сердито. Так, чтобы поняли – он не зол, а просто отдаёт должное очевидному и даже ничего не требует.

– Я бы не стал говорить об этом так, – начал было Бастард, но осёкся.

Брови Шарля поползли к переносице.

– Тогда почему Жаржо не взят? – холодно спросил он.

– Моя вина, сир. Я был слишком тороплив и самонадеян, – с лёгкостью, пришедшей после долгих раздумий, ответил командующий. – Но даже сейчас, когда неудача мой пыл охладила, не могу не сказать – армия сегодня сильна, как никогда.

Дофин поджал губы почти обиженно. От кого другого, но

от Бастарда он такого не ожидал! Всем было известно о тех разногласиях, которые случались в Орлеане между командующим и Жанной, и Шарль даже не надеялся – он был уверен, что именно от Бастарда получит самую горячую поддержку. И вдруг такое...

– Я же говорила вам! Говорила, что нельзя останавливаться! – подскочила со своего места Жанна. – Раз такова воля Господа, мы обязательно дойдём до Реймса, как бы англичане ни сопротивлялись! Ведь верно, господа?

– Верно! – воскликнул кто-то.

Кажется, Ла Ир.

Шарль потёр лоб рукой, скрывая досаду.

Говорила, говорила, да! Едва переступив порог, она сразу начала говорить о своих грандиозных планах. Но когда её спросили, знает ли она, сколько крепостей придётся взять по дороге, ответом стало совершенно легкомысленное «Это не имеет значения!». Шарль очень надеялся, что сейчас её поднимут на смех, но командиры – эти рыцари, из которых кое-кто был настолько осмотрителен, что примкнул к нему далеко не сразу – они даже не поморщились! А теперь ещё и осрамившийся под Жаржо Бастард влез со своим заявлением! Господи, неужели никто не понимает, чем всё это чревато?!

– Англичане уже знают, куда мы нанесём первый удар и, судя по донесениям, укрепили Жаржо ещё больше, – как можно заботливей, словно успокаивая неразумное дитя, за-

метил Шарль. – Их сопротивление под Орлеаном покажется уступкой по сравнению с тем, что начнётся теперь, потому что там они ещё не знали, чего от тебя ждать, а теперь, можно сказать, предупреждены...

– Я и тогда их предупреждала! Но они не верили!

Голос Жанны разлетелся по залу, стены которого отражали его почти с испугом – здесь никогда не говорили так звонко.

– Они и теперь не верят, раз укрепляются, – продолжала она, – и, значит, ничего не изменилось, и волей Господа победа, по-прежнему будет на нашей стороне!

Шарль постарался, чтобы его смех не прозвучал обидно.

Но больше никто не засмеялся. Только глаза Жанны удивлённо округлились – она никак не могла понять, почему дофин так нерешителен.

– Я радуюсь такой твоей убеждённости, – вывернулся Шарль. – Моя вера в тебя, как в Божью посланницу, по-прежнему велика. Но, не думаешь ли ты, Жанна, что помогая нам, Господь ждёт и от нас какой-то помощи? Иначе говоря, действий разумных, а не глупостей, за которые и помогать не стоит.

– Ваша коронация не глупость, мой дорогой дофин, – очень серьёзно, без тени обиды или удивления, ответила Жанна – Это то, чего Господь хочет для Франции, и потому наше следование к Реймсу никак нельзя назвать глупостью.

После этих слов кое-кто еле заметно ухмыльнулся, и Ла

Тремуй, по долгу службы и по личной заинтересованности присутствующий на совете, зорко отметил для себя имена. А затем покосился на герцогиню Анжуйскую.

Мадам в последние дни вела себя странно. Даже лицо её, обычно суровое и замкнутое, приобрело какую-то женственную мягкость, чего министр объяснить никак не мог, и испытывал в связи с этим некоторое беспокойство. «Она слишком беспечна. Слишком! А всё, что СЛИШКОМ, уже плохо. Так можно себя ощущать только в том случае, если дело удачно завершено... Но ведь оно не завершено! Во всяком случае, будь я на месте герцогини, я бы ещё не радовался... Хотя, может быть, на своём месте, она знает много больше того, что все мы видим, и имеет основания для беспечности?».

Ответов этому Ла Тремуй не находил, поэтому, с неприятным посасыванием в груди, начинал чувствовать, что снова гибнет в мутной воде неведения. И вдруг... ухмылки некоторых командиров внезапно подсказали... внезапно навели на мысль... Мысль крамольную, почти безумную, однако, учитывая сведения, полученные от Филиппа, вполне возможную! Изощрённого ума герцогини могло хватить и не на такое, просто невозможно было даже предположить, поскольку, вроде бы, бессмысленно, и всё же, всё же... **ОНА НЕДОВОЛЬНА КОРОЛЁМ И ГОТОВИТ НОВУЮ КОРОЛЕВУ!**

Господи!

Ла Тремуй чуть не подскочил на стуле.

Да ведь так, верно, и есть!

Достаточно вспомнить, как превозносят Жанну сейчас, посмотреть КТО ухмылялся, и внимательно послушать Бастарда, который всю жизнь высокомерием прикрывал грешок своего рождения, а теперь вдруг смиренно, ПРИ ВСЕХ, признает превосходство над собой какой-то деревенской девицы! Даже учитывая, что ему всё о ней известно, такое смирение с его стороны подобно чуду... Вот ведь, чёрт возьми! Наш двор становится двором чудес! Но, если допустить, что догадка верна... О-о, как интересно всё получается! Ведь девица Бастарду сестра – так почему и не признать превосходство сестры, которой уготовано такое великое будущее..?

Ла Тремуй заёрзал, озираясь по сторонам и снова чувствуя возвращение к жизни. Коротко мелькнувшая догадка разматывалась, словно клубок, на который очень ладно нализывались все известные факты и события. Неясной, правда, оставалась роль этой таинственной Клод, но зато прояснилось многое другое, почему, например, самого Шарля до сих пор держат в неведении о том, что чудесная Дева сестра и ему? А в том, что Шарль ничего не знает, Ла Тремуй был уверен, потому что, в отличие от многих других, сразу понял, насколько дофину страшно сейчас воевать, и как тяжело ему выкручиваться перед Жанной, которая по-прежнему остаётся для него чудом. Но, узнай он, что никакого чуда нет, давно бы прекратил эти препирательства своей королевской волей, если бы вообще допустил появление этой Девы и такое всеобщее ей поклонение...

Ах, как захотелось Ла Тремую сразу после совета пойти и всё рассказать!

Но нельзя. Нельзя! Уж больно красиво и складно размотался клубок – не запутать бы неверным движением. Тем более, что на нём не хватает одной составляющей – этой занозы Клод. Но, ничего, он подождёт... Подождёт до лучших времён, когда де Вийо хоть что-нибудь, хоть какую-нибудь мелочь узнает, и можно начинать разыгрывать свою партию, превращаясь из человека, висящего над пропастью, в того, кто столкнёт в неё других. Нужно время... Время, чтобы хорошо всё распланировать, потому что необдуманное раскрытие такого гигантского заговора снесёт немало голов, а среди них могут оказаться полезные...

– Так вы полагаете, что поход на Реймс необходим именно сейчас? – кисло спрашивал тем временем Шарль.

Словно ища спасения, он попытался поймать взгляд Ла Тремуя, но наткнулся на такой же, как у матушки, отсутствующий взор. Похоже, преданному министру совет был уже не интересен из-за предсказуемости его исхода, и он признавал своё поражение во всём, что касалось мирных переговоров, как придётся признать его и самому Шарлю...

Что ж, судя по всему, воля Господа действительно такова... И, пока его командиры кивали головами, дофин собрал в кулак всю свою волю, чтобы голос его прозвучал как можно величественнее.

– Хорошо, Жанна, Дева Франции, будь по-твоему. Я снова

вверяю тебе судьбу своего королевства!

Райский сад в Лоше

Клод дождалась окончания совета в саду перед замком. Лош ей очень нравился белизной стен и ярко-голубыми крышами башен, которые словно мерцали в мягком весеннем воздухе, вырастая из бело-розовой пены цветущих деревьев. Накануне прошёл лёгкий дождь, в саду хорошо дышалось, и Клод решила немного побродить по дорожкам, зеркальным от луж, на которых крошечными корабликами покачивались опавшие лепестки.

Как много всего произошло за последние дни! И хорошего, и тревожного, и странного. Праздники при королевском дворе потрясли её своей роскошью и таким красивым величием. Но ещё более поразил тот приём, который ожидал обеих девушек у всесильной тёщи короля. Клод до сих пор со смущением вспоминала ласковый, почти материнский взгляд, которым герцогиня смотрела на неё в то время, как Жанна рассказывала о сражении под Турелью. Для себя, в тот момент, девушка объяснила это просто благодарностью за то, что не побоялась заменить раненную Деву на поле боя. Но, когда рассказ был закончен, и следовало уже уходить, мадам герцогиня вдруг взяла Клод за руку и попросила посмотреть на неё.

Что-то давнее, из детства, качнулось перед глазами, и странное ощущение того, что всё это когда-то уже было, объ-

яснению не поддавалось.

– Отец Мигель спрашивал о тебе, – будто ожидая чего-то, произнесла герцогиня. – Я получила от него письмо... Он очень беспокоится. Что мне написать ему? У тебя всё хорошо?

– Да, ваша светлость.

– Может быть, ты хочешь вернуться домой?

– Нет.

– Но чего-то ты хочешь?

Клод подумала, что герцогиня спрашивает об этом, чтобы ещё как-то её отблагодарить, и собралась попросить дозволения не носить больше мужскую одежду – всё равно ведь, любого, присмотревшегося обмануть она не могла.

Но так и не осмелилась.

Да, было тяжело находиться в постоянном окружении одних только мужчин, которые особо не присматривались и, видя в ней мальчика, не стеснялись, ни в действиях, ни в разговорах. Но, справедливости ради, нельзя было не признавать и того, что обличье девушки неудобств создало бы больше. И, прежде всего, отдалило бы от Жанны. Ведь изгнав из армии всех куртизанок и прочих женщин, способных смущать солдатские умы, она была бы вынуждена оставить в тылу и Клод... Поэтому, не придумав ничего другого, девушка ответила, что единственное её желание быть полезной и дальше.

– Ну, хорошо, – после паузы сказала герцогиня. – Ступай,

дита. Видимо, время ещё не пришло...

Это последнее замечание озадачило Клод. Она спросила у Жанны, почему герцогиня так сказала? Но в ответ услышала ещё более туманное: «Она же знает, что подлинная Дева – это ты. И ждёт».

– Но чего?! – не унималась Клод, даже не заметив, что её назвали подлинной Девой – это «заблуждение» Жанны она уже давно оставляла без внимания.

– Не знаю. Думаю, всё произойдёт само, когда дофин получит корону, а французское войско прогонит англичан.

– Что «всё», Жанна? Как только состоится коронация, твоя миссия будет выполнена, и мы, наконец, вернёмся домой – больше ничего быть не может!

– Да... конечно... Но давай не будем забегать вперёд. Коронация дофина не прогонит англичан. Может быть, моя помощь ещё понадобится... Королю или войску... Может быть, тот, кто возглавит армию – ведь кто-то же должен будет её возглавить – может, он захочет моей помощи...

Голос Жанны звучал неуверенно и Клод, почему-то, стало тревожно.

– Обещай мне, – попросила она, – обещай не связывать себя новыми обещаниями! Вспомни, как мы говорили, что здесь нам не место, как сокрушались, что вынуждены заниматься не тем... Не приноси ненужные жертвы, хорошо?

– Да, да... конечно...

Но ощущение, что она вынудила Жанну ответить согласи-

ем, не покидало по сей день и заставляло почему-то стыдиться. Что если героиня-спасительница захочет остаться при дворе после коронации? Король наверняка ей это предложит, и в праве ли Клод требовать от подруги отказа от такой завидной доли? Нет, конечно! Но сама она вернётся. Лишь бы Жанну не заставили воевать снова... Хотя, здесь все теперь так добры. Не могут же они не понимать, что чудесная Дева всего лишь слабая девушка, а французское войско стало теперь таким сильным...

Клод наклонила к себе цветущую ветку. Несколько теплых капель упали ей на лицо с цветков, словно источающих вместо аромата саму нежность.

Ах, как хорошо!

Девушка закрыла глаза, пытаясь уйти в свои видения так же, как это было в Домреми. Но из призрачной дымки, вопреки её воле, поплыли воспоминания, никак не связанные, ни друг с другом, ни с этим садом, ни с ароматом весны... Никак не связанные... никак... Ни этот барон де Ре со злыми глазами, ни Рене, ни тот красивый герцог, который так понравился Жанне... Король, конечно же, предложит ей дворянство и, может быть, титул... И герцогу она нравится... А у барона глаза, скорее, несчастные. От несчастья легко сделаться злым... Но в бою он был добр – он защищал её, как рыцарь, который поклялся отдать жизнь... Вчера, при встрече, он улыбнулся очень похоже на Рене... Ах, как тянет забыть и не думать ни о каких сражениях, походах и о веч-

ной осторожности – как бы себя не выдать...

Внезапно, короткий смешок заставил девушку очнуться.

Незнакомый человек в кольчуге без нагрудника и в обычной шапке вместо шлема, стоял на дорожке и насмешливо наблюдал за ней.

– Паж? – спросил незнакомец. – Ты ведь паж Девы, верно? Клод молча кивнула.

– Ай-ай! Разве место пажа в саду, а не при своей госпоже? Или ты влюбился, господин паж? Только влюблённые мальчики стремятся стать похожими на предмет своих воздыханий и начинают нюхать цветочки, позабыв обо всём...

Клод удивлённо выпустила ветку из рук.

– Я не влюблён.

– Значит, ты сам девица? Со стороны было очень похоже! Может, ты тоже дева, как твоя госпожа?

Клод нахмурилась. Во-первых, ей не понравилось, как незнакомец задал вопрос – он не спрашивал, а скорее, испытывал. А во-вторых, она не могла поручиться, что не покраснела, и, в который уже раз, подсадовала на себя за то, что так и не научилась размашисто ходить, сидеть, широко раздвинув колени и говорить уверенно, отрывисто, как это делала Жанна, когда притворялась мальчиком в Домреми.

– Вы правы, сударь пожалуй, я должен поспешить к своей госпоже, – сделала Клод попытку уйти.

Но незнакомец, прихрамывая, забежал вперёд и загородил дорогу.

– Ты что, обиделся? Брось! Спроси здесь любого, и всякий скажет, что Жан де Вийо насмешник, каких мало! У меня это само с языка слетает, без задних мыслей! Ну, подвернулось... назвал тебя девицей... прости. Я знаю, что госпожа твоя сейчас на Совете у короля, так что будь спокоен, нюхай цветы сколько хочешь!

Клод коротко кивнула и хотела пройти дальше, но незнакомец не посторонился.

– Господин чего-нибудь желает? – спросила девушка.

– Желает, – усмехнулся он. – У господина имеется свободное время, и он желает с кем-нибудь поболтать. А паж Девы – собеседник, желанный для любого! Мы все так мало о ней знаем и так хотим узнать больше...

– Но вас я не знаю совсем, – попяtilась Клод.

– Неправда! Я только что представился! Но, если ты плохо расслышал, повторю: Жан де Вийо, подданный её светлости герцогини Анжуйской, у которой, до недавнего времени, служил конюшим в Шиноне. Теперь ты меня знаешь, не так ли?

Клод снова отделалась кивком.

– Вижу ты не слишком разговорчивый, – хлопнул её по плечу де Вийо. – Зато про меня все говорят, что в словах удержу не знаю. Выходит, поладим, да? Ну, расскажи, какая она была до того, как стала Девой? Ведь не может же быть, чтобы, как все, раз Господь её заметил. Наверное, не такая какая-нибудь, да?

Клод попятилась ещё дальше, чтобы сбросить с плеча ладонь незнакомца, которую тот, кажется, и не собирался уби-
рать.

– Жанна всегда была такой же, как и теперь. Зачем вам чьи-то слова, сударь, если вся она у вас перед глазами?

– Хитёр, – погрозил пальцем де Вийо. – Ну, ладно, не хочешь о госпоже, расскажи о себе что-нибудь. Ты, говорят, рос вместе с ней, так может, у вас там, в Лотарингии, все какие-нибудь особенные?

Клод опустила голову. Ей вспомнились братья, которые до сих пор находились в Пуатье, обучаясь ратному делу. Что в них было особенного?

– Кого ни возьми, каждый человек чем-то выделяется, сударь, – пробормотала она. – Нужно уйти далеко от дома, чтобы понять, насколько особенными были те, про кого никогда раньше так не думал. Для меня сейчас любой земляк, как часть семьи. А семья...

Она запнулась. До сих пор воспоминания о доме были словно праздничный наряд, который часто не достают, чтобы не затрепался. Наверное, не стоило вынимать их и теперь, ради праздного любопытства чужого человека.

– Так что там с твоей семьёй, – с нарочитой небрежностью подтолкнул её де Вийо.

– Ничего, сударь. Все они обычные люди, которые просто живут.

– А семья Жанны? Тоже обычная?

– Да.

– А кем была её мать?

– Достойной женщиной.

– А отец?

– Мужчиной.

Де Вийо засмеялся.

– Да, из тебя слова клещами надо тянуть! Я бы тоже хотел быть таким же молчаливым, но не получается... А лет тебе сколько?

– Не много, сударь.

– Это видно. Однако, говорят, под Турелью ты здорово отличился...

Вийо задал этот вопрос, надеясь увидеть смущение, или что-нибудь ещё, что обязательно должно было проступить, если слухи о подмене не лгали. И он увидел. Щеки Клод налились румянцем, а глаза невольно начали искать, за что зацепиться, чтобы не выдать опасную тайну неизвестно кому...

– А вот я воевать не могу, – ловя этот беспомощный взгляд продолжал де Вийо. – Видишь – увечен... хромаю. Не будь этого, сам бы, как ты...

– Я ничем не отличился, сударь.

– Да брось! – Де Вийо наклонился к самому лицу Клод и таинственно шепнул: – Я ЗНАЮ...

Девушка вздрогнула и резко отвернулась. Ей стало неприятно. Очарование весеннего сада улетучилось безвозвратно.

– Простите, сударь, но кажется, мне пора уже идти.

Она шагнула вперед, демонстрируя свою решимость, и де Вийо вынужден был посторониться.

– Но мы ещё поговорим, верно? – крикнул он вслед. – Тебе будет интересно – я ведь много чего знаю.

Однако, даже двусмысленность фразы Клод не остановила. Она только слегка обернулась и вежливо наклонила голову.

– Как пожелаете.

– О, я пожелаю... – процедил сквозь зубы де Вийо, когда его нельзя уже было услышать. – Очень пожелаю, милая девочка, потому что, как вижу, ты настолько простодушна, что разговорить тебя труда не составит. Надо только хорошо подготовиться.

* * *

Несколько юношей стояли во внутреннем дворе, прямо под окнами замка, и горячо обсуждали последние новости. Все они были молоды, все радовались решению дофина очистить от англичан долину Луары и идти на Реймс, и только одно теперь заставляло их спорить, пылко размахивая руками – пойдёт ли Дева на Жаржо, или накажет Саффолка презрением, ударив сразу по Менгу?

Возбуждённые голоса, перебивающие друг друга, подобно птичьему гомону проникали во все окна и очень мешали

мессиру дю Шастель. Он только-только начал обсуждать с герцогиней вопросы финансирования новой Луарской кампании, и всякий раз недовольно морщился, когда весёлый молодой смех бесцеремонно вмешивался в разговор через небольшое раскрытое окошко. Однако, сама мадам Иоланда, стоя возле этого окна, казалось не замечала ничего. Её обычная задумчивость сегодня более всего походила на непривычную рассеянность. Пару раз она не ответила на поставленный вопрос, а когда дю Шастель, повысив голос, спросил снова, её светлость повернула к нему отрешённое лицо и произнесла: «Простите, я не расслышала», но так мягко, что у мессира Танги бешено заколотилось сердце!

Он встал.

– Позвольте, мадам, я прогоню этих юнцов, или закрою окно?

Но герцогиня, всё ещё пребывая в какой-то отрешённости, отрицательно покачала головой.

– Не надо, Танги, они, кажется, уже уходят.

Голоса, действительно, зазвучали тише, а потом стихли совсем, и мадам Иоланда отошла от окна.

– Не обижайтесь, мой друг. Мне так отрадно видеть этот боевой азарт в молодых людях. Это дарит надежду не только на победу. Кажется, всё наше королевство молодеет и обновляется, как весь этот мир...

Она немного помолчала, потом обратила отсутствующий взор на бумаги на столе.

– Так, что вы там говорили? Продолжайте...

Дю Шастель снова сел, подвинул к себе несколько списков, но, взглянув на герцогиню, понял, что не будет услышан и теперь. Задумчивая рассеянность не ушла за болтливыми мальчишками, и даже, кажется, пополнилась какой-то тихой печалью, которая совсем не вязалась с оптимизмом слов.

– Помните, Танги, мессира де Руа? – внезапно спросила герцогиня, так и не заметив, что, после её «продолжайте», рыцарь не проронил ни слова.

– Да.

– У меня такое чувство, будто я что-то ему пообещала, но забыла...

– Вы обещали отдать испорченную мантию его неуклюжему племяннику.

– Нет, нет – я обещала именно ему...

Мадам Иоланда почему-то огорчилась.

Или разозлилась?

Она потёрла лоб рукой, словно заставляя себя вспомнить, но Дю Шастелю вдруг показалось, что герцогиня притворяется!!! Претворяется ПЕРЕД НИМ, как будто желает заставить догадаться о чём-то, чего не могла произнести сама.

Напоминание о мессире де Руа, несомненно, было подсказкой... Но в чём?!

– Может быть, как раз о племяннике он и просил? – с лёгкой досадой сказала мадам, так ничего и не услышав от мессира Танги. – Помните? Юношу недавно представили ко

двору, и господин де Руа желал бы для него хорошую должность – я не ошибаюсь?

Дю Шастель ничего такого не помнил и пожал плечами.

Он недоумевал... Если мадам Иоланде нужен новый человек для какого-то деликатного поручения, почему она не может сказать об этом прямо? Тогда он подыскал бы должность с бОльшим пониманием. Но даже если поручение настолько деликатное, что рассказать о нём герцогиня не может вообще никому, то и об этом она могла бы сказать открыто.

Обиды рыцарь пока не чувствовал. Но под толстым словом недоумения уже неприятно покалывало воспоминание о том, как пылок был молодой де Руа, когда обратился к её светлости, и о том, как он красив...

– Вы желаете оказать покровительство? – с прохладцей спросил Дю Шастель после долгой паузы.

– Молодой двор требует обновления...

– Вашей светлости не обязательно объясняться. Прикажите, и я найду для этого де Руа место... при вас.

В глазах герцогини, не заметное никому другому, кроме Танги, коротко мелькнул испуг.

– При мне?... Зачем же при мне? Ни обновлять, ни расширять свой двор я не намерена... Вы – управляющий короля, найдите что-нибудь там... Совсем не обязательно заметную должность... Молодой человек мог бы служить при моём Шарло. Мальчик будет рад товарищу... он ведь моложе

господина де Руа всего на несколько лет и, наверное, захочет иметь рядом кого-то, с кем можно делиться юношескими секретами...

Дю Шастель слушал и не хотел верить.

Как много слов произнесла эта властная женщина, привыкшая отдавать приказания по-мужски, коротко и чётко! До разъяснений она снисходила только в исключительных случаях, но и тогда это бывало более оправдано, чем теперь.

Да ещё и странное упоминание о Шарло...

Младший сын мадам Иоланды – Шарль – очень рано начал постигать премудрости придворной жизни. Постоянно находясь в свите дофина, он давно усвоил простую истину – тот, кому посчастливилось стать товарищем королю, сам в товарищах не нуждается. В связи с этим и герцогиня не раз с гордостью замечала, что её мальчик, уже сейчас ведёт себя, как мудрый государственный муж. Но теперь...

Что ж, если её светлости стало угодно думать иначе, он – Танги Дю Шастель – слишком преданный для каких бы то ни было вопросов, найдёт место красавчику де Руа.

– Я всё сделаю, ваша светлость, – сказал рыцарь бесстрашно.

И, придвинув к себе список предстоящих военных расходов, ровным голосом продолжил с того места, на котором остановился, желая что-то уточнить, но чего так и не уточнил.

Мадам Иоланда смотрела на него напряжённо и ласково.

«Он догадался, – думала она, не отрывая глаз от нахмуренного лба. – Хотя, о чём можно догадаться там, где я сама ничего не понимаю? Ну да, да, юноша очень мне понравился, и воспоминание о короткой встрече с ним до сих пор заставляет сердце сладко сжиматься. Но разве это что-то значит? Я всего лишь хочу принять участие в судьбе молодого человека, и, может быть впервые, безо всякой тайной цели. Разве это недопустимо, или стыдно? Нет, конечно... Но почему я сама этого стыжусь? Почему не могу сказать открыто: да, Танги, мне хочется петь, когда я вижу этого юношу из своего окна, люблюсь его жестами, наслаждаюсь звуками голоса... Мне нравятся взгляды, которые он бросает в ответ, уверенный, что делает это незаметно... Я ничего от него не хочу, но мне хотелось бы видеть его рядом постоянно, потому что... потому что... наверное, потому что я стала счастлива от всего!.. Это так просто сказать... И совершенно невозможно! Особенно Танги... Ах, почему ЕГО присутствие не даёт мне такой радости?!..

Жаль, жаль...

Но, с другой стороны, это всего лишь короткая вспышка безумия, которая скоро закончится. Награда себе за долгие годы отказа от любых личных удовольствий, которую вполне заслужила... Разве Танги не известно моё здравомыслие? Вот, ещё немного, совсем чуть-чуть, я соберусь и выкину из головы мальчишку, тем более, что он никак не даёт сосредоточиться на делах!»

Мадам Иоланда шумно вздохнула и поднялась.

– Простите, дорогой друг, – сказала почти умоляюще. – Я что-то устала... Да и вы кажетесь мне очень утомлённым. Давайте перенесём обсуждение этого вопроса на завтрашнее утро. Ночь хороший советчик и хороший целитель – я жду вас завтра, и обещаю, что вы хорошо отдохнёте до утра.

Рыцарь молча скатал бумаги, медленно встал, низко поклонился.

– Завтра утром я сообщу вашей светлости, какую должность займёт молодой господин де Руа.

– Не стоит... – тихо начала мадам Иоланда.

Но Дю Шастель сделал вид, будто ничего не услышал.

«Устала... – с горечью подумал он, выходя. – Нет, дорогая мадам, вы наверное сами ещё не поняли, как называется эта ваша усталость... Жаль... жаль... Но не дай Господь вам понять, какой бывает усталость от безответной любви!».

* * *

Господин Ла Тремуй не знал, за что хвататься!

Мелькнувшая на совете догадка создала в его душе настоящий хаос из предположений, лучезарных озарений и довольно мрачных сомнений.

Министр не особенно любил игру в карты, считая жизненные расклады куда интереснее, а взятки, полученные от ловких ходов в дворцовых интригах, гораздо весомее карточ-

ных. Однако, промаявшись без сна половину ночи и, не зная чем себя занять, чтобы, хоть немного, упорядочить мысли, Ла Тремуй вытащил из коробки на столе почти новую колоду и разложил её по мастям...

Жезлы – конечно же, французский правящий дом, Сердца – пусть будут домом Бургундским, Кубки... – да, Бог с ними, пусть будут англичане... Геральдические жёлуди? Мда... Эти пусть останутся на потом.

Ла Тремуй аккуратно разложил карты по старшинству и усмехнулся. Как, однако, всё это похоже на придворную иерархию. Вот она – Дама Жезлов – суровая, повелевающая, из всех карточных дам самая властная? Несомненно, это мадам Иоланда Анжуйская, которую следовало бы положить во главе масти. Рядом – Король. Это, конечно же, дофин. Для своей Дамы он и козырь, и политический марьяж, который свою взятку всегда возьмёт, но теперь ещё, возможно, и карта для сброса... При хорошем раскладе, особенно, когда на одной руке и марьяж, и туз – этот денежный мешок, нужный всегда, даже при плохой игре – дама может себе позволить сбросить короля на предъявленный козырь. А что у нас может служить козырем для мадам герцогини? Её драгоценное Анжу, конечно! И, чтобы без потерь отбиться королём, надо иметь на руках Шута. То есть то, что в любом случае побьёт любой козырь.

Ла Тремуй задумчиво сцепил пальцы.

Дальновидный план, ничего не скажешь! Заполучив сна-

чала бастарда королевы, а затем породнившись с её законным сыном, мадам подстраховалась со всех сторон. Не стань Шарль дофином, Дева из пророчества могла бы объявить его таковым по воле Господа. И, даже если бы к тому времени война закончилась очередным перемирием, всегда можно было найти обстоятельства из-за которых государство, якобы, гибнет, и заявить, что пророчество исполняется. А уж если бы Монмут был жив до сих пор и сидел бы на двух тронах, как законно признанный наследник и победитель, то вообще красота – тут двух толкований о гибнущем государстве и быть не могло! Королева-злодейка своих подданных предала, а Дева из Лотарингии их спасает, сажая на французский трон правильного короля и подтверждая авторитетом Всевышнего судьи его законные права!

Всё прекрасно!

Но если сделать вот так... Ла Тремуй переложил Короля Жезлов к Сердцам.

Мирные переговоры могут сделать козырной эту масть – Филипп Бургундский простит убийство отца, но за это, как и за военную помощь против англичан, много чего потребует – так что, при умелом игроке, каковым Ла Тремуй может себя считать с полным основанием, Король запросто побьёт свою же Даму...

Чем она, в таком случае, может ответить? Только Шутом? И тогда простая крестьянка – карта бросовая при любой другой игре – становится вдруг девицей королевской крови,

да ещё и оваянная ратной славой, Божьим благословением и Чудом, которое венчает её надёжней любой короны!

О да, такая карта повернёт любую игру в пользу владеющего ей. Дочь королевы и родного брата короля, стоящая во главе победоносного французского войска... Господи! Кто ж тут осмелится возразить, что у неё нет права на престол?! Её на трон не посадят – вознесут! Династия формально продолжится, и, совсем не формально, продолжится её покровительство Анжуйскому дому!

Ла Тремуай даже засмеялся. Как всё складно!

Но так же и опасно, если кто-то умный догадается.

А он умный...

И даже если заговора, как такового, пока нет, его следует создать, чтобы одним, точно выверенным доносом, устранить сразу все проблемы...

Взгляд Ла Тремуая скользнул по оставшимся картам.

Ах, да! Есть ещё и эта тёмная масть – эти геральдические шишки, в которых всё неясно... эта непонятная Клод... Де Вийо говорит, что более простодушного создания не встречал. Но де Вийо в таких делах всего лишь ремесленник, не мастер, и не может понять, что простодушные опаснее всего. Из этой податливой породы можно высечь что угодно – вопрос в том, кто первым возьмётся высекать. А тут первой герцогиня Анжуйская, и что она собралась высекать – непонятно...

Министр вздохнул.

Указательным пальцем придвинул к себе Короля Сердец. Вот это истинный Филипп... Сильный, уверенный в себе, благополучный и ни в ком не нуждающийся, благодаря своему благополучию. Он бы ни за что не поделился сведениями просто так...

Интересно, как давно он знает?

Память услужливо напомнила, как месяца три назад шпионы донесли о визите в Бургундию мадам Ришемон. Вряд ли сестра поехала к брату просто по-родственному, и как раз накануне отвода бургундских войск из-под Орлеана... Интересно...

Ла Тремуй сжал ладонями виски, размышляя, но тут же тряхнул головой. Копаться в этом прошлом уже не было смысла. Даже если Филипп знал тогда, а поделился только теперь, следовало понять – зачем он это всё-таки сделал? Хочет, чтобы Ла Тремуй сам обо всём догадался и взял под контроль? Или создал сам? Или вообще возглавил подобный же заговор, чтобы сбить с толку настоящих заговорщиков, и тем вернее их сдать?! Ох, Господи! Что за люди все эти короли и принцы?! Ну почему всё и всегда за них нужно додумывать?!

Ла Тремуй сердито сгрёб карты.

Одна выпала, и лицо, изображённое на ней, словно усмехнулось в дёрганом свете одинокой свечи на столе.

Ещё сегодня днём, начерно прикидывая возможные варианты своих действий, он решил начать расследование с кого-нибудь из тех военачальников, что так рьяно поддержа-

ли прибытие Девы ко двору. Однако, ночь наполненная размышлениями, подтолкнула к иному...

Министр поднял выпавшую карту.

Кто при дворе сейчас наиболее осведомлён? Конечно же она – Дама Жезлов. Она всё это начала, она столько лет надстраивала одно своё действие на другое, вопреки помехам извне, и только она одна знает все слабые места своего плана. Так что, если и начинать что-то против, то начинать надо с неё.

* * *

– Ваша светлость удивлены?

Слегка подавшись вперёд и сцепив в замок пальцы на уровне пояса, господин де Ла Тремуай вошел в приёмные покои герцогини Анжуйской почти смиренно.

– А между тем, сударыня, – добавил он, без улыбки, – я делаю то же, что сделали когда-то и вы, волнуясь за судьбу нашего дофина и королевства – прихожу к вам, открыв забрало, и с чистыми помыслами.

Мадам Иоланда, действительно, с большим трудом смогла не выдать ВСЕХ чувств, охвативших её при появлении Ла Тремуа. Только что было закончено письмо Артюру де Ришемон, в котором она советовала последнему незамедлительно присоединиться к французскому воинству, не смущаясь ничем, даже если будут намекать, что в услугах «бре-

тонского брата» не нуждаются. При этом мадам держала в уме последующие совместные действия, как раз, направленные против Ла Тремуя, которые станут конечной точкой во всём этом деле. Этаким изящным росчерком под прошлой жизнью – таким же коротким и уверенным, как и её подпись под письмом к Ришемону. Так что теперь, закончив писать, герцогиня, хоть и отдалась слушанию поэтической баллады, которую вслух читала одна из её фрейлин, всё же ещё находилась в плену мстительных чувств по отношению к Ла Трему. Удивление среди них было самым невинным, поэтому его она оставила напоказ, пряча остальные.

– Неужели есть повод волноваться? – холодно спросила мадам Иоланда.

– А разве на недавнем совете вас ничто не насторожило?

– Только присутствие тех, кто не видит в Божьей посланнице волю нашего Господа. Все остальные казались вполне уместны.

Намёк был достаточно ясен и, пожалуй, груб, но Ла Тремуй даже глаза не отвёл.

– Мне хорошо известна ваша неприязнь, мадам, – произнёс он спокойно. – Тем очевиднее должна стать моя озабоченность – ради пустого дела я бы не пришёл. отошлите фрейлин и прислугу, чтобы я мог поделиться своими опасениями. И, если они беспочвенны, успокойте меня, чтобы впредь я вас не тревожил.

Мгновение герцогиня размышляла.

Действительно, ради пустого этот господин не пришёл бы, но, зная его, и не ощущая вокруг никакой особой опасности, мадам Иоланда вполне допускала, что министр плетёт одну из своих жалких интриг, куда попытается сейчас втянуть и её. Прогнать – было бы самым правильным. Но любопытство пересилило. Да и что за опасность, в конце концов?! Надо просто быть особенно внимательной, и, при первой же попытке загнать её в какую-нибудь ловушку, выставить его вон! А знать планы своего противника всегда полезно.

– Что ж, сударь мой, я готова вас выслушать.

Кивком головы отпустив прислугу, герцогиня сделала приглашающий жест в сторону опустевшего кресла напротив, где только что сидела читающая фрейлина.

– Мадам, – сразу начал Ла Тремуй, – как бы плохо вы обо мне ни думали, но в том, что благополучие его величества всегда было моей первейшей заботой, сомневаться не можете даже вы.

– Вот как? Благополучие? В таком случае, объясните, для начала, что вы подразумеваете под благополучием его величества, потому что, на мой взгляд, наш король сейчас куда благополучнее, чем полгода назад, когда он всецело доверял только вашим советам.

– У короля может быть только одно благополучие – окружение людьми совершенно ему преданными.

– А вы полагаете, все те, кто сейчас за него воюет, преданны недостаточно?

– Да.

Ла Тремуи смотрел на герцогиню таким чистым взором, что она, на мгновение, даже смутилась.

– Объясните, что вы имеете в виду?

– Чудесную Деву, разумеется. Её военные успехи, а более всего, её нетерпение уж очень вдохновляют наших рыцарей – от командующих до капитанов и ниже. Я понимаю, господа жаждут воевать, великая, хотя и единственная по-ка, победа вскружила головы, и войска боготворят неуязвимую Деву настолько, что прикажи она прыгать в огонь, никто не усомнится в том, что это необходимо! Но речь сейчас не о простых солдатах, а о тех, кто сосредоточил в своих руках военную власть. Они так же одурманены успехом и думают, что теперь всё возможно... На фоне призывов Девы к немедленным действиям разумная нерешительность его величества уже выглядит... м-м, не могу подобрать достойного слова, но разве сами вы не были свидетельницей тех, малопочтительных усмешек, которыми кое-кто из высокородных господ сопровождал некоторые – повторяю, вполне разумные – возражения его величества против немедленного похода?

Лицо мадам Иоланды словно заперли на все запоры. Опять этот хитрый лис со своей идеей мирных переговоров и союза с Бургундией! Господи, ну сколько можно! Надо быть полным идиотом, чтобы не понимать – сейчас это никому уже не интересно!

– Куда вы клоните, сударь? – неприязненно спросила она.

– К возможности возникновения заговора, мадам.

Министр откинулся назад, словно произнесённые слова повисли перед ним, и ему хотелось быть от них подальше. Между тем, глаза его, ловили малейшие изменения в себе-седнице.

– Какая чушь! – спокойно произнесла герцогиня.

Однако засов напряжённого интереса на её лице слегка отодвинулся.

– Дай Господь, чтобы это было чушью, мадам. Но вам ли не знать всех этих принцев и баронов! На любые попытки удержать их в границах разумного они сначала надуются, как драчливые дети дуются на мудрых отцов, а затем решат, что незачем и служить такому нерешительному королю...

Ла Тремуй затих, надеясь, что теперь герцогиня проявит бОльшую озабоченность, но ничего нового не увидел. Мадам, по-прежнему напряжённо, ждала, что же дальше?

– И может получиться... – продолжил Ла Тремуй, нащупывая слова, как невидимый в темноте путь, – очень может получиться, что, не желая служить одному королю, они станут искать себе нового господина... Или госпожу.

Мадам Иоланда сделала резкое движение, но Ла Тремуй, уловил, наконец, в её глазах долгожданный испуг. Брешь пробита! Больше она не скажет, «какая чушь!», потому что сказать так может только тот, кто совершенно безгрешен, а мадам не такая... Поэтому, уже более уверенно, он предостерегающе поднял руку.

– Не спешите возражать, герцогиня! При всех наших разногласиях, я тоже не могу не признавать, что ВАША преданность его величеству безгранична. Однако, подумайте сами, подумайте спокойно – эта Дева... посланница Господа... Она уже завоевала себе такое поклонение каким не мог похвастать даже Монмут в дни своей славы! А теперь представьте, что путь до Реймса окажется победоносным... Кто знает, не закружится ли чья-то голова от близости короны, такой доступной? Вы же видели, как отстаивает устремления Девы наш вечно угрюмый, и, кстати, споривший с ней в Орлеане, Бастард! Как быстро и пылко встал на её сторону Алансон... Им не составит труда найти единомышленников. И, уж конечно, не сложно будет убедить неискушённую крестьянскую девушку в том, что Господь, действительно, испытывал нашего короля, посылая её на помощь, но счёл его недостойным своих милостей из-за сомнений, нерешительности и неверия! А уж затем... Мне ли вам объяснять, что истинная власть оказывается не у тех, кто незаконно садится на трон, а как раз у тех, кто туда подсаживает. Ведь ради этого, в сущности, и происходит большая часть династических смещений...

Ла Тремуи замолчал. Всё, что хотел, он высказал. Если в своей голове мадам держала нечто подобное, она должна была понять – министру кое-что известно, и он, в любой момент готов предупредить короля. Так что теперь ей придётся предпринять какие-то меры, продумывать которые времени

нет, а ошибки в поспешных шагах неизбежны. И Ла Тремуй эти ошибки не пропустит.

Если же мадам чиста в отношении дофина... Что ж, ей придётся хорошенько задуматься о том, что подобные мысли вполне могут прийти в голову тем, кому она поведала правду о Деве. Что тоже хорошо, поскольку внесёт известную долю недоверия в те сплочённые ряды, которыми она окружила и себя, и Шарля, и эту свою Жанну.

– Вы говорите это всё, опираясь на какие-то известные факты? – сдавленно спросила герцогиня.

– Только предчувствия, ваша светлость. Но за долгие годы службы я научился относиться к ним серьёзно. Слишком памятливы ещё те дни, когда рыцарей, поддерживающих его величество, можно было пересчитать по пальцам. Сейчас их тысячи... и, слава Господу, что это так... но насколько почтительна их поддержка? Пока я вижу только всеобщее поклонение Деве... Король сейчас благодарен. Но, когда то же самое заметит и он... Боюсь, мадам, тогда мои предчувствия оправдаются в полной мере.

Ла Тремуй изобразил лицом нечто среднее между отеческой печалью и недоумением – почему, дескать, так плохо складывается Чудо Господнее? Но старания пропали даром, мадам Иоланда смотрела в пол перед собой, прикрыв глаза и ничем не выдавая собственных мыслей.

– Вы молчите? – спросил он, почти ласково. – А я так надеялся... Я думал, что Вы разубедите меня... Последнее вре-

мя от многого, что происходит, я отдалён, и обратился со своими сомнениями к вам, как к человеку сведущему... Но теперь чувствую, что на душе стало ещё тревожнее...

Всё шло, как по маслу! И в глубине той самой, якобы рас-тревоженной, души министр ликовал.

ОНА МОЛЧИТ!

Значит, уже задумалась и пока не находит, чем отвечать! Что ж, понять можно – намёк был достаточно прозрачным, а учитывая, что с этой стороны, да ещё и от него, мадам удара не ждала... «Не стану торопить, пускай как следует осознает», – великодушно подумал Ла Тремуй. Но герцогиня уже привела в порядок мысли и подняла на Ла Тремуя взор ещё более холодный, чем обычно.

– Я молчу только потому, что мне не в чем вас переубеждать, господин Ла Тремуй. Дева пришла от Господа. Пришла к его величеству. И сила её убеждённости в цели своей миссии такова, что герцоги всей Европы не в состоянии внушить ей иное. Если вы действительно обеспокоены тем, про что говорили, то можете больше не беспокоиться. И, уж конечно, не вздумайте беспокоить этими глупостями короля. Но, если вы преследовали какую-то иную цель, то она так и осталась мне неясна. Простите, пока за всем этим просматривается лишь попытка очернить нашу Деву, но смотреть на подобную попытку можно только, как на государственную измену. И первым, кто так посмотрит, будет наш король, настроения которого, как вы верно заметили, мне сейчас известны луч-

ше, чем кому-либо ещё.

Ла Тремуй обескураженно заморгал. Зная мадам герцогиню, он был уверен, что сейчас последует отповедь более изощрённая, наполненная уловками разузнать, что конкретно ему известно? Но такая прямота ставила в разговоре точку, а ведь он далеко не всё ещё сказал...

– Очернить? Ну, что вы! – начал, было Ла Тремуй, стараясь, чтобы слова его не походили на растерянное бормотание.

Но тут в покоях герцогини бесшумно возник её управляющий.

– К вашей светлости пришёл господин де Руа, – возвестил он с той долей высокомерия, которая свойственна слугам, уверенным, что симпатии и антипатии господ им хорошо известны.

– Де Руа..? – герцогиня очень странно смутилась, и это тут же привлекло внимание Ла Тремуйа. – Который де Руа?

– Молодой, ваша светлость. Я говорил, что вы заняты, но он желает вас видеть именно сейчас. Говорит, это очень срочно.

Ла Тремуй, со странным удовлетворением наблюдал за тем, как с лица мадам сошли все краски. Потом румянец вернулся, она выпрямилась и... Министр готов был поклясться, что только его присутствие удержало герцогиню от самого характерного женского жеста – проверить всё ли в порядке на голове.

Затаив дыхание, он поднялся.

– Что ж, не буду отвлекать вас. Видимо, молодому человеку было назначено, а я вторгся без приглашения... Благодарю, мадам. Ваши последние слова были достаточно убедительными. Надеюсь, те дурные мысли... Забудьте о них. Другой цели, кроме заботы о благополучии его величества, у меня не было.

О, Господи, да она еле слушает!

Ла Тремуй, величаво двинулся к выходу, неся внезапную догадку, как драгоценный сосуд.

Молодой человек, появившийся в дверях, низко поклонился.

Так, так, очень интересно! Статен, красив. Сразу видно, цену себе знает, как знает, видимо, и то, насколько ценен здесь...

– Из-за вас, юноша, меня изгнали, – улыбнулся ему Ла Тремуй.

– Я хотел всего лишь выразить её светлости свою благодарность!

– Ничего, ничего, не смущайтесь...

О, Господь, ты есть! И ты воистину велик!

Ла Тремуй до боли сцепил пальцы, чтобы не захохотать на весь замок.

ОНА ВЛЮБЛЕНА!

Она – эта могущественная интриганка – краснеет и бледнеет, как девица при виде смазливого мальчишки!

Господь, ты велик!

Идя сюда, министр хотел всего лишь разворошить... намекнуть, может быть, испугать, чтобы заставить делать ошибки! А оказалось, что самая большая ошибка уже сделана!

Какой подарок – влюблённая герцогиня Анжуйская!

А влюблённая женщина, во-первых, безопасна, во-вторых – уязвима, а в-третьих...

Вот теперь Ла Тремуй не сдержался, захохотал.

Господь, ты есть!

В-третьих – она глупа!

Сель-ен-Берри – Раморантен

(конец мая 1429 года)

Как ни старался дофин тянуть время, в конце мая, в окрестностях Раморантена начался стремительный сбор войск. Мало кто помнил, чтобы к предстоящему походу готовились так весело. По обширному полю, где сосредоточились основные силы, были расставлены пёстрые палатки командиров, украшенные по-всякому, в соответствии с доходами владельца, но с неизменным гербом над входом. И на то, чтобы его герб выделялся яркостью и блеском не скупился никто, хотя, говоря по совести, дворяне, имевшие сомнительную пока привилегию служить при дворе, денежных средств почти не имели. Однако, новой экипировкой блистали все без исключения, поскольку оснащением похода занялись не только мастеровые окрестных поселений, но и крайне благодарные цеховики Орлеана. Даже презираемые всеми ростовщики щедро давали в долг, невзирая на то, что должник мог погибнуть в каком-нибудь сражении. «С вами Божья Дева!» – говорили они, изогнувшись, с улыбкой и вечно косым взглядом, словно подписывали бессрочный кредит самому Господу.

Артиллерию тоже давал Орлеан. Из тяжёлых бомбард горожане оставили себе только знаменитую «Пастушку», кото-

рую теперь называли своей «Орлеанской Девой». И чуть не передрались за право вступить в ополчение, которое должно было примкнуть к боевому отряду под командованием де Гокура.

Все высшие командиры квартировали в Сель-ен-Берри, где остановилась Жанна.

Теперь уже никому не приходило в голову устраивать военные советы без её присутствия. Многое из того, что говорила девушка, разрабатывая план предстоящей кампании, казалось всем настолько разумным, что кое-кто из военачальников, осеняя себя крестным знамением, объясняли это себе и другим прямым Божьим вмешательством. «Не может деревенская девица так говорить и так мыслить сама по себе!». И текли по войску многочисленные легенды и домыслы, водоворотом окружающие любое, даже самое незначительное происшествие. Заартачился конь Жанны, встал на дыбы при её приближении – и вот, уже готово предание! Никому не интересно то, что конюх слишком натянул поводья, что девушка лаской и угощением успокоила коня. Нет! «Она велела подвести жеребца к кресту, и тот мгновенно успокоился! Стоял, как привязанный, пока она садилась! А сама Дева и говорит – я, дескать, ещё не исповедовалась сегодня, ведите меня немедленно к духовнику. И всем велела не забывать об исповеди, потому как смерть так и кружит вокруг, выискивая грешные души. Исповедуйтесь, говорит, и Господь защитит вас...»

Клод тоже находилась в Селе и слушала подобные разговоры с непонятным ей самой смущением. Прекрасно понимая, что никакого обмана со стороны Жанны во всём этом нет, и те, кто сочиняет легенды, делают это из самых лучших побуждений, а люди, несущие в душе веру всегда чище и лучше тех, кто живёт, глядя только себе под ноги. Она всё же считала, что образ без конца молящейся Девы уводит далеко от Жанны подлинной – той, которая, как и воображаемый Клод Иисус, смогла подняться над обыденностью, чтобы раз и навсегда понять: если не она, то кто? Не в исповедях и молитвах была её сила, а в той единственной, истинной вере, которая даёт право понимать – созданный «по образу и подобию» Человек не просит помощи у Бога, но сам помогает Богу в его замыслах. Надо только суметь услышать, понять этот замысел. И, если когда-то кому-то было открыто, что должна явиться Дева-спасительница, если несколько поколений ждали её и верили, что придёт, нужно было найти силы, чтобы осознать эту Деву в себе, как раз тогда, когда это было особенно необходимо, и пойти в самое пекло, не обращая внимания на насмешки и неверие, и совершить предначертанное Чудо!

Да, конечно, дисциплина в войсках теперь такая, что даже наёмники не смеют вести себя с обычной разнузданностью. Но Клод казалось, что всё это могло получиться и само собой, без того, чтобы, окружающие Жанну священники укутывали её, понятными всем, но очень заземляющими её об-

раз ритуалами. Если бы шло всё от другого понимания, по велению собственных сердец, по возникшей душевной потребности... И пускай было бы не так пышно, не так заметно и организованно, зато более искренно и надёжно.

Сопровождая Жанну в её поездках по Раморантену и наблюдая за тем, как невысокая фигурка в белых латах с непокрытой головой, осенённой сильно отросшими волнами светлых волос, словно светится среди мощных фигур, повсюду следующих за ней, маршала де Буссака, Ла Ира, Гокура и Бастарда Орлеанского, Клод невольно озиралась по сторонам, ища кого-нибудь, кто смотрел бы на это с таким же чувством, как и она сама. Ведь подлинное чудо было именно здесь, в том неподдельном почтении и внимании, с которым эти высокородные воины теперь ходили за её подругой, слушали её, и, не только слушали, но ещё и слушались! Ведь даже сквернослов Ла Ир не срывался больше на привычные ругательства.

И, разве не чудом становилось выражение лица герцога Алансонского, когда он оборачивался и видел Жанну?

В такие минуты Клод всегда стыдливо опускала глаза, потому что это чудо предназначалось только тем двоим. Но, даже, не глядя, она знала, что радость на лице герцога, как отражение в чистой реке, освещает и лицо Жанны.

Каким молебном или шествием можно призвать, или объяснить, величайшую благую весть? Весть о возникающей любви! Клод видела её повсюду, лёгким шлейфом тянущу-

юся за Жанной, которая, кажется, сама ещё до конца её не осознала, и понимая всю несвоевременность произошедшего, ничего не могла с собой поделать – она просто тихо радовалась за подругу.

Ещё в Лоше, при оглашении начала новой военной кампании, где Клод присутствовала, держа возле Девы её знамя, смутная догадка о чувстве, настигшем Жанну, вспыхнула полным пониманием, стоило дофину заявить, что командующим он назначает герцога Алансонского, поскольку тот свой выкуп уплатил, наконец, сполна. Нужно было видеть, каким счастьем озарилось лицо Жанны, и как радостно она воскликнула, никого не стесняясь: «С моим прекрасным герцогом мы обязательно победим, дорогой дофин!». А потом посмотрела на Клод сияющими глазами и сжала её ладонь своей. «Хорошо, правда!».

Клод тогда тоже улыбалась, и кивнула. Конечно, хорошо! Всё хорошо, что идёт от сердца. От него любят, сострадают, им клянутся, от его имени желают добра... И только трезвый расчёт ума дает право ненавидеть, бояться, проклинать...

И лживо верить.

Наблюдая за всем, что происходит вокруг Жанны, Клод уже не раз убеждалась в том, что далеко не все так искренне приняли Деву-Спасительницу, как говорят. Но любовь – это искреннее. И если командующий, назначенный дофином, Жанну полюбит так же, как она готова полюбить его, значит верит ей, и значит, вместе они обязательно победят!

* * *

За неделю до начала похода, в Раморантен, с отрядом Андре и Ги де Монфор-Лавалей, прибыл Пьер Арк, которого ныне именовали «братом Девы», что звучало, не менее славно, чем любой дворянский титул.

Видимо, получив от кого-то жесткие инструкции, с Клод он раскланялся, как с обычным приятелем, а Жанну обнял, хоть и скованно, но достаточно сердечно. Зато потом, когда никто не мог их увидеть, подошёл и неловко поцеловал Клод в щёку.

– Матушка просила это сделать...

– А где Жан? – спросила девушка.

– Поранился. Поехал обкатывать новые доспехи и упал с коня... Страшного ничего, скоро прибудет. Но посмотри! Видишь, у меня тоже всё новое! И латы белые, как у Девы, и с мечом мы теперь управляемся куда лучше, чем в Домреми. Помнишь, отец нас учил..? Теперь не так. Теперь я могу сражаться! Мы с Жаном словно в балладу какую-то попали! Эх, видели бы дома... У нас там все уверены, что это ты Дева-Спасительница. Чуть с ума не сошли от радости, когда прибыли люди от двора и рассказали, что король тебя принял. А потом и нам с Жаном велели собираться... Мы ужасно боялись. Матушка плакала каждую ночь... Знаешь, мне кажется, она о чём-то таком догадывалась. Ну, в смысле, что

Дева – это не ты, а Луи... тьфу ты, чёрт! Теперь запутаешься! Ты – Жанна, она – Жанна... то она Луи, то ты... Ей Богу, Жанна, лучше нам с тобой и вовсе не общаться! Человек, который вёз нас сюда, предупредил – ошибётесь, выдадите сестру, и всё – вам не жить, нам не жить... Короче, плохо будет! Но я, хоть убей, до сих пор не могу понять, почему вы поменялись?! И зачем она мальчишкой всё время прикидывалась? Тут, наверное, политика, да? Ты-то, Жанна, хоть не сильно расстроилась, что она стала вместо тебя? Ведь по всему выходило – ты у нас была самая странная, так ведь?

Клод слушала болтовню брата, стосковавшегося по общению с кем-то, равным себе, и улыбалась. Её так давно не называли именем, которые дали отец с матерью, что слушать было непривычно. И так запахло детством... Но теперь это имя принадлежало Деве, а сама Клод никаких прав на него больше не имела.

– Нет, Пьер, я не расстроилась. Я ведь ещё дома знала, что Луи – это девочка, которая скрывается до поры, чтобы явить себя миру, когда станет необходимо. Она и есть настоящая Дева, не я... Но все мы должны быть благодарными Господу за то, что оказались причастны к этому Чуду.

Пьер, с готовностью, кивнул.

– Жанна, ты как думаешь, отцу вернут дворянство? Господа Лавали говорят, что это очень возможно, если коронация в Реймсе состоится! Но, что если Луи... то есть, Жанна... ну, в общем, Дева! Что если она объявит о себе и о том,

что мы ей не родня, когда дело будет сделано? Ты, например, знаешь, кем были её родители? Я сам боюсь с кем-либо разговаривать, но Жан – ты же знаешь, он любит поболтать о том, о сём – так вот, Жан кое-что разведдал, а потом мы вместе порешали и думаем, а что если сама герцогиня Анжуйская была её матерью?

Клод не выдержала, прыснула, а потом обняла брата и посоветовала ему не забивать себе голову глупыми домыслами.

Но, оставшись одна, она, почему-то почувствовала себя огорчённой.

Неужели это из-за того, что Жанна, действительно, может оказаться бастардом высокопоставленной особы, и, значит, Клод ей уже не ровня, что в мирное время, в глазах всего света, проложит между ними непреодолимую границу? Кем были родители Жанны? Отвечая на этот вопрос, Клод сама была в шаге от того, чтобы придумать собственную легенду, но до сих пор задавалась им нечасто. В сущности, какая разница? Разве в её подруге это что-то меняло или определяло? Нет. Огорчение зацепилось в разговоре за что-то другое, и повисло неприятным комком страха, словно летучая мышь, заснувшая под балками крыши... Слова Пьера о том, что дома все считают Девой её, сначала только укололи какой-то смутной печалью, но потом, с нарастающим ужасом, девушка поняла, что возвращение домой может стать для неё невозможным!

Ах, если бы они смогли вернуться с Жанной открыто, как

две подружки! Она бы с лёгкой душой объяснила всем, что не является чудесной Девой...

Но, что если от неё потребуют сохранения тайны до конца жизни?

И разве позволят Спасительнице Франции жить в захудалой провинции?

Да и отпустят ли её те, кому известна правда о рождении Жанны?

И разве уйдёт сама Жанна теперь, когда заботу и решимость на её лице то и дело разгоняет счастливая улыбка?

Нет. Времена изменились, неумолимо меняя и живущих в них.

«Но, если всё это для чего-то сделалось, – утешила себя Клод, – значит, всё, что будет потом, тоже сложится так, как должно. Если мне суждено вернуться, я вернусь. А если моя миссия состояла только в том, чтобы прожить за Жанну её детство, то... что ж, наверное, какая-то судьба уготована мне и в этом случае...»

Предместья Жаржо

(июнь 1429 года)

В первые дни июня войско двинулось, наконец, в Орлеан. А вскоре, с небольшим отрядом туда прибыли и Жанна с герцогом Алансонским. Снова оказавшись с ней на военном совете, Бастард словно вспомнил прежние разногласия и стал доказывать, что предместья Жаржо очень сильно укреплены, да и численность английского войска слишком велика, чтобы вот так вот с ходу их атаковать. Многие его поддержали, но в ответ, как и раньше, Жанна принялась пылко убеждать в невозможности промедления и разгорячилась настолько, что Алансону пришлось взять её за руку, успокаивая. Однако девушка этого прикосновения даже не заметила.

– Как вы не понимаете! – повернула она к герцогу возбуждённое лицо. – Их численность и все их укрепления ничего не будут значить, когда солдаты пойдут в атаку, зная, что ведёт их сам Господь! Я в этом уверена так, словно видела всё уже совершённым! Поверьте же и вы, наконец! Не будь этой веры во мне, я бы предпочла заботиться дома об овцах, а не подвергать себя опасностям, которых вы так боитесь!

– Я верю, Жанна, – ласково сказал Алансон. – Верю и слушаю только тебя, как бы при этом ни возражали другие.

Только теперь она заметила, что их руки соединены, но

не смутилась, не покраснела, а только крепко, с благодарностью, сжала руку герцога.

На следующий день предместья Жаржо были атакованы.

Командующий не пустил Жанну вести войска за собой. «Они и так знают, что ты здесь, не стоит лишний раз рисковать». Но, наблюдая с командного холма за ходом сражения, он, с нарастающим беспокойством, скоро осознал, что атака захлёбывается.

Более того, уповая на численное превосходство, англичане позволили себе выйти из-за укреплений и начать контратаку.

– Нет! Так нельзя! – в отчаянии воскликнула Жанна.

Не спрашивая разрешения у герцога, она развернула своё знамя и, пришпорив коня, помчалась наперерез французам, еще не бегущим открыто, но уже заметно дрогнувшим и готовым отступить.

– В атаку! В атаку! – кричала она. – Имейте же храбрость. Тот, кто читает в ваших сердцах, должен видеть в них веру в победу!

Несколько командиров, увидев скачущую Жанну и не дожидаясь новых приказов, быстро собрали свои разрозненные в неудачном бою отряды, так, что к тому моменту, когда девушка оказалась среди сражающихся, французы снова были готовы идти в атаку. По всей их линии, как боевой клич, как заклинание, понеслось так пугающее противника «С нами Бог!». Англичане, выскочившие за свои укрепления, в

панике повернули обратно, почти неся на плечах преследователей французов, силы которых словно удвоились.

«Что это? – думал герцог, замороженно наблюдая за очевидным переломом в сражении. – Я же знаю, что эта девушка всего лишь незаконная дочь королевы... Боже! Я подумал „всего лишь“ о её высоком происхождении!.. Всего лишь дочь королевы... С каких пор я начал так думать о царях земных? Дева, призванная Господом, ВСЕГО ЛИШЬ королевская дочь! О, небеса, а ведь я так же верю в неё, как и те солдаты, что сейчас побеждают, и мне дела нет до её королевской крови! Это странно, но это так хорошо! Благодарю тебя, Господи! – герцог истово перекрестился. – Я видел Чудо твоё!»

Он оглянулся на свиту.

– Что вы стоите, господа? Нам ли торчать тут, когда Дева воюет?! Я уже чувствую себя опозоренным! Вперёд, вперёд! Нам и так уже мало чего достанется в этом сражении!

Захлопнув забрало, он отвязал от седла щегольской шарф, которым крепилась франциска³, сжал её мёртвой хваткой и пустил коня в галоп...

Вечером, после взятия предместий, Жанна потребовала подвести войска прямо под стены крепости, чтобы утром начать её штурм.

– И никаких возражений я не потерплю! – заявила она,

³ Франциска – рыцарский боевой топор

глядя на Бастарда.

Но он и не думал возражать. Какие теперь возражения, когда всем без исключения стало ясно, что победы, подаренные Жанной не случайность, и одно её присутствие – уже несомненный их залог...

Ранним утром 12 числа окрестности Жаржо содрогнулись от грохота. Началась артиллерийская подготовка штурма. Отоспавшиеся за ночь и весьма воодушевлённые предыдущей победой французские бомбардиры стреляли тем утром особенно метко, нанося ощутимый урон оборонительным сооружениям крепости. Тяжёлая Орлеанская кулеврина разнесла самую большую башню Жаржо за три выстрела, подняв над крепостью целое облако из каменной пыли и щебня. Зато ответы метательных орудий со стен были беспорядочны, торопливы и особого вреда не приносили, выдавая панику, царившую внутри.

– Они боятся тебя, Жанна, – усмехнулся Алансон.

Ожидая, когда артиллерия сделает своё дело, чтобы дать сигнал к пешей атаке, он стоял полностью закованный в броню и только шлем небрежно держал на согнутом локте.

– Накройте голову, герцог, – сказала ему Жанна. – И сойдите с этого места, иначе та махина убьёт вас.

Она показала на одно из орудий на стене Жаржо и, видя, что Алансон явно бравирует своим пренебрежением к противнику, сама оттащила его в сторону.

Некий господин де Люда – рыцарь из свиты герцога, весь-

ма недовольный Жанной за то, что утром она при всех отчитала его за сквернословие – выразительно усмехаясь, тут же встал на освободившееся место.

– Не подумайте, мессир, что я пытаюсь заменить вас... – начал было он.

Но закончить не успел. Налетевшее ядро поразило его прямо в грудь.

Все в ужасе попятились.

– Провидица! – не сдержавшись, воскликнул кто-то.

Кто-то ещё стал креститься, готовый упасть перед Жанной на колени, другие застыли пораженные.

– При чём здесь провидение?!

Жанна отвернулась и поморщилась. Несколько оруженосцев быстро оттащивали в сторону безжизненное тело де Люда.

– Провидцем мог стать и этот господин, если бы заметил, что бомбарду развернули в нашу сторону. Мне жаль его...

– На войне о многих приходится сожалеть, – пробормотал потрясённый Алансон.

Ему понадобилось время, чтобы прийти в себя, сосредоточится и, вглядываясь в стены крепости сквозь дым и занимающийся кое-где огонь, объявить:

– Похоже, уже всё. Пора нам начинать.

Надев шлем, он дал сигнал к атаке взмахом меча.

– В преисподнюю их! Ату! – весело прокричал Ла Ир. – Боюсь, правда, что эти трусливые пивные бочки заставят ме-

ня скучать сегодня!

– Лучше бы ты молился о вечной скуке для себя! – сердито глянула на него в ответ Жанна.

Под своим развевающимся знаменем она бросилась в бой следом за герцогом, ничуть не смущаясь отсутствием какого-либо оружия в руках.

Клод, также почти безоружная, с одной только палицей, которой могла лишь отражать удары, но не наносить свои, последовала было за ней, но чья-то железная рука твёрдо ухватила её за кожаный ремень нагрудника.

– Куда? – прорычал в ухо голос де Ре. – Она без тебя как-нибудь...

– Но я должна быть рядом! – не замечая, что проговаривается, пыталась вывернуться Клод.

– Рядом со мной! – приказал де Ре. – И не вынуждай меня глупо подставляться под удар, высматривая тебя по сторонам!

Штурм начался стремительно. И страшно для англичан. Ярость, с которой лезли на стены французы, ещё не была знакома защитникам Жаржо, но среди них почти все стояли совсем недавно на поле перед Орлеаном, когда, воскресшая чудесным образом лотарингская колдунья... или всё-таки Дева Божья?... ехала на них одна, под защитой только своего знамени и солнечного света. Тот мистический ужас был ещё памятен и усилен невиданным доселе напором всегда презираемых и не умеющих воевать французов.

Что тут было делать? Снова дрогнуть? Сдаться? Всем было известно, что Саффолк пытался договориться с Ла Иром о двухнедельном перемирии, но ничего не вышло. Саффолка срочно отозвали в Париж, а Ла Ир... Точно никто не знает, но говорят, что Ла Ир в ответ посмеялся... Он и теперь смеётся, здесь, под стенами крепости, выкрикивая оскорбления в адрес её защитников.

И, конечно, эта кошмарная ведьма... Разве от Бога её власть и сила? Да нет! Быть такого не может! «Убейте её! – чуть не плача умоляли солдат английские командиры. – Убейте, и нам больше нечего будет бояться!». А чем её убьёшь, когда все стрелы летят мимо?.. «Осадные корзины! Тащите сюда осадные корзины!», – надрывались командиры в отчаянии...

Сжимая в руке только древко знамени, Жанна уже поднималась по осадной лестнице, когда со стены в неё полетели камни. Один выбил знамя из руки, а другой разбился о шлем, сбросив саму Жанну вниз, на землю. Опасное падение смягчилось, благодаря нескольким солдатам, бросившимся прямо под падающее тело, но девушке всё-равно понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя.

– Я жива! – закричала она, вставая и пытаясь обуздать шум в голове и неприятные, плавающие перед глазами круги. – Подайте мне знамя! Держитесь! Наш Бог поразит англичан! Они наши!..

– Вперед! – вторя ей, закричали солдаты вокруг. – За Деву! Они не смеют поднимать руку на Божью посланницу!..

И тут, то ли по случайному совпадению, то ли действительно по воле Господней, ворота Жаржо пали. С победным кличем французы ворвались внутрь, свирепой, ощетинившейся секирами, копьями и мечами рекой. Эта река, разбиваясь на многочисленные русла, понеслась по крепости, уничтожая одних и даря радость победы другим.

Стремительно начавшийся штурм завершился такой же стремительной победой.

И кровавой резнёй.

Пытавшихся бежать англичан настигли и истребили без великодушного милосердия победителей.

* * *

После боя, сидя в захваченной крепости, Жанна покорно дала себя осмотреть, хотя и твердила весь остаток дня, что совсем не пострадала. Однако, известие о расправе над гарнизоном крепости заставило её побледнеть и пошатнуться, что послужило для Алансона и других военачальников поводом немедленно позвать врача. Теперь все они толпились в комнате, ожидая результатов осмотра, как приговора.

– Ушибы есть, но несерьёзные... Я не вижу ничего страшного, шлем смягчил удар, – говорил врач, ощупывая голову

Жанны и заглядывая ей в глаза. – Чтобы господам было понятнее, наша Дева пострадала не больше, чем пострадал бы любой из вас, вылетев из седла на турнире.

– Помнится, однажды я день провалялся без сознания, вылетев так из седла, – заметил Ла Ир.

– Я имел в виду обычное падение, после которого быстро встают.

Растерев Жанне виски остро пахнувшей мазью и велев применять к ранам оливковое масло с жиром, лекарь удалился. Следом за ним Алансон выпроводил всех остальных, но сам задержался.

– Ты недовольна, Жанна? – спросил он, без особого, впрочем, смущения, а скорее, с вызовом человека, уверенного в своей правоте. – Сердишься? Полагаешь, следовало взять их всех в плен? Или, может быть, ты хочешь, чтобы я наказал передовые отряды за жестокость?

– Теперь уже нет смысла, – тихо ответила Жанна. – Но столько крови не могло пролиться безнаказанно.

– А я на это отвечу, что пролитая кровь, как раз и была наказанием. Я сам отдал приказ не брать пленных, когда узнал, что ты ранена, и не жалею! Оставь этот грех на моей душе и забудь. Сделанного уже не переделать. Но, если ты сердишься... Что ж, велю отслужить мессу... и не одну, но только за то, что ты всё же с нами, живая и невредимая... Это единственное, что важно сейчас, потому что ты очень дорога мне, Жанна... Очень дорога! Как и всем нам.

От внезапно подступившего волнения щеки молодого герцога покрыл лёгкий румянец. Он говорил, то ли не замечая, то ли не обращая внимания на Клод, которая, сидя в стороне, взялась отчищать от грязи доспехи Жанны и теперь затихла, боясь самым робким движением помешать или вызвать неловкость от своего присутствия.

Короткий обмен взглядами во время долгой паузы совсем её смутил. От глаз девушки не укрылось, как на мгновение синие глаза герцога словно подернулись туманом откровенной мечты, как дрогнули опущенные ресницы её подруги, как пыталась она побороть смущение, неуместное сейчас, но рвущееся наружу, потому что за словами герцога виделось то желанное, что против воли закрадывалось и в её сердце.

– Я всё понимаю, – прошептала Жанна. – Но одна моя рана не стоит стольких смертей.

– Ла Ир сказал, что падение волоса с твоей головы стоит большего. И я теперь сожалею только о том, что это были не мои слова.

– Вашим было дело, – выдохнула почти шепотом Жанна. – Да, я недовольна... Но спасение вашей души для меня так же важно, как спасение Франции. Я помолюсь за вас сегодня, мой прекрасный герцог. Только обещайте... вы должны исповедаться... Обязательно! Как и всё наше войско.

Вместо согласия Алансон низко поклонился и вышел...

Жанна какое-то время сидела молча, потом подняла

на Клод взгляд, в котором, как она ни старалась, радость неумолимо перебарывала отчаяние.

– Мне стыдно, – беззвучно прошептали её губы.

– Не говори ничего, – так же тихо остановила подругу Клод. – Он прав в одном – сделанного уже не изменить. И утешить может только то, что ты всё делаешь, чтобы эта война скорее закончилась.

– Да... да. И поэтому надо торопиться...

Некоторое время она наблюдала за тем, как под руками Клод доспехи снова обретали чистоту и блеск. Потом взгляд её ушёл куда-то внутрь себя.

– Сегодня в сражении я видела Пьера...

Голос Жанны прозвучал отстраненно и глухо, словно тоже улетал куда-то с её мыслями в минуты долгой паузы, за время которой она то хмурилась, то замирала, то выходила из задумчивости, сердито встряхивая головой.

– Он храбро сражался... Знаешь, иногда мне кажется, что он и мой брат тоже... за неимением других. Ты, он и Жан – последняя связь с моей прошлой жизнью...

– Да, – кивнула Клод, не прерывая своего занятия, словно эта резкая перемена в разговоре ожидалась ей именно сейчас. – Но и эта связь прервётся, когда ты завершишь свою миссию. И это будет правильно. Твоя прошлая жизнь станет легендой. Воспоминанием... Возможно, Пьер и Жан захотят остаться и получить какие-то должности при дворе, но твоя связь с прошлой жизнью всё равно станет тоньше... на меня.

– Почему? – Жанна насупилась. – Ты, что же, считаешь себя недостойной жить при дворе, как они? Или решила, что не сможешь этого?

– Не знаю.

Клод провела пальцами по гладкой поверхности нагрудника. Из-за горящего в комнате факела, который принесли для осмотра Жанны, а потом так и оставили, отполированный металл казался золотистым.

– Не знаю, – повторила она. – Дома спросила бы ты меня, смогу ли жить в военном лагере среди мужчин, и я бы сразу сказала «нет!». Но, видишь, живу. И многое здесь кажется мне уже привычным... Наверное, жить можно везде. Даже там, где особенно не нужен. Это тяжело, но можно, надо лишь дожидаться какой-нибудь радости внутри себя. Просто, когда есть выбор, там, где ты не нужен, лучше не жить.

– Ты нужна мне, Клод. И всегда будешь нужна!

– Нет.

Взгляды девушек встретились – один удивлённый, другой уверенный и приветливый.

– Нет, Жанна, не буду. Это не обидно, поверь. Всё слишком изменилось, и будет меняться сильнее и сильнее. Даже если ты, вдруг, вернёшься, всё равно никогда уже не станешь прежней... Да и я, если вернусь, уже не буду Жанной Арк. Я теперь навеки останусь Клод, о чём нисколько не жалею. И, если не позволят вернуться к семье, хотелось бы просто жить где-нибудь неподалёку от тех мест, где я тоже, может

быть, никому не нужна, но где я буду точно знать – тут моё место... Помнишь Дерево Фей? Это то, что МНЕ будет нужно всегда. И не потому, что я так скромна и стыжусь сама себя среди знатных господ, а потому, что только там Клод сможет стать настоящей и жить с постоянной радостью внутри. Ты ведь понимаешь меня?

Слушая её, Жанна опустила голову. На последний вопрос она даже не кивнула, и какое-то время в комнатке было тихо, потом Клод вздохнула и, отложив нагрудник, потянулась за нарукавником...

– Я поняла... Поняла, почему ты вспомнила про Дерево Фей... – сказала, наконец, Жанна. – Да, конечно, я должна буду тебя отпустить. То, чем живём мы здесь, из-за чего так волнуемся и страдаем, когда-нибудь пройдёт и, может быть, будет забыто со временем. А там для тебя жизнь вечная, в ней нет понятия смерти... Да, это я поняла. И, наверное, очень виновата, что увлекла тебя за собой...

– Не говори так! Мы поклялись быть вместе до конца, и я ни за что тебя не брошу!

– Да, знаю... Но ты сама научила меня слышать то, чего никто больше не слышит, и теперь у меня тоже есть своё тайное. Я не рассказывала, но там, в Домреми, незадолго до отъезда, Дерево Фей, наконец, заговорило со мной... И этот голос... Их будто бы несколько, хотя каждый какой-то особенный и говорит о своём... Но он всё равно, словно один и ничей. И он убеждает, поддерживает, даёт силы... Я знаю,

тебе не понравилось, что перед дофином пришлось сказать о святых, которые меня направляют. Но разве это ложь? Ведь кто-то говорит со мной внутри меня! Это странное ощущение, но, как раз, ты можешь понять, как такое бывает, да?

– Да.

– Но можешь ли ты объяснить, от кого исходит этот голос?

– Почему ты спрашиваешь только сейчас?

– Потому что несколько минут назад во мне впервые шевельнулось сомнение... До сих пор всё было так ясно – нужно делать своё дело, соотносясь только с Божьими заповедями и более всего заботясь о чистоте душевных помыслов, как своих, так и своего воинства. Но вот они согрешили – убили, не сражаясь, не защищаясь. Убили просто потому, что были злы на тех, кто уже не мог ответить, а мой голос молчит... Умом я понимаю, что должна негодовать, что-то делать, внушать милосердие... Как Божья посланница, я вообще должна не допускать сражений! Выезжать перед врагом одна и убеждать его отступить, как это сделала ты! Но всё не так. Я сражаюсь, подгоняю солдат в атаку, чтобы шли и убивали других солдат и оправдываю всё это необходимостью довести до конца свою миссию!.. Да, ты можешь не верить, когда я говорю, что считаю истинной Девой тебя. Но, поверь хотя бы в то, что мне тоже не обидно быть той, кто проложит тебе дорогу к людям, которые давно ждут свою Деву. Я готова к тому, что всего лишь корону дофина. А потом... Даже не представляю, что именно должно случиться, но верю – это

будет подлинным чудом, и совершишь его ты! Пугает только одно – почему через кровь?! Точнее, почему я пошла этим путём? Мой голос говорил: иди, сражайся, и я поняла его так, как услышала. Но, может, он имел в виду другое? Или этот голос не такой, какой слышишь ты?.. Я начинаю путаться... Заставляю каяться своих солдат, и сама много молюсь, но... Ты не поверишь, Клод – сейчас, когда он... мой герцог, прекрасный, как ангел, так легко говорил о своём грехе, я ничего не ощущала, кроме радости!.. Что это? Может быть, уже наказание за то, что не смогла избежать бойни с самого начала и всё делаю не так, как должна?!

– Любовь не может быть наказанием, Жанна.

– Любовь?.. Ты думаешь, это любовь?

– Да...

– И это плохо?

– Нет...

Клод бросила нарукавник и пересела к Жанне.

– Не думай так много о грехах и покаянии. Если считать, что каждый шаг грозит падением, лучше вообще не идти никуда... Твоя жизнь изменилась, и твои чувства тоже меняются. А ещё изменилось что-то вокруг нас, и нельзя, вот так сразу, понять к лучшему, или нет. Когда тебе не верили, было одно. Теперь, когда в тебя верят от души и от сердца, стало иначе... И на войне без сражений нельзя. И тот голос, который звучит в тебе, конечно же, не тот, что во мне, потому что ты говоришь со своей же душой... А что может душа

против любви, которая не спрашивает когда и к кому приходиться? И, что она может против тысячи злобных мыслей, направленных друг против друга, и против тебя? Только оставаться чистой, несмотря на все перемены... Не думай о плохом, не сомневайся. Ты просто устала сегодня, и мы зря затеяли этот разговор. Давай оставим его – ещё не время. А когда время придёт, тогда и поговорим. И это будет совсем другой разговор – более радостный...

– Когда?

– Когда твоё дело будет сделано. Мне тоже почему-то кажется, что на коронации многое прояснится. Может быть, откроется, наконец, Истина для всех. Дофин поймёт, что он подлинный король, твой прекрасный герцог смягчит сердце ответной любовью, и ты обретёшь мир в душе, когда станет ясно, что на кровавый путь вступила только ради его прекращения.

– А ты? – спросила Жанна. – Что откроется тебе?

Клод пожала плечами.

– Наверное, просто пойму, что делать дальше.

Лош

(20 июня 1429 года)

– ... по взятии Жаржо, ваше величество, войско вернулось в Орлеан, чтобы двинуться на Менг. Тем же днём, к вечеру, был взят мост, и Дева велела не мешкая осадить Божанси...

Спиной к придворным, заложив руки за спину и, глядя в окно, Шарль слушал доклад от герцога Алансонского о ходе военных действий. Герольд герцога старался читать присланную бумагу бесстрастно, хотя довольная улыбка то и дело выползала на лицо.

– ...обстрелом изо всех орудий она заставила противника укрыться в замке, куда сразу же отправила гонца, чтобы договориться о сдаче...

Одной частью своей души дофин ликовал, другая всё ещё была напряжена. «Пока хорошо!» – стучало у него в голове. – «Пока... пока... пока... Можно сказать, по городу в день... Двигаясь такими темпами, Жанна, того и гляди, возьмёт для меня Реймс...»

– ... даже засылаемые англичанами известия о скором прибытии сэра Фастольфа с подкреплением не смогли остудить боевой дух нашего воинства! Все готовы были идти на штурм прямо с утра...

«Но нет, нет! Загадывать не буду! Впереди ещё так мно-

го крепостей, земель, городов... Однако, чёрт меня раздери! Моих владений тоже прибавилось!».

– ... таким образом, утром семнадцатого числа английские войска оставили нам Божанси по договору!

Герольд позволил себе, наконец, расслабленно улыбнуться.

– По сути, безо всякого сопротивления!

Шарль постоял ещё немного, не отрывая взгляда от пейзажа за окном, потом повернулся к залу. Ликующая сторона его души в этот момент явно побеждала.

– Что ж, господа, полагаю, всех нас можно поздравить! Дева снова одержала победу, и нам остается только сожалеть о заблудшем герцоге Бэдфордском, который никак не поймёт, что противится не нам, а воле Господней!

Придворные закивали, заулыбались.

Шарль медленно прошёл между ними, скользя взглядом по лицам.

«Подданные... Полгода назад на меня смотрели совсем не так. И почтительность, с которой передо мной расступались, была не та... А теперь та... И всё пока хорошо. И пускай Дева воюет. Моя благодарность будет щедра. Но пока Жанны нет, следует здесь, не теряя даром ни минуты, приучать всех к мысли, что поклоняться следует только королю. Только! А на Деву пускай молятся... Пожалую ей потом какое-нибудь аббатство, объявлю его святым местом... Лишь бы подальше от двора, где место только помазаннику, но не посланнику

Божьему... И о щедрых пожертвованиях для аббатства позабочусь. Полагаю, она не откажется...».

Прекрасно осозная, что сейчас каждый его шаг и каждая подаренная улыбка будут иметь значение, Шарль расчётливо остановился возле молодого человека, на камзоле которого красовался герб герцогов Анжуйских.

Младший сын мадам Иоланды низко поклонился.

– Наша матушка, дорогой Шарло, как всегда оказалась права, советуя нам верить в Деву без сомнений, – сказал дофин. – Жаль, что она не присутствует сегодня, но ты ведь передашь ей мою благодарность?

– Конечно, сир.

– Скажи ей также, что после коронации – вера в которую во мне всё крепче – я намерен пожаловать тебя титулом графа Менского, что будет ничтожной благодарностью за верную службу.

– Благодарю, сир, – Шарло низко поклонился. – Матушка будет очень рада.

– Не благодари.

Дофин по-свойски взял молодого человека под руку и пошёл дальше уже с ним.

– Обязанность королей ценить прежде всего тех, кто предан настолько, что готов возражать своему повелителю ради его же блага. А матушка мне часто возражает, не так ли? Но лучше это, чем угодливое согласие, которое в иных случаях просто преступно...

Говоря это он, вроде бы ненароком, посмотрел прямо в глаза стоящему на пути Ла Тремуя. Выражение лица министра не оставляло сомнений в том, что упрёк на свой счёт он принял. Однако ничуть не смутился и, когда дофин оказался возле него, согнулся в поклоне.

– Позвольте и мне, ваше величество, поздравить вас с такими славными победами.

– Разумеется позволю, Ла Тремуи! И буду настаивать, чтобы, в пример другим, именно вы сделали это с особенной искренностью. Ведь сознайтесь, в чудесную нашу Деву не верите до сих пор, не так ли?

– Как можно не верить очевидному, сир?

Дофин засмеялся и со смехом пожал плечами.

– Не знаю! Об этом вас бы следовало спросить, но вы же всё равно не скажете.

Многие придворные вокруг Ла Тремуя тоже засмеялись. Но министр даже бровью не повёл.

– Непобедимость вашего войска, сир, для меня очевидна. Как и ваше мудрое решение поставить во главе его герцога Алансонского – человека во всех отношениях достойного. Ну, и вдохновляющее присутствие при войске девушки, которую многие считают чудесной Девой, тоже невозможно отрицать. Однако, то, что она чудесная для меня не очевидно до сих пор. Но, слава Господу, пока это никакого значения не имеет.

Шарль, слушавший Ла Тремуя со скрытой усмешкой, на

это «пока» среагировал очень живо.

– Вы всё-таки считаете, что когда-нибудь наша вера обернётся против нас же?

– Я не провидец, ваше величество. Но предчувствия, которыми полно моё сердце... безгранично преданное вам сердце... так вот, эти предчувствия не дают мне покоя. Дай Бог, чтобы они не оправдались, и я стану первым возрадовавшимся своей ошибке и охотно склоню голову. Но пока не заставляйте меня верить в то, во что не верится, и радоваться тому, что вызывает беспокойство.

Тон Ла Тремуя был достаточно нейтрален, но Шарль, давно знавший все повадки своего министра, долго смотрел ему в лицо, ища на нём хотя бы намёк на то, что осталось невысказанным.

– Господь с вами, – произнёс он, наконец, – Кто ж вас заставляет...

...«Сердце помогает мне в принятии решений, а сердцу своему я склонен верить...». Ла Тремуя был собой доволен. Когда-то Шарль произнёс эти слова как веский аргумент в пользу своего нежелания призвать в армию Ришомона. Сегодня Ла Тремуя, фактически, повторил их, и дофин не нашёлся, что ответить.

«Но он задумался! – усмехался про себя министр, наблюдая за тем, как величаво продолжает Шарль своё кружение среди придворных. – Понял, что мне что-то известно и те-

перь будет умирать от любопытства, но не спросит! Нет! Пока не спросит. Он уже играет в короля и, кажется, весьма в этом преуспевает. Спасибо мадам герцогине – научила. Достаточно посмотреть, как он начал говорить со своим двором, с каким лицом слушает одних, с каким пренебрежением оказывает подчёркнутое внимание другим... Он стал расчётлив, наш дофин. Не то, что раньше, когда малейшие душевные волнения проступали на его лице словно открытые письма... Сейчас, пока Жанна побеждает, он, конечно же, ни о чём спрашивать не будет, но ведь когда-то всё кончится, и нужда в ней отпадёт. Вот тогда мне надо быть готовым! Тогда он не просто спросит – он потребует моих сведений, откровений, умозаключений, чего угодно, лишь бы это помогло её отстранить, а других заставить забыть о чудесном происхождении той, что одела корону на его голову. Он всё отдаст за возможность убить даже намёк на поклонение ей, как спасительнице, и будет прав по-своему, по-королевски. И я его охотно поддержу... А пока... Пока пускай раздумывает о том, что мне известно. Я же займусь иными делами... О, Господи, как много всего нужно сделать! Но лучше так, чем не иметь возможности сделать хоть что-то...».

В этот момент, откланявшись дофину, Шарло Анжуйский пошёл к выходу, и дворяне его свиты потянулись следом.

«Пора!»

Если бы кто-нибудь в этот момент дал себе труд понаблюдать за почтенным господином де Ла Тремуем, он бы очень

удивился манёврам, которые тот производил. Незаметно, но всё-таки двигаясь одному ему известным способом, министр переместился по залу так, чтобы оказаться у выхода в одно время с неким молодым человеком, который, улыбаясь кому-то, кого оставлял в зале, спешил за уходящим Шарло.

– О боги! Вы в своём уме?! – завопил Ла Тремуй, ловко подставив свою ногу под сапог молодого человека.

Тот обернулся, увидел, на кого налетел, отпрянул и, покраснев мгновенно до корней волос, забормотал извинения.

– Как же вы неловки! – простонал Ла Тремуй. – По вашей милости, молодой человек, я теперь охромел!

Быстрыми короткими взмахами кисти министр отогнал подбежавшего слугу.

– Нет, этот господин сам исправит свою оплошность – это его святой долг проводить меня до моих покоев.

– Но я... о, ваша милость, прошу великодушно извинить, но я должен... О-о, как глупо вышло!

Ища поддержки, молодой человек беспомощно обернулся на дверь, за которой скрылся Шарло, но никого знатного из свиты, чтобы вызволить его, уже не осталось, а самому перечить Ла Тремую было небезопасно. «Ладно, – подумал он, – провожу, а потом повеселю всех рассказом о том, как сшиб его милость. Уверен, за это мне простится любое опоздание!».

Юноша почтительно согнул руку и министр, навалившись на неё всем телом, захромал к выходу.

– Не спешите так, – ворчал он по дороге. – От побед все стали такими прыткими. Вам бы поспешить в войска, калечить англичан.

– Я сам мечтаю об этом, ваша милость!

– Что же вас держит?

– Моя служба при дворе только началась. Будет не совсем удобно оставить её так сразу...

Ла Тремуи сделал вид, что присматривается к лицу молодого человека.

– Вы кажетесь мне знакомым, сударь. Где я мог вас видеть?...

И тут же, не дожидаясь ответа, «вспомнил»:

– Ах, ну да! Я же видел вас как-то в приёмной у герцогини Анжуйской! Вы тогда явились с делом настолько важным, что мне пришлось прервать беседу с ней и удалиться.

– Это дело было важным только для меня, ваша милость, – слегка покраснел юноша. – Я пришёл поблагодарить её светлость за назначение на должность.

– О! – Ла Тремуи даже остановился. – Мадам герцогиня принимает в вас участие? Это дорогого стоит, поверьте. На моей памяти она занималась будущим только одного молодого человека, и теперь он наш король... Как вас зовут, сударь?

– Филипп де Руа к услугам вашей милости.

– Я запомню это имя. Возможно, скоро оно будет у всех на устах.

– Её светлость всего лишь оказала любезность моему дяде... – забормотал было Филипп, но Ла Тремуи, с понимающей улыбкой приложил палец к губам.

– Вам незачем оправдываться, господин де Руа – ваш облик говорит сам за себя. Какие бы волнения ни сотрясали троны и государства, одно остаётся неизменным в любых обстоятельствах. И это, конечно же, женская слабость к молодым людям вроде вас – живому воплощению героя из баллады. Таким, как вы даже подвигов совершать не надо... И радуйтесь, что первой занялась вашим будущим именно герцогиня. Она славится своей добродетелью и неприступностью, так что дурное никому в голову не придёт. А заодно и прочие наши дамы поостерегутся рвать вас на части, что, с одной стороны, несомненно, лестно любому, но ведь есть ещё и их мужья...

Ла Тремуи захихикал. Его чрезвычайно веселил этот разговор. Мальчишка де Руа, чьё имя министру давно уже было известно, изо всех сил пытался изобразить негодование, возмущение и, Бог знает, что ещё, что, по его мнению, нужно было сейчас изображать. Но растущее прямо на глазах самодовольство выпирало сквозь все положенные случаю эмоции!

«Тщеславный юноша, это всегда хорошо, – упивался его видом Ла Тремуи. – Такого не надо даже направлять – он сам знает, на каких слабостях сыграть, чтобы сильные мира сего пришли в умиление и почувствовали необходимость

его присутствия рядом. А этот ещё и красив, как ангел. И знает, что красив. И, если ещё робок, то только потому, что робость ему пока идёт. Как только станет идти наглость, – станет наглым... Впрочем, скорей всего, ненадолго. Век красавцев короток, если не подкреплён чем-то кроме красоты. Но тут опасаться нечего...».

Смех Ла Тремуя внезапно оборвался.

– Не хотелось бы, господин де Руа, чтобы вы поняли меня превратно, поскольку я хочу дать вам добрый совет. То, что вы рвётесь в армию, похвально. Однако, примите во внимание и то, что покровительство её светлости не пустая забава. Герцогиня настолько дальновидна, что даже я, не имеющий чести быть в числе её друзей, не могу этим не восхищаться. Так что, если она решила по каким-то причинам заняться вашим будущим, извольте быть послушным и не спешите покинуть двор, чтобы о вас не забыли. Такое везение выпадает раз в жизни.

Де Руа залился краской.

– Вы смущаете меня, сударь. Позвольте, я доведу вас и поспешу к своему господину.

Ла Тремуй ласково улыбнулся.

– Да полно. Я уже простил вашу неловкость и дальше дойду сам. Передайте своему господину мой поклон.

Он дождался, когда молодой человек скроется из вида и, махнув слуге, следовавшему за ними в отдалении, пошёл к себе. «Лёгок, строен... Как раз таков, чтобы на ум сразу при-

шло одно слово: загляденье! Как там Катрин вчера сказала? Второй де Бурдон? Нет, дорогая! Де Бурдон семя павшее во взрыхленную почву и потому сразу давшее плоды. А тут придётся покопаться. Намёк там, слушок здесь... Ах, как жаль, что с нами нет герцога Луи! Но зато есть мессир дю Шастель, и есть его величество дофин... Полагаю, любовные томления матушки и госпожи не понравятся ни тому, ни другому!»...

Предместья Пате

(18 июня 1429 года)

– Где они, чёрт побери?! Понять не могу, куда они делись?!

Ла Ир пребывал в таком негодовании, что забылся и чертыхнулся при Жанне, которая наградила его красноречивым взглядом из-под сдвинутых бровей.

– Нет, ты меня прости, конечно... Вот, видишь, осеняю себя крестным знамением и на исповеди покаюсь. Но, куда могло подеваться целое войско, так-таки не понимаю! И, если здесь обошлось без врага рода человеческого, значит, эти чёр... поганые йомены сами, как черти! Прости, Жанна...

Ла Ир возмущался так всё утро, и его можно было понять. Во всём войске, тащившемся по дороге на северо-запад от Менга, не было ни рыцаря, ни лучника, который не задавался бы такими же вопросами.

Накануне, после сдачи Божанси, во второй половине дня, к стенам крепости подошло подкрепление во главе с героем «селёдной» битвы сэром Джоном Фастольфом. Его солдаты, уже знающие о, почти каждодневных победах французов и их ведьмы, геройским духом совсем не пылали. Они, конечно, выстроились в боевой порядок и даже отправили в крепость герольда с вызовом, но когда тот вернулся с лени-

вым ответом от французов, что «воевать сегодня уже поздно», скорей всего, выдохнули с облегчением. Да и сам сэр Джон, судя по всему, в сражение не рвался. Объединив свои отряды с теми, которые Талбот, командующий вместо Саффолка, вывел из Божанси по договору с герцогом Алансонским, Фастольф благоразумно решил военных действий пока не предпринимать, а отступить на более выгодные позиции, чтобы, не связываясь с осадой, дать открытое сражение, в котором французы никогда сильны не были.

Впрочем, Талботу такое решение не понравилось. Изрыгая проклятия на медлительного сэра Джона, он нехотя отступил вместе с ним к Менгу, но там гордый дух прославленного воина всё же возмутился, упёрся и Талбот заявил, что без сражения дальше отступить не может! Пришлось Фастольфу согласиться на вылазку. Однако жалкая попытка захватить ночью мост при Менге привела ещё к одному поражению.

Тут уже и Талбот признал, что лучше пока отступить, чтобы собраться с новыми силами, а более всего, с духом, которого явно не хватало. Идти решили к Жуанвилю и отступили так быстро, что следовавшая за ними утром армия противника очень скоро почувствовала себя крайне обескураженной. Объект преследования исчез! Группы разведчиков, без счёта рассылаемые по округе, возвращались ни с чем, заставляя французских командиров волноваться и постоянно ожидать внезапного коварного нападения.

Только Жанна оставалась спокойной.

– Чем поганить свой рот богохульством ты бы, Ла Ир, лучше проверил, хороши ли у тебя шпоры!

– Шпоры? – Не понял рыцарь. – Не хочешь же ты сказать, что нам придётся бежать от них?

– Нет, не хочу. Но шпоры следует проверить всем, потому что, когда побегут ОНИ, догонять их надо будет очень быстро.

Де Ре громко засмеялся. Бастард хмыкнул.

– Ты слышала свои голоса? Ты точно знаешь, что они побегут? – вполголоса спросил Алансон.

– Нет, мой прекрасный герцог, – шепнула в ответ Жанна. – Я просто знаю, что по-другому быть не может.

Она чувствовала себя очень довольной. Под Божанси к французской армии присоединилось целое воинство под командованием Артюра де Ришемон, который предложил свою помощь, невзирая на то, что был отлучён от двора и нелюбим дофином. Помощь очень существенную и очень кстати. Однако, из-за этого чёртового отлучения среди высшего командования разгорелись споры по поводу того, надо ли принимать эту помощь или нет. Многие знали и ценили Ришемона, как умелого воина, но опала запросто могла навлечь на его сторонников недовольство дофина, который и без того относился к этому походу со странной смесью желания и нежелания.

– Мы не должны принимать его, – сразу же заявил Алан-

сон. – Лично я против мессира Артюра ничего не имею, но мой король почтил меня доверием, которое я должен оправдать...

– Разве отказ от помощи может оправдать доверие? – перебила Жанна. – Вы же сами говорили, что герцог Ришемон славный воин.

– Да, но...

– Оправдать доверие можно только победами, которые и делают воинов славными. Если мессир де Ришемон уже доказал, что может побеждать, наша святая обязанность принять его помощь!

– Мой король будет недоволен, – пробормотал Алансон и опустил глаза.

«О, Боже, – подумал он про себя, – до чего глупой кажется вся эта придворная политика рядом с простым здравым смыслом! Как легко и понятно жить, не оглядываясь на условности и соглашаясь с Жанной, у которой нет никакого разлада ни в делах, ни в мыслях Господи, Господи! Надеюсь, я не кажусь ей полным идиотом, когда поступаю, как придворный?!».

По счастью, другие командиры тоже высказались за встречу с Ришемоном, а Бастард-Дюнуа очень к месту напомнил, что до осады Орлеана сам находился в опале, но был призван герцогиней Анжуйской, и дофин не слишком этому противился и даже сказал, что необходимость, продиктованная обстоятельствами, хороший повод исправить ошибки, не при-

зная их публично... Одним словом, чтобы не затягивать это дело надолго, представители обеих сторон вечером после ухода английского воинства встретились на поле перед крепостью.

– Рада приветствовать вас, сударь! – сказала Жанна, выехав вперед.

– Я тоже вам рад, – ответил Ришемон. – Говорят, англичане вас боятся – никак не могут решить, от кого вы, от Бога или от дьявола.

– А вы не боитесь?

– Чего? – Ришемон пожал плечами. – Я чист душой. Если вы от Бога, то я вас не боюсь. А если от дьявола – боюсь ещё меньше.

Жанна засмеялась.

– Вы прибыли неожиданно, сударь, но поскольку вы прибыли, добро пожаловать во французское войско!

Она сразу оценила, как внушительную численность, так и превосходную экипировку подкрепления. И теперь не могла не радоваться, глядя на своё войско, текущее словно полноводная река, в которую спешат влиться все окрестные речушки.

– Так что нам нужно делать, Жанна? – спросил Алансон, которого очень волновала перспектива пойти не туда и оказаться атакованным с тыла. – Впереди развилка – пересечение дороги на Пате и старой римской дороги. Не видя противника, как мы можем быть уверены, что движемся за ним,

а не от него?

– Мы найдём их, герцог, не сомневайтесь. И, когда найдём, атакуем сразу же!

Они ехали по пыльной, протоптанной миллионом ног, копыт и колёс дороге, чувствуя за спиной, словно тяжелый шлейф, присутствие армии, впервые, наверное, за последние лет десять, идущую по своей земле так уверенно, по-хозяйски. Понимание этого, как-то незаметно, само собой расцвело вдруг в мыслях Алансона и потянуло за собой целую череду сменяющих друг друга воспоминаний о неудачных сражениях, обидах и разочарованиях за Азенкур и договор в Труа, безумных надеждах на Чудо... и на другое чудо, о котором говорить невозможно, нельзя, не к месту... Но и молчать уже сил не хватает! И почему-то именно теперь вдруг перехватило дыхание ото всего – от величия момента, от этого поиска, в котором герцогу вдруг почудился азарт... От близости и уединения среди всего этого войска... От летнего дня, наконец!

– Ты так уверена, что я тоже начинаю верить, – сказал Алансон, подъезжая ближе к девушке. – И чувствую нетерпение даже в шпорах, которые крепки, можешь не сомневаться, и тоже думаю, что по-другому быть не может, но не знаю, почему... Может, день сегодня какой-то особенный?

Жанна со странным, новым для неё воодушевлением посмотрела на герцога. Жаркое солнце слепило глаза, воздух вокруг был пропитан тревогой, горелым деревом, страхом

убегающего войска, кислым от пота железом, стёртой до черноты седельной кожей – всеми теми смесями, которые наводит для себя война, чтобы обозначать своё присутствие в мире...

И всё же...

Всё же вокруг порхали бабочки, в безмятежном спокойствии потягивалось прозрачными облаками небо и щебет птиц, нет-нет, а и перекрывал монотонное позвякивание уздечек и оружия, скрип колёс тяжелых повозок... И в сердце Жанны тревоги не было.

– Сегодня всё здесь ради нас, – вдохнула она цветочный запах, неизвестно, каким чудом окутавший всадников. – Разве всё это не мир Божий? Надо только смотреть и видеть, и Господь пошлёт знак. Он всегда посылает подсказки тем, кто верит в Его участие...

– Я верю, – прошептал герцог, не сводя глаз с её лица.

– И я верю.

– Я верю в тебя, Жанна.

– А я в тех, кто идёт за мной...

– Я иду за тобой. Помнишь, под Жаржо ты крикнула: «Кто любит меня – за мной!»?

– Я... Я хотела сказать «кто верит».

– А получилось – любит.

– Для меня любовь неотделима от веры...

– Я бы хотел, чтобы ты верила в меня...

– Я верю. Верю вам, как самой себе... мой... прекрас-

ный... герцог...

Она ещё шептала, когда до их слуха донёлся топот копыт несущегося во весь опор коня. Низко пригнувшийся к конской шее всадник летел как раз со стороны северо-запада, где находился городок Пате.

– Ваша светлость, ваша светлость!!! Жанна!!! там, за кустарником ОНИ!!! Они готовят позицию! Их лучники спугнули лань и выдали себя! Что прикажете делать?!

Дурман, вскруживший голову, мгновенно рассеялся.

– Я же говорила! Вот он, знак! Немедленно атакуем их тяжёлой конницей! Пускай Ла Ир и Ксентрайль идут в авангарде и нападают, не раздумывая! Я же с Бастардом и с основными силами...

– Нет! – решительно заявил Алансон. – Сегодня я тебя никуда не пущу! Я сам, Бастард, де Ре, кто угодно, но только не ты! Сражение в поле – не взятие крепости...

– Но у нас восемь тысяч солдат, а у них не более трёх!

– Нет! При Азенкуре у нас было тридцать тысяч... И не спорь! Не спорь пожалуйста... Сейчас каждая минута, как драгоценность!

Войско мгновенно пришло в боевую готовность.

Тяжеловооруженные рыцари, звеня уздечками, скорым маршем развернулись и понеслись по дороге на Пате.

– Не дайте им закрепиться! – кричал на скаку Ла Ир. – Если успеют вбить колья, хуже будет только нам!

Подняв дорожную пыль, авангард исчез из вида подобно грозовой туче, набирающей ярость.

– Ходу! Ходу! – кричали командиры, подгоняя растянувшуюся по дороге армию, хотя в понуканиях никакой нужды не было.

Вся восьмитысячная армия французов, только что робко, ощупью пробиравшаяся по следам противника, за мгновение подобралась словно зверь, почуявший добычу, и рванулась вперёд одним стремительным броском.

* * *

Земля дрогнула и затряслась.

– Французы! Мило-о-орд!!!

Оруженосец графа Шрусбери, командовавшего английским арьергардом, почти визжал, указывая на стремительно приближающиеся клубы пыли. На бледных от ужаса солдат страшно было смотреть.

– Копайте быстрее, что замерли!!!! – заорал Шрусбери.

Ах, чёрт, они так и не успели толком подготовиться!

Эта французская ведьма – пропади она совсем – вынюхала их всё-таки!

Господь, если ты это видишь, почему ты это допускаешь?!

А ведь как всё было хорошо задумано!

Талбот сам выбрал это место, сказал, что лучше не придумать. За невысоким кустарником, вдоль дороги, разместился

бы арьергард из пятисот лучников, которые, пользуясь тем, что противник потерял их из вида, подготовили бы позицию, укрепили её и, дав пройти первым отрядам французов, начали бы массированный обстрел, пока основные силы, которые Фастольф отвёл на невысокий холм неподалёку, не развернутся в полном боевом порядке и не перейдут в наступление.

О да, всё было бы хорошо, кабы не те несколько идиотов, тела которых качаются сейчас на деревьях в том перелеске! Им, видите ли, захотелось поохотиться! А чёртова лань, которую они упустили, возьми и выбеги прямо на французов!..

– Стреляйте! Стреляйте же, чёрт вас всех раздери!!!

О, Господь, почему ты всё это допускаешь!!!

Уже через минуту после того, как тяжёлые французские конники прорвали недостроенные укрепления, Шрусбери стало ясно, что с его арьергардом покончено. Но он всё равно вытащил меч из ножен, готовясь дорого продать хотя бы свою жизнь.

Что толку, что Талбот спешит на помощь со своими отрядами?! Следом за конницей уже накатывала мощь основных сил французского войска. И началось... Нет, уже не сражение. Сражением нельзя называть преследование бегущих в страхе людей. И сэр Джон Фастольф с высоты холма на котором он держал свою армию, над собственными действиями долго не задумывался.

– Отступаем, – пробормотал он, чувствуя подступающую

к горлу панику.

Внизу, в этой бойне, какой-то рыцарь, прямо на его глазах, широким взмахом опрокинул на землю Талбота.

– Отступа-аем!!! Бего-о-ом!!!

Поводья путались в руках. Взбешённый шпорами конь хрипел. Перед глазами сэра Джона коротко мелькнули перекошенные лица командиров.

– И не возражать! Если тут колдовство, спасайте свои души!

О, никто и не возражал.

Треть английского воинства покинула место гибели двух тысяч своих товарищей меньше чем через час после начала сражения, оставив пленными многих знатных лордов. Шрусбери тоже было отказано в героической гибели. Словно издеваясь, французские конники объезжали его, готового умереть, но не сдаться. И только когда все пятьсот лучников арьергарда были перебиты, барон де Ре подъехал к лорду почти вплотную и попросил его меч.

– Будь ты проклят, слуга дьявола! – по-английски прохрипел Шрусбери, швыряя оружие на землю.

Но барон его понял.

Смачно сплюнув на брошенный меч, он подобрал поводья и поскакал прочь, сказав на прощание:

– Не считайте себя моим пленником, милорд. Я беру только рыцарей, которые дорожат своим мечом, потому что клялись на его рукояти в верности Господу. Свой меч вы броси-

ли, и для меня вы больше не рыцарь!

Шрусбери принял на выкуп какой-то безвестный дворянин, но Алансон решил всё же выказать почтение именитым военачальникам и откупил на себя и Талбота, и Шрусбери, и некоторых других.

– Победитель должен быть милосердным, – возвестил он громко, чтобы слышала и Жанна. – Мой король примет вас, как почётных пленников.

– Ну да, с которых он откроет счёт остальным...

Усмехнувшись тем, кто услышал его замечание, Ла Ир стянул с головы шлем и осмотрелся.

Перепаханное сражением поле было щедро засеяно английскими трупами.

– Хорошая работа, – выдохнул он.

На заляпанном кровью и пылью лице сверкнули зубы, обнаженные улыбкой.

– Это наш Азенкур, только без грязи...

Париж

(19 июня 1429 года)

Молчание в кабинете герцога Бэдфордского было тяжким и скорбным, как надгробие.

– Мы... потеряли... две тысячи солдат... Талбота... Шрусбери... И это... не считая... позора...

Слова падали в молчание, словно шлепки дождевых капель, предвещающих грозу.

– Каковы ... ИХ... потери?

Кто-то почти всхлипнул:

– Около сотни, милорд...

– Около сотни?!?!

Тяжелый кулак грохнул по рукояти кресла раскатом грома.

– А я слышал, не больше пяти!

Налитые кровью глаза Бэдфорда, сверкающие из-под густых, нависших над веками бровей, делали его похожим на раненного зверя, готового наброситься на любого, кто подойдет, несмотря на боль от раны...

– Мне!!! Надоела!!! Эта!!! Девка!!!

Герцог словно подписал приговор.

– Всякий, кто верит в её чудесную силу – глупец или предатель! Она такая же посланница Божья, как любой из вас!

И не думайте, что у французов сил прибавилось каким-то чудесным образом! Всё это вызвано фанатичной верой и пустым страхом!.. Раньше я хотел просто сжечь французскую шлюху, как ведьму, без особых разбирательств. Но теперь не то! Теперь я желаю получить её живой и невредимой, чтобы устроить процесс для всей Европы! И я это сделаю! Я уничтожу проклятых бастардов и верну своё – то, что нам дал наш великий король Гарри, и что я не имею права потерять!

Присутствующие закивали. Некоторые украдкой вытирали глаза.

– До сих пор я считал французские победы случайностью..! Досадным стечением обстоятельств! Нелепостью, которая посылается нам, чтобы мы собрались и нанесли последний удар, который завершит эту давнюю тяжбу за престол..! Я думал, что много потерял под Орлеаном, однако, надеялся многое и возместить. Но вчерашний разгром при Патэ лишил меня всего!!! Вы понимаете, ЧТО означает это поражение?! Храбрость наших солдат окончательно пала вместе с теми, кто остался на том поле! И, если есть ещё надежда спасти положение, то, будьте готовы, милорды, идти к ней через унижение ещё большее, потому что я намерен просить помощи у Филиппа Бургундского!

Герцог переждал пока успокоится поднявшееся среди лордов волнение, помолчал немного, успокаиваясь сам, трудно сглотнул и продолжил:

– Мне донесли, будто девка собирается идти на Реймс,

чтобы короновать своего б... бастарда, что, в сложившейся ситуации, для нас лучший исход. Путь на Реймс пролегает по землям Филиппа, и даже если он не сможет помешать, пускай, хотя бы, задержит французское войско, пока мы не соберём новые силы в Нормандии.

– А если французы пойдут через Париж на Нормандию? – хмуро заметил Саффолк, присутствующий на совете и подавленный более других.

– Я приму меры, чтобы этого не произошло – у меня есть средство. И другие меры, которые следует предпринять, тоже продуманы. Подати с наших земель в Нормандии и здесь будут увеличены, большая их часть пойдёт на оборонительные укрепления Парижа, остальное на усиление и вооружение войска. Я привлеку к обороне Парижа всю местную знать – пускай раскошелятся! Но на всё требуется время, время и время, которое может дать сейчас только Бургундия.

Бэдфорд обвёл лордов тяжёлым взглядом.

– Чтобы хорошо замахнуться, следует отступить, господа. Победителя, сделавшего пару шагов назад, не осудит никто. Никто! Но только если он победитель... Так что, хотим мы, или нет, нам придётся убеждать Филиппа любыми средствами, вплоть до уступок везде, где он пожелает! И со всем смирением, о котором теперь придётся вспомнить, потому что сейчас мы не победители!

Герцог встал.

Не дожидаясь, когда смысл его слов окончательно дойдёт

до слушателей, и они начнут, больше по привычке, чем руководствуясь здравым смыслом, возражать и сокрушаться, едва кивнул и быстро пошёл из зала.

Да... Да, да!!! Как ни унижительно, но другого выхода нет!

Филипп Бургундский, конечно же, не забыл обиды на достаточно высокомерный запрет от Бэдфорда взять под свою опеку Орлеан. Не забудет он и тех обвинений, которыми совсем недавно осыпала его английская сторона, обвиняя в предательстве, отводе войск и пособничестве общему врагу! Но, с другой стороны, на все обиды, есть узы родства⁴, и не только их с Филиппом, а и той части французской знати, которая присягнула английскому королю. В Париже хватает бургундских родственников. И Филипп, который всегда ревностно относился к тому, чтобы подданные были им довольны, от их мнения не отмахнётся... Что ж, он прав – не плюй в колодец... Пример отца многому его научил. К тому же, положение сюзерена обязывает принимать решения с оглядкой на ту реакцию, которую эти решения вызовут у знати его земель, и на те настроения, которым эта самая знать будет подвержена. А настроения создаются легко – главное знать, на какие пружины давить...

Ну, и ещё, кроме всего этого, есть ещё... о, Господи!.. Бэдфорд тяжело вздохнул... Есть ещё Шампань, которую Англия уступит – вынуждена уступить Филиппу – за помощь против этого ничтожного дофина. И перед такой приманкой

⁴ Герцог Бэдфордский был женат на сестре Филиппа Бургундского Анне.

мало кто устоит!

«Надо послать за Кошоном, – думал герцог, даже в мыслях, словно отдавая приказы. – Пусть проведёт переговоры, у него это должно получиться... И надо убедить Анну написать письмо брату, а потом ещё и сестре Маргарите в Турень... Кажется, муж мадам Маргариты, мессир де Ришешмон, слишком сильно желает воевать с нами... Что ж, трёхтысячное бретонское войско оказалось хорошей подпоркой чахлому дофину, и нам сумело изрядно навредить... Может, зря я не дал когда-то герцогу Артюру стать при мне главнокомандующим и вернуть себе титул графа Ричмондского⁵?.. Не пообещать ли вернуть его снова? За помощь... или за отказ в помощи – тут уж, с какой стороны посмотреть... Но стоит ли?».

Герцог остановился посреди переходной галереи возле окна, за которым небо уже сменяло полуденную яркость на густые закатные оттенки и, задумчиво глядя на угасание очередного дня, отрицательно покачал головой.

Отдать титул?

Ну, не-ет.

⁵ Титул графов Ричмондских с 1268 года давался нормандским герцогам за лояльность к английской короне. Эдуард Третий пожаловал титул герцогам Бретонским, но после смерти Жана Храброго – деда Артюра де Ришешмон – титул графа Ричмондского снова перешёл в английское владение. После захвата Монмута Нормандии его получил Джон Ланкастерский, герцог Бэдфорд, что стало ещё одной причиной разногласий между ним и Ришешмоном, потому что свои права на титул герцоги Бретонские продолжали оспаривать.

Это он сгоряча... По привычке решать всё своими силами. Однако, сейчас нужна не сила. Пришло время дипломатии родственных связей и изворотливости прелатов. Пусть пишут, пускай ездят и убеждают, пусть обещают, в разумных пределах, конечно, но французы не должны, именно сейчас, пойти на Париж и Нормандию! Их девка обещала бастарду-Шарлю коронацию? Вот пусть и держит обещание! Коронация, в конце концов, всего лишь ритуал... И мессир Артюр в своём желании воевать пусть лучше хорошенько потреплет Бургундца, если, конечно, они по-родственному между собой не договорятся...

Во всём этом только одного жаль – безумно жаль, что придётся уступить Шампань! Но дело того стоит. Филипп обидчив, однако не дурак – понимает, что от Шарля, стань тот полновесным королём, не получит ничего. В лучшем случае – право оставаться в прежних границах своих земель, чего герцогу Бургундскому, конечно же, слишком мало теперь, когда он может получить много больше от Бэдфорда! Вопрос лишь в том, во что Филипп оценит свои обиды, и хватит ли ему одной Шампани?... Хотелось бы верить, что – да...

Внезапно за спиной Бэдфорда что-то зашелестело. Вздвогнув, он обернулся и невольно отпрянул.

Несколько фрейлин, молчаливых, как призраки, поклонились ему, затем прошествовали мимо, такие же, как призраки, бесшумные. Одна несла в руках большую чашу с засаха-

ренными орехами.

«Откуда они тут?» – удивился герцог.

И тут же вспомнил: – «Изабо!»

Несколько дней назад он сам позволил бывшей французской королеве временно переехать сюда из её особняка на улице Барбетт, в котором мадам затеяла очередные перестройки. Но, за последними событиями, совершенно о госте позабыл. Что, впрочем, и не важно, потому что Изабо уже давно жила, как отшельница, и ни в чьём обществе не нуждалась. Несколько фрейлин, весьма мерзких, по мнению Бэдфорда, да огромное количество сладостей – вот и всё, что ей требовалось теперь.

Но почему-то, среди всех горьких раздумий, именно сейчас и здесь, вид этих молчаливых призраков-фрейлин вызвал в душе герцога невыразимую злобу!

«Будь проклято чрево, наплодившее бастардов, от которых столько бед!», – едва не выплюнул он в спину уходящим женщинам. – «Королева, погубившая государство!.. Если Мерлин имел в виду Изабо, ему бы следовало быть более точным. Эта королева губит всё, чем владеет и к чему прикасается!!! Может пойти и сообщить ей, что даже её порождение губит теперь и нас – её единственных и, верно уже последних, покровителей? Интересно, что она ответит?..».

Бэдфорд, впервые за последние два дня, позволил себе кривую усмешку. Но тут же снова сдвинул брови. «Нет, пожалуй, и на это она только посмеётся. Или попросту не услы-

шит. Ей давно уже безразлично, что и как гибнет, лишь бы не переводились сладости и глупые книги, которые читают ей её фрейлины...».

Герцог невольно сжал ладонью висящий на поясе кинжал и медленно пошёл в сторону, противоположную той, где растворились в сумраке прислужницы Изабо.

«Надо... надо срочно вызывать Кошона... Надо нанять строителей для оборонных укреплений... Налоги! М-мм, эта заноза – парламент... Но, ничего, сейчас не время побед – уступят... И Анна...»

Коридор, ведущий к его покоям, уже совсем наполнился мраком. Только отсветы факела из галереи позволяли угадывать фигуру стражника, стоявшего там на часах.

– Эй ты, – крикнул ему Бэдфорд, – иди, посвети мне... Да не туда! – прикрикнул он, когда стражник, сняв факел со стены, хотел идти обратно, к покоям его светлости. – Свети в этот коридор. Сегодня я намерен навестить супругу...

Орлеан

(20 июня 1429 года)

Кости подпрыгнули несколько раз и снова легли так, что выпало тринадцать. Солдат, бросивший их, оглянулся через плечо на тусклую женщину лет тридцати пяти, стоящую у него за спиной, и перекрестился.

– Ты колдунья, что ли?

Женщина ухмыльнулась.

– Бери выше, любезный – ещё зимой я была пророчицей.

– Это как?

– Да так же, примерно, как становятся святыми Девами...

Старшина лучников, сидевший по другую сторону стола, при этих словах нахмурился и встал. Следом за ним встали ещё несколько солдат.

– О чём это ты говоришь, тётка?

Женщина пьяно повела плечом и подбоченилась.

– Тётка? Много ты про меня знаешь... Когда она явилась, я в Шиноне в таких местах жила, куда тебя и не пустят. И особ видала... и ещё много чего о нашей Деве знаю...

Старшина, с откровенной угрозой во взоре, взялся за рукоять меча.

– Что же такое ты знаешь?

Женщина скосила глаза на меч, покачнулась, хотела что-

то ответить, но тут почувствовала, как сзади кто-то крепко сжал её локоть.

– Не обращайтесь внимания, – с улыбкой сказал мужчина, до сих пор тихо сидевший со своей бутылкой в некотором отдалении. – Она полоумная. Живёт при доме моего хозяина. Так-то ничего, но, как выпьет, начинает плести всякую чертовщину...

– Это кто тут полоумная?!!!

Женщина с трудом вывернулась, присматриваясь к подошедшему, но вдруг радостно ткнула его пальцем в грудь.

– О! А я тебя знаю!

– Разумеется, знаешь, – прошипел мужчина, пытаясь оттащить её от стола с лучниками.

Те, вместе со старшиной снова сели.

– Раз полоумная, чего таскается одна? – сердито заметил старшина.

– Ваша правда, – ещё шире улыбнулся мужчина. – Сейчас отведу её домой.

– Нет, я тебя точно знаю! – не унималась женщина. – Ты же этот... как там..?

– Пошли!

Почти подхватив её подмышку, незнакомец вывалился за дверь и, осмотревшись по сторонам, потащил женщину подальше, к началу узкой и тёмной улочки, в глубине которой усматривался пустующий загон для скота.

– Как же тебя? – хихикала тётка, обмякнув, словно куль. –

Погоди, погоди, я вспомню... Ты же дворянин, кажется...

– А ты – безмозглая дура! Моли Бога, за то, что привёл меня в эту таверну тебе на спасение...

– Спаситель? – Женщина попыталась обнять незнакомца за шею. – Женись на мне!.. Видение мне было... прямо вчера!

– Замолчи!

– А почему ты не веришь, а?! Ты – Виньен..? Нет, по-другому... Эньё? Нет... Как же тебя, чёрт возьми?...

– Не дёргайся, мне тяжело!..

Мужчина, наконец, достиг загона, возле которого, с явным облегчением, сбросил свою ношу. Затем распрямил спину, сморщившись, потёр ногу, определённо больную, потому что всё время хромал на неё, и, отставив в сторону бутылку, с которой так и не расстался, принялся усаживать хихикающую женщину возле ствола чахлой, обглоданной осинки.

– Что ты хочешь делать? – с пьяным кокетством спросила она, после того, как, с третьей попытки, обрела, наконец, опору.

– Поговорить хочу.

– Тю, – разочаровалась дама. – А ведь я вспомнила. Ты этот... – она пощёлкала пальцами, – конюший её светлости...

– Вспомнила, так держи при себе, – пробормотал мужчина, с трудом, из-за больной ноги, пристраиваясь рядом. – Я

тебя тоже вспомнил. Ты пророчица Катрин – одна из приживалок герцогини Анжуйской.

Женщина громко фыркнула.

– Была пророчица, да всё... пшик... не нужна стала... Дай мне лучше выпить, если ничего не хочешь...

– Выпить дам. А ты мне за это расскажи, почему стала не нужна, и что ты знаешь о Деве.

Та, которую мужчина назвал Катрин, посмотрела на него жалостно, как на слабоумного. Приложила к грязной раскрытой груди ещё более грязные руки и с пьяной искренностью произнесла:

– Не могу! Как тебя... не помню... но не могу ничего рассказывать! Веришь – нет – она сама, как ведьма, герцогиня эта! Сначала приветила, обласкала, а потом – у-уу... Я же у себя в Ла-Рошели, вроде как, ясновид... яснове... веди... ящая... была. Потом слух прошёл, что к её светлости всякие пророки идут, потому как она их, вроде, привечает сильно. Ну, и я пошла... Сказала, что вижу всякое разное, что видения у меня во снах бывают... Они бывают, ты не думай! Просто сбываются не всегда. Но тут ведь дело особое – тут, ежели повезёт, вся жизнь переменится, так ведь? Вот и рискнула, приврала малость – сказала, что всегда всё верно предрекаю... Боялась, правда, что проверку какую-нибудь устроят. Но обошлось. Её светлость только и спросила: «Говорят, Дева из пророчества скоро придёт. Видишь ли ты это?» А я и говорю – вижу, ясное дело! Отчего же не увидеть, когда та-

кие высокие особы видят, да..? А она мне – «Всем скажи»... Я и пошла всем говорить – мол Дева явится, та самая... А уж когда она явилась, и все вокруг словно с ума сошли, подходит ко мне как-то дама одна, даёт кошелёк и говорит: «Это тебе от её светлости за труды». Иди домой, дескать, ничего больше не надо... А куда иди?! Мне при дворе понравилось. Тепло, сытно, работы никакой... не то, что дома...

Женщина осмотрелась, зацепила горсть земли, просыпала себе на платье.

– Вот в таком же хлеву и жила, – пробормотала она печально, растирая грязь по давно уже не стираной ткани. – Просилась остаться – прогнали. Я её светлость как-то на выходе подкараулила – так она даже говорить со мной не стала. Не до того ей... Снова прислала девицу какую-то с грамотой в монастырь меня определить. Да передать велела, чтобы больше не докучала и помалкивала, иначе, мол, язык мне отрежут за ересь... Страшно было. Глаза-то у её светлости, хоть и не чёрные, а всё одно, как угли жгут... Я, конечно, послушалась, но в монастырь не пошла.

– Почему? Монастырь, всё же не хлев.

– А... – Катрин безвольно махнула рукой, – не люблю монашек, они скучные. И поститься я не люблю.

Она всем телом потянулась к бутылке.

– Дай. Ты обещал, если расскажу...

Мужчина поднёс горлышко к её губам, дождался, когда будет сделан глоток, и снова убрал руку.

– Дальше давай, ты ещё не всё рассказала.

Катрин обтёрла рот пятернёй, оставив на щеках и подбородке грязные разводы. Снова захихикала.

– Ты тоже, что ли, яснов-вид-дея-шций?

– Вроде того, Катрин. Расскажи всё, не бойся, и, может быть, я смогу устроить твою судьбу.

Женщина посмотрела на него почти трезво.

– А тебе это для чего? По делу какому или из любопытства?

– А тебе зачем знать? – в тон ей ответил мужчина.

– Затем, что разговор выйдет разный. Коли по делу – один, а ежели просто любопытствуешь – другой.

Мужчина немного подумал. Потом аккуратно закупорил бутылку и начал подниматься.

– Не хочешь – не говори, – прокряхтел он, сгибая больную ногу. – Я с тобой торговаться не намерен. Нравится жить, как жила – оставайся. Или возвращайся обратно в таверну. Тот старшина слушать тебя, как я, не станет.

Женщина испуганно уставилась на него

– Эй, погоди, ты куда?!

– По своим делам. Мне нужна была та, кто сможет выдать себя за пророчицу, а оказалось, что ты обычная торговка.

Он сделал шаг в сторону, но женщина перевалилась на колени и схватила его за камзол.

– Садись! Всё тебе расскажу. Только поклянись, что не обманешь! Устала я уже мыкаться. Деньги кончились, грамоту

– ту, что в монастырь – потеряла... К армии прибилась маркитанкой, тайно – Дева-то всех велела разогнать – но и оттуда сбежала... Узнала кое-что и сбежала!

Мужчина снова опустился рядом.

– Тогда говори, и безо всяких условий. Будешь полезна – помогу, а нет – не обессудь – только бутылку и оставлю.

– Буду, буду! – вцепившись ему в рукав, закивала женщина. – Я ведь почему спрашивала... тут дело такое, что, ежели просто из интереса, то лучше не знать! Но кому другому, да ещё со связями, дела открываются прибыльные! Лишь бы с умом подойти...

– Говори уже.

– Так я и говорю! Ты при герцогине служишь, все ходы-выходы знаешь, выходит, у тебя и связи... И человек ты, по всему видно, толковый – сообразишь, как чего проверить... Подлог ведь тут... Но такой, что, вроде как и не подлог, а вроде правда наполовину... Но, если правильно намекнуть...

– Ты яснее можешь сказать?! – разозлился мужчина.

Женщина вздохнула. Почмокала губами, глядя на бутылку, и вздохнула снова.

– У герцогини таких, как я много было – начала она, уже спокойней. – Кто взаправду что-то умел, кто так, по случаю, но всех она только об одном пыталась: когда Дева явится? Поначалу-то я верила, что она ничего не знает, но потом, когда Дева пришла, смотрю, а все ясновидцы-то исчезли! Уж кого

куда отправили – не знаю, всё тайно делалось – может, как меня – кого по домам, кого по монастырям, но пропали все до одного, а мне, милый человек, вдруг обидно стало.

Женщина придвинула своё лицо к лицу мужчины и зашептала, обдавая его тяжким дыханием:

– Уж не спрашивай как, а тогда словно и в самом деле видение перед глазами было о том, что ЗНАЛА её светлость! Сама всё знала заранее! И когда эта Дева явится, и какова будет! А мы понадобились, чтобы другим прочим пыль в глаза пустить, дескать, предвидели явление-то, значит, ТА Дева пришла и никакая другая...

– С этим ясно. Дальше давай.

– А что дальше? Дальше – больше... В обидах я сметливая делаюсь. Пораскинула мозгами и решила прямо к Деве пойти. А что? Ежели она герцогиней подученная, так нет ничего проще! Сказала бы ей, будто видение у меня было о том, что некая знатная герцогиня Чудо двору явит... Намекнула бы так, понимаешь?

Мужчина фыркнул и покачал головой, скрывая усмешку. Но женщина ничего не заметила, увлечённая воспоминаниями.

– Кружила, кружила вокруг. В Пуатье подалась, на процесс, думала, там получится. Но не вышло... Не подступиться было к Деве никак...

– Я знаю.

– Ну, вот. Тогда я сюда, в Орлеан переехала. Деньги, что

герцогиня дала, к тому времени растратились, и пришлось к ополчению прибиться, еду им готовить. Ох, тоска, скажу я тебе! А куда деваться? Совсем уж решила, что не видать мне иной судьбы, но тут, как-то раз, увидала, что солдаты кости бросают, и решила счастья попытать... Я ведь раньше взаправду кой-чего могла, предсказывала всякое..., по мелочи, конечно, но, бывало, сходилось по-моему. Вот и тут повезло. Уж не знаю, какой бес за меня поворожил, но подседа я к одному солдатику и, хочешь верь, хочешь не верь, какое число ни скажу, то и выпадает! Ух и рад он был – не то слово! Взял к себе. В обозе тайно пристроил, чтобы ему и другим еду готовила, да в игре помогала. Но тут только ему... Они меня тоже за пророчицу держали. Перед тем, как на Турель пошли, я двоим сказала, что ранеными им быть, но не сильно. А другому сказала, что без руки останется... Бывает у меня этакое... само собой выходит, правда сбывается не всегда. А тут сбылось... Солдат мой живым вернулся, да всё говорил: у нас, дескать, своя Дева есть... Это про меня-то!

– Дальше, дальше! Пока ничего толкового!

– Так вот сейчас толковое и будет... Я со своим солдатиком до самого Жаржо добралась. А там его и убили. И Деву тогда со стены сбросили... Уж очень наш капитан убивался! Всё слал кого-нибудь разузнать, как она, да что... А потом и мне говорит: жалко, мол, тебя – одна осталась. Пойди к Деве, предложи свои услуги. Пусть, дескать, накажут меня за то, что маркитанку тайно держал, но ей сейчас наверняка

какая-никакая женщина для услуг требуется – примочки к ране, отвары какие-нибудь... Короче, иди, говорит, я через посты проведу...

– И провёл?!

– А как же. Я-то от радости земли под ногами не чуяла – сбывалась мечта-то! А уж как себя подать, этому учить не требовалось. У герцогини при дворе я тому научилась, чего и знать не знала, и, что сказать, давно напридумывала, и вид смиренный приняла... Но перед самыми её покоями остановил меня стражник и велел подождать пока он за господином д'Олоном не пойдёт – без него, дескать, ничего нельзя. А тут, гляжу, сам герцог Алансон выходит... смущённый весь, будто паж... задумчивый, ничего вокруг не замечает... Пришлось мне от греха подальше в щёлку забиться – была там ниша за дверью – а в нише той каждой слово, что в комнате говорится, слышно... да так слышно, прям, как у нас тут с тобой... Я сперва и не поняла, думала рядом кто-то стоит. Напугалась – страсть! А потом прислушалась, да так обратно и не вышла. Господин д'Олон явился, головой повертел и подумал, что меня люди герцога прогнали. А я, ни жива, ни мертва, минуточку улучила и дёру дала! Я там, миленький мой, такое услышала, за что не то, что голову, всю шкуру снимут, и ту в огонь бросят!

– ЧТО?! Не томи!

– А вот что! Две их, Девы-то! Одна настоящая, и она переодетая пажом, а другая – та, что войско ведёт и воюет –

подложная. Она первой, вроде как дорогу расчищает. А когда дело до коронации дойдёт, там настоящая-то себя и явит. И уж так они на это надеются, таких чудес ждут немислимых, что даже сами толком не представляют каких!.. Честно скажу, не всё я из их разговора поняла, но одно уяснила – та, которая настоящая, сама про себя ничего не знает, но странная... очень. Всё про деревья какие-то говорила, про то, что уйдёт... А другая, вроде, при дворе хочет остаться. То ли она бастард чей-то, то ли думает, что бастард – этого я не поняла. Но что-то у них с герцогом Алансоном затевается...

– В каком смысле?

– В том самом, дружочек мой. Дело молодое... И та, другая, всё говорила: любовь это у вас... Я когда слушала аж испариной покрылась. Хорошо так говорили, душевно... И совестью мне, вроде, стало отчего-то... Сперва, когда сбежала, совсем уже решила уйти. И ушла. Но здесь уже, в Орлеане, помыкалась, помыкалась, да и думаю: а чего уходить-то? Подожду ещё, вдруг случай подвернётся... Это я, как про настоящую Деву узнала, гнева Божьего убоялась. Но до коронации путь долгий – глядишь, успею себе жизнь поправить... Говорят, скоро сюда весь двор прибудет, так я ещё раз у герцогини счастья попытаю. Скажу, мол, видение мне было про истинную Деву, что мальчиком она при Жанне... Как думаешь, примет она меня, если ты приведёшь?.. Эй, дружок, ты чего молчишь?! Говорю, проведёшь меня к герцогине, или всё-таки обманешь?

Катрин ткнула мужчину в бок, и он словно очнулся.

– К герцогине?.. А-а, ну да... Конечно... Только, думаю, лучше будет, если я сам тебя тут прирежу, быстро и без мучений, чтобы подручным мессира дю Шастель не трудиться, не кромсать тебя по кусочкам, выпытывая что и откуда ты знаешь, прежде чем удавить окончательно.

Женщина в страхе отпрянула.

– Ты что говоришь-то?! За что меня пытаться, ежели скажу, что видение было?!

Мужчина усмехнулся и протянул ей бутылку.

– Ох ты и дура, Катрин... Но ничего, видно Господу угодно сохранить тебе жизнь, раз он привёл меня в ту таверну. Пей своё вино и слушай внимательно. Сейчас отведу тебя на постоянный двор, где ты будешь сидеть тихо до приезда двора. За твоё содержание заплачу сам и одежду приличную справлю, но только при одном условии – слушаться меня во всём!

– Буду, буду, господин!

– погоди. Как только двор приедет, к герцогине соваться даже не вздумай! Сам доставлю тебя к одной знатной особе... Имя не спрашивай, потом узнаешь, если захотят принять. Но учти – как только ты переступишь порог его дома, у тебя останется только один выбор: или делать то, что прикажут, или... сама понимаешь...

Мужчина сделал выразительный жест, который женщину, впрочем, мало напугал. Запрокинув голову, она долго пила из бутылки, потом вытерла рот тыльной стороной грязной

ладони.

– Я всё сделаю, господин мой, можешь не сомневаться.

Катрин Ля-Рошель своё слово держать умеет.

– Значит, так тому и быть.

Мужчина отобрал почти пустую бутылку и выбросил в сторону.

– Эта была последняя, поняла?.. Теперь от тебя должно пахнуть только ладаном, потому что, кажется, видение мне только что было – делаться тебе опять ясновидящей, мадам Катрин.

Орлеан

(июнь 1429 года)

Ла Ир оказался прав. Победа при Патэ встряхнула французское общество так же сильно, как и поражение при Азенкуре. Только тогда страну словно затянуло осенним, непроглядным сумраком, а теперь всё сияло солнечным ликованием начала лета.

Армия, и без того уже напоминавшая Жанне реку в момент разлива, всё полнилась и полнилась. По всем дорогам в долине Луары тянулись к ней ручейки пеших и конных отрядов, ополченцы, как от больших городов, так и от мелких селений и отдельные воины, которые недолго оставались одинокими на этих дорогах. Со всех областей страны прибывали добровольцы, ведомые надеждой и верой. Несли в заклад всё своё имущество, чтобы иметь возможность стать под славное знамя Девы-Спасительницы и воевать, воевать, воевать, не имея, как они были уверены, никаких поражений!

Многие считали, что Дева поведёт войско в Реймс через Париж и Нормандию. Раньше такой поход показался бы безумием, но только не теперь, не после Патэ, где на одного убитого француза пришлось почти пять сотен убитых англичан! Это была победа во всём! В стремительности, в слаженности действий, в тактике и вере в свою правоту перед Бо-

гом! Войско, способное так побеждать, движется к цели, не деля пути на возможные и невозможные, а идёт так, как считает нужным. И, если что-то было сейчас французам нужнее коронации, или, по крайней мере, так же важно – так это Париж без англичан. Как столица, как город, изгнавший когда-то законного дофина и теперь принимающий его обратно, как символ государства, едва не переставшего быть Францией!

Но выбор окончательного пути, всё равно, предоставили Деве, этой, по всеобщему убеждению, исполнительнице воли Божьей, поскольку хватало и таких – в основном, среди знати от духовенства – кто был уверен: в Париж должен войти законным образом коронованный король. Только тогда во всей Европе не найдётся никого, кто мог бы, в поддержку англичан, заявить об узурпации трона бастардом.

– Слушайте своё сердце, дитя, – очень проникновенно посоветовала Жанне мадам Иоланда, когда, разрываясь между двумя мнениями, девушка рискнула поведать герцогине о том, что не знает, как лучше поступить. – Сердце никогда не обманет, поверьте.

Однако, как бы сильно ни билось сердце девушки в моменты, когда герцог Алансонский настаивал на походе на Париж и затем на Нормандию, слушать ей, в конце концов, пришлось другие голоса.

– Воля Божья, – говорили они. – Господь установил законы земной власти и осеняет благословением только тех, кто

им следует. И разве ты сама не требовала коронации сразу после освобождения Орлеана?

– Но многие мои военачальники считают...

– Многие ещё не все, а законы едины для всех.

– ... Я верю в своего командующего, – говорил и дофин. – Верю в тебя, Жанна, и в наше воинство, но всё же... всё же многие мои советники считают, что Европа с большей благосклонностью отнесётся к нашим действиям, если в столицу войдёт законный король...

Что он при этом думал сам, оставалось неясным. Шарля пугали оба пути, однако приходилось делать геройский вид на фоне всеобщего воодушевления и показывать свою готовность принять эту страну под покровительство, как и подобает истинному правителю.

– Жаль, что матушка учила меня только править, а не сражаться, – пробормотал он как-то в узком кругу своих приближённых, глядя из окна крепостной башни на растущие вокруг города шатры. – Но, чувствую, скоро придётся возглавить это войско, чтобы в Реймс ли, или в Париж, въехал король-победитель, достойный своего народа... О, Господи! Почему я так мало смыслю в стратегии?!..

Шарля тут же принялись убеждать, что далеко не каждый стратег может достойно управлять государством, и что для Франции – когда закончатся эти военные походы – важнее иметь короля, как раз умеющего править, способного подарить стране мир путём договорённостей, а не кровопро-

литных сражений. И только Ла Тремуй, всегда ратовавший, за переговоры, которому сейчас бы и вернуть своё слово, почему-то отмолчался, опустил голову и почесал нос, явно скрывая выражение своего лица.

На следующий день после приезда двора в Орлеан, сразу после торжеств по случаю приёма городскими старшинами и, не самого пышного, но очень искреннего чествования победителей, Ла Тремуй, проходя по коридорам королевской резиденции, наткнулся на группу оживлённо беседующих военачальников. Появление министра их несколько не смутило, поэтому он позволил себе подойти ближе и послушать.

– Казни в этой чёртовой Нормандии сделали своё дело – горячился Ла Ир, пользуясь отсутствием Жанны и отводя душу поминанием нечистого. – Бэдфорд не скоро соберёт там армию, и достаточно одного хорошего удара, чтобы выбить их обратно, на их чёртов остров!

– Верно! Верно! – раздались голоса.

– Непонятно только, почему дофин медлит! – продолжал Ла Ир. – Уж теперь-то чего?! Теперь ОНИ нас боятся!

– Нужно сказать ему!

– Нужно настаивать!

– Попросить Деву убедить его! Её он послушает!..

Ла Тремуй тихо улыбнулся и, дождавшись паузы в восклицаниях, ласково спросил:

– Кажется, пообщавшись с нашей Девой, вы тоже стали слышать неких святых, господин де Виньоль⁶? Уверен, без их покровительства ни вы, ни кто-то другой ни за что бы не назвали его величество дофином.

Ла Ир, не скрывая пренебрежения к этому постороннему мнению, выпятил грудь.

– По мне, как плод ни назови, лишь бы был крепок, спел и есть хотелось. А я сейчас голоден, как никогда.

Вокруг засмеялись с явным одобрением.

– Но, если вы так голодны, – поднял брови Ла Тремуй, – какая вам разница из какой миски вкушать?

– Из полной кушается лучше, господин Ла Тремуй. Удар по Парижу, а затем по Нормандии даст нам победу окончательную и бесповоротную...

– И незаконную, не так ли?

Ла Ир сердито поджал губы.

– Лично я в законности прав нашего короля не сомневаюсь, – развёл руками Ла Тремуй. – Но вы сами, минуту назад, назвали его дофином, что очень показательно. И Дева, если память мне не изменяет, ещё в Шиноне, заявила, что явилась сюда только за тем, чтобы спасти Орлеан и короновать его величество в Реймсе, разве нет? Вот пусть сначала коронуется, как обещала – в этом я вижу величайшую Божию мудрость – а уж потом... Потом, я думаю, король и сам решит кого ему кормить дальше – рыцарей или дипломатов...

⁶ Этьен де Виньоль – имя, Ла Ир – прозвище.

Министр слегка поклонился присутствующим, окидывая их внимательным взором, не удержался от откровенной усмешки и прошествовал далее, нисколько не сомневаясь, что сейчас, за его спиной, рыцари, если и не вслух, то мысленно обязательно выругаются.

– Каналья... – донёсся чей-то сдавленный голос.

– Да сколько угодно, – пробормотал Ла Тремуй себе под нос.

«Кричите, господа, ругайтесь на здоровье, – думал он, отвечая на поклоны встречающихся дворян. – Чем злее вы все станете, тем лучше. Тем достовернее будет выглядеть заговор, который я создам куда быстрее, чем мадам герцогиня создала свою Деву. Уж не знаю, кто именно и каким числом помогал ей, но у меня сейчас помощников, хоть отбавляй! Все эти графы, бароны, Ла Иры... бедняжки, даже не понимают, что уже пляшут под мою дудку с такой же готовностью, с которой идут за этой своей Жанной. Так что злитесь, злитесь, негодуйте – сегодня я сам жду от вас ненависти, чтобы завтра не испытывать особой жалости ни к кому...».

Министр вошёл в свои покои удовлетворённо улыбаясь. Паж, который дремал у входа, тут же подскочил, схватил огниво и зачиркал им над лампой на столе в кабинете.

– Ступай, – махнул ему рукой Ла Тремуй. – Отопри вход на чёрную лестницу и можешь идти спать дальше.

– Благодарю, ваша милость.

– Да позови стражника, чтобы стал у дверей. Столько

сброда понаехало – не разберёшь, где свой, где чужой...

– Да, ваша милость.

– И ларец... Ты принёс из кареты мой ларец?

– Он возле стола, сударь.

Паж услужливо вернулся в кабинет и поднял с пола дорожный сундучок с двумя ручками. Ла Тремуи кивнул и, пока молодой человек отпирал дверь чёрного хода, быстро осмотрел, все ли замки на сундуке целы.

Вечерняя заря за окном ещё не угасла, поэтому министр, рассудив, что до прихода де Вийо, ради которого паж и отпирал дверь, время ещё есть, дождался, когда останется один, и сразу занялся одним неотложным делом.

Подтянув к себе сундук, он нажал на какую-то потайную пружинку, открыл боковую дверцу и вытащил наружу содержимое, которым оказались полдюжины одинаковых, пустых мешочков и один, чуть больше, наполненный монетами. С тяжёлым вздохом Ла Тремуи отсыпал из него несколько золотых кружков, переложил их в пустой мешок, немного подумал, вытащил пару монет обратно, потом ещё подумал и вернул золото на место.

– Кто скупится в самом начале выгодного предприятия, рискует прогореть в конце, – пробормотал он себе под нос, затягивая шнурок на мешочке.

Завтра некий молодой человек по имени Филипп де Руа получит это анонимное подношение, и Ла Тремуи ни одной минуты не сомневался в том, с каким именем красавчик свя-

жет столь щедрые финансовые вливания в его тощий кошелёк.

Когда тщеславный самовлюблён и глуп, им легко управлять. Хотя, в данном случае, как посчитал министр, главной бедой стало обворожительное личико господина де Руа...

Отложив мешок в сторону, он побарабанил пальцами по столу, всё ещё размышляя о пагубном влиянии красоты, потом снял с отполированного до зеркального блеска подноса приготовленный кувшин с вином и кубки, отставил их в сторону и поднёс это, якобы зеркало, к своему лицу. Из благородных серебряных глубин на него смотрело весьма посредственное лицо уставшего от забот человека... «Благодарю тебя, Господи, за то, что я никогда не был красив, – подумалось Ла Тремую. – Разве смазливый де Руа, любуясь своим отражением, усомнится в том, что женщина, наделённая властью и ни разу не запятнавшая себя никаким адюльтером, изменит своим принципам ради него? Да никогда! Он уверен, что только так и должно быть. Тогда как человек некрасивый, но умный, первым делом, задаст себе тысячу вопросов и столько же раз осмотрится прежде чем поверить, да и то, не до конца. И, если что-то потеряет в страсти, с лихвой восполнит это, не оказавшись в глупом положении».

Ла Тремуй отложил поднос.

Его собственное безумное увлечение мадам Катрин вспоминалось теперь с горечью, но зато какие несомненные вы-

годы принесло избавление от него... Точнее, подмена страсти голым расчётом и отсутствием иллюзий. До недавнего времени супруга была очень полезна, как своими капиталами, так и редким сочетанием красоты и ума. Даже родив их первенца, она не утратила привлекательности в глазах мужчин, по-прежнему готовых ей угождать, как и сама не утратила, возникшего с годами интереса к замысловатым интригам мужа, в которых всегда была, и могла бы быть в будущем, очень полезна своими тонкими наблюдениями за кем надо, а так же намёками, кому надо, недомолвками и откровенными женскими сплетнями. Но новая беременность, так некстати, сделала её слишком раздражительной, и теперь оставалось надеяться только на капитал, которого, как полагал Ла Тремуй, должно было хватить на всё...

Он обернулся и бросил взгляд за окно. Уже стемнело, де Вийо пора бы появиться...

Как, однако, полезен он оказался! Словно крот, роющий нору, откопал целое сокровище в лице этой шарлатанки Ла Рошель, и одним махом решил несколько проблем!

С Клод, правда, вопрос так и оставался странно-мутным, потому что Ла Тремуй совершенно не верил в существование какой-то подлинной Девы и был уверен – дура Ла Рошель просто неправильно что-то поняла. Но, по крайней мере, эта вторая девица подтвердила сложившееся у де Вийо мнение о ней, как о наивной простушке. Вероятней всего, мадам герцогиня этой бесхитростной душой просто подстра-

ховалась на случай, если с Жанной что-то случится. Или, наоборот, с помощью простоватой крестьянки, выдаваемой за подлинную Деву, её светлость намеревается в нужный момент, вывести на политическую сцену безвестную дочь королевы – безусловную спасительницу страны, которую с восторгом поддержит армия – и утвердить её права, апеллируя к Божьей воле, которую и огласит эта, якобы, подлинная Его посланница, скрываемая и охраняемая, но идущая бок о бок с Жанной весь этот освободительный путь, победный исход которого она же, вероятно, и предрекла.

Ла Тремуй откинулся на спинку стула и засмеялся. Задумано фундаментально. И, если не знать о королевском происхождении Жанны заранее, пожалуй, не подкопаешься! Но он знает. О! Он много чего теперь знает! И всё складывает, словно золотые монеты в мешочек, который, подгадав нужный момент, подбросит дофину, возможно, и не анонимным подношением!

«Так что, ругайтесь больше, господа. – подумал министр, снова вспомнив презрительный взгляд Ла Ира. – Осуждайте нерешительного дофина, горячитесь из-за простоев и не повашему разумению выбранного пути. Загоняйте себя в тесный круг единомышленников, чтобы мне удобнее было связать вас словом «заговор»... Но сначала нужно хоть как-то запятнать вашу белоснежную Деву. И, кажется, я уже знаю, как...».

Тихий стук в дверь прервал размышления упивавшегося властью Ла Тремуя и вернул его к действительности, в которой герцогиня Анжуйская, со всеми своими Девами, всё ещё обладала преимуществами победителя.

– До поры, до поры, мадам... Колесо вертится...

Не вставая из-за стола, министр тихо кашлянул. Вслед за этим дверь на чёрную лестницу приоткрылась, пропуская закутанную в тёмный плащ фигуру.

– Кто вы? – спросил Ла Тремуй, пряча в свой сундучок мешок с деньгами, из которого, предварительно, достал ещё одну монету.

– Де Вийо, ваша милость.

– Женщину привели?

– Да. Она ждёт внизу.

– Пусть ждёт. Передайте ей это, – золотой кружок, зажатый бледными пальцами министра, описал дугу и опустился в протянутую ладонь конюшего, – и сюда больше не водите. Пускай пока ходит по городу и проповедует о пришествии Девы так, словно верит в него всем сердцем. Сейчас ей нужно, во что бы то ни стало, подобраться к Жанне как можно ближе и примелькаться в её окружении... Скажите, что за это я заплачу куда больше. И ещё больше она получит, когда станет проповедницей при Деве так, чтобы думали, будто говорит она от её лица. Вот тогда – ни слова из собственной головы! Будет говорить только то, что скажу я, и только тогда, когда скажу... Иначе, вместо состояния, которое я ей

дам, получит, в лучшем случае, верёвку на шею, в худшем
– костёр...

Париж

(июнь 1429 года)

Герцогиня Бэдфордская стояла на площади перед своим дворцом и внимательно слушала проповедника, сурово предрекающего близкий конец света и приход Антихриста, которого приведёт французская девка-колдунья. Сама по себе эта проповедь мадам мало интересовала, но выражения лиц слушателей, собравшихся возле монаха, занимали её чрезвычайно. Люди верили, крестились и пугались абсолютно, искренне, что было вполне понятно, поскольку красноречием Господь монаха не обделил. На какой-то короткий момент её светлость и сама почувствовала, как по спине пробежала противная морозящая дрожь страха.

И внезапно её осенило...

Накануне Бэдфорд получил письмо от герцога Бургундского, в котором тот выражал свою полнейшую готовность оказать военную помощь английской стороне, но только на определённых условиях. Эти условия вывели из себя его светлость и весь вчерашний вечер он буквально рвал и метал, едва не сломав кулаком дубовые подпорки алькова своей супруги.

– Ваш братец требует фактического регентства, ни боль-

ше, ни меньше! – орал герцог на жену, за неимением другой головы, на которую он мог бы излить свой гнев. – Шампани ему мало! Ему требуется ещё и контроль над Парижем – полный и безоговорочный! Над Парижем! Над городом, оборона которого лишила меня целого состояния! Вы читали это, мадам?!

Герцог потряс письмом перед лицом леди Анны и самым язвительным тоном, на какой только был способен, процитировал:.

– «... теперь, когда обстоятельства вынуждают Вас вернуться в Нормандию, я готов взять на себя оборону столицы...»! Он издевается, да?! Хочет меня унижить? Человек, отозвавший свои войска в самый нужный момент!.. Ослабивший нас! Положивший начало нашим поражениям!.. А если я откажу? Что он сделает? Поклонится французскому бастарду и его, якобы, сестре? Или признает это порождение коронованной шлюхи за святую деву? Думает, ему сразу всё простят и поднесут Шампань на подносе, как это делаю я?! Что вы морщитесь, мадам? Не нравится слушать про шлюх? А вашему брату, похоже, очень нравится, что все только о ней и говорят, да ещё с таким восторгом! Хочет, видно, получить укреплённый, как крепость Париж и утереть всем нам нос тем, что выдержит осаду французской девки, до сих пор не знающей поражений?! Дескать, он – спаситель, а я просрал всё, что мог!..

Леди Анна встала. Не говоря ни слова, налила в кубок ви-

на и поднесла мужу.

– Выпейте, милорд, – сказала ледяным тоном, который, как она знала, супруга отрезвлял лучше всего.

Кто-то однажды ей сказал, что таким же тоном умирал когда-то братьев король Гарри. Сама леди Анна этого знать не могла, но в действительности метода убеждалась не раз, справедливо полагая, что у людей суровых, наделённых властью, смиренная покорность вызывает только раздражение, тогда как противодействие, в любой форме, ставит в их тупик и приводит в чувство.

Так вышло и на этот раз. Красный от гнева Бэдфорд буквально опрокинул в себя поданное вино, но кубок, по обыкновению, на пол не швырнул, а только с грохотом поставил на стол, на который тут же и облокотился тяжело сопя и явно успокаиваясь.

– А теперь присядьте и послушайте. – Голос леди Анны потеплел. – Филипп требует многого, но разве вы, мой дорогой, не потребовали того же, окажись на его месте в подобных обстоятельствах? Удел любого правителя извлекать выгоду из ситуации даже самой безнадёжной. И ваша выгода сейчас в том, чтобы выполнить условия Филиппа и оставить на него Париж – пускай защищает. В качестве фактического регента он не уступит ни пяди. В любом другом случае мой брат поищет выгоду где-нибудь ещё и, да, если нужно, признает и бастарда законным наследником, и девуку посланницей Божьей. Ему любой союз сгодится, но вы в этом случае

ничего выгодного для себя уже не получите. А в Нормандию отступить всё равно придётся, и на кого тогда оставлять Париж – неизвестно!

Бэдфорд окинул жену недобрым взглядом.

– Надеюсь, вы не хотите сказать, мадам, что только Бургундия способна дать хороших защитников?

– Нет. Но вам нужно время, чтобы собраться с силами, и только Бургундия может вам его дать, заставив французов идти на Реймс через Шампань, где они увязнут, осаждая город за городом.

– Я и сам это знаю! – огрызнулся герцог.

– Конечно, знаете. – Леди Анна улыбнулась. – Поэтому и выговорились здесь, в моей спальне, чтобы на совете предстать правителем мудрым и дальновидным.

Она обошла мужа и, обняв его сзади за плечи, шепнула в ухо:

– Филипп вам не чужой, Джон. Вам следует объединиться и вместе придумать что-то против этой девки, которая заставляет французов считать себя благословлёнными Божьей десницей.

– Что тут придумаешь? – смягчился от супружеской ласки Бэдфорд. – Её охраняют, как королеву... Даже лучше, чем этого выскочку дофина...

– Так может следует дать ей как-то знать о своём происхождении? Моя сестра, мадам де Ришемон, писала как-то, что вся сила этой девицы держится на её убеждении в соб-

ственной избранности. Полагаю, именно от правды её и бегут более всего.

Бэдфорд отрицательно покачал головой.

– Я уже думал над этим, но никакой разумной выгоды не нашёл. Что если эта девка решит воспользоваться своим происхождением? Сейчас в её руках вся армия и чернь, которая её боготворит. А духовенство и знать – хо-хо! Первые уступят военной силе, а вторые... О, эти возражать особенно не станут. Двор давно не в восторге от своего дофина, за которого, то и дело, приходится краснеть со времени убийства вашего отца. До сих пор они сражались за него за неимением лучшего. Но, объяви девица, что она королевской крови, её запросто коронуют, и не станут особенно задумываться над тем, где она была до сих пор и почему объявилась именно теперь, в двух шагах от короны? Им вполне хватит её освободительной миссии и прямого общения с Господом...

– Тогда, почему бы не сообщить дофину?

– По тем же причинам – ни армии, ни авторитета. Сейчас он нам ничем не поможет.

– Значит, следует обернуть избранность этой девицы против неё же самой и против тех, кто создает ей такой авторитет.

– Как?

– Об этом и следует подумать сообща... Всё рашаемо, мой друг, когда гнев не затмевает разум.

И вот теперь, глядя на кликушу-монаха, а более всего, наблюдая за слушающими его, леди Анна почувствовала, как в голове у нее вызревает идея – немного громоздкая, сложная, но вполне выполнимая. А самое главное – эффективная!

Не снимая уличной накидки, герцогиня прошла прямо на половину мужа, и сочла за добрый знак то, что застала его в одиночестве.

– Друг мой, – начала она прямо с порога, – я всё придумала!

– О чём вы, миледи?

– О том, как поступить с французской колдуньей.

Леди Анна присела на низкий стул и выдержала паузу, дожидаясь, когда с лица супруга сойдёт скептически-недоверчивое выражение

– Вы полагаете, что это возможно?

– Конечно. Надо только довести до полного абсурда то, что сейчас кажется просто «невероятным». У самых наших ворот некий преподобный Ричард пророчит конец света так, словно сам Господь нашептал ему в ухо. И видели бы вы, КАК его слушают! Даже мне на мгновение сделалось не по себе... Такой талант необходимо использовать. Что если вам повелеть изгнать монаха из города под тем предлогом, что он сеет панику, – разумеется, объяснив предварительно, что делается это ради благого дела – и сослать его в Шампань, в один из крупных городов, скажем, в Труа. Пусть проповедует там и на все лады выставляет себя ярым противни-

ком этой ведьмы. А когда Труа будет взят, якобы, уверует в неё с первого взгляда, подобно апостолу Павлу...

Бэдфорд резко встал.

– Это вы сеете панику, Анна! Что значит, «когда Труа будет взят»?! Вы хоть понимаете что будет означать для нас падение этого города?

– Я смотрю на вещи здраво, мой друг. Предположим, проповеди отца Ричарда о пришествии Антихриста следом за Девой-самозванкой могут так напугать жителей, что Труа не будет взят никогда. Или взят после долгой, изнурительной осады, которая подарит вам время на сбор армии. Уже одно это будет хорошо. Но, повторяю, если город откроет ворота, что вполне может случиться, наш монах станет фигурой очень заметной, получит возможность проповедовать, следуя за армией, и заговорит, к примеру, о том, что чудесная Дева, хоть и крестьянка – на это он должен особенно напирать! – но уже является помазанницей Божьей, раз получила такую власть над людьми. И, если Господь повелел ей взять в руки корону, то, возможно, он хочет, чтобы она её и носила. И дело всех истинных христиан исполнить волю Всевышнего...

– Монаху быстро заткнут рот.

– Только если будет глуп. Одно и то же можно сказать по-разному, а смысл, который отложится в головах, будет один.

– И, что это даст?

– Клевету, – улыбнулась леди Анна, – Оружие, против ко-

того нет доспехов. Как только просто «невероятное» станет невероятным абсолютно, как только заговорят о КРЕСТЬЯНКЕ, как о помазаннице Божьей, мы получим право начать процесс о явном колдовстве, потому что ничем другим ТАКОГО не объяснить! Можем воззвать ко всем монархам Европы с требованием вмешаться в это вопиющее нарушение всех законов престолонаследования. Можем обвинить сторонников дофина, не только в неподчинении законному королю, но и в потакании ереси...

Герцог нерешительно покачал головой.

– Не получится. Иоланда Анжуйская тут же предъявит её, как дочь королевы. Пусть незаконную, но всё же особу королевской крови...

– Пускай! Но тогда это будет выглядеть, всего лишь, как ответный ход – действие вынужденное, и изрядно подпорченное нашими обвинениями! Герцогиня окажется крайне беспомощной, когда её спросят, почему о существовании бастарда не заявили раньше. Наверняка обратятся к королеве. А королева... Она в вашей власти, Джон, и за сохранение своего спокойствия скажет то, что будет угодно вам. К тому же... – голос леди Анны стал совсем вкрадчивым, – даже если что-то пойдёт не так, если не получится... наш монах будет достаточно близко к этой Деве, чтобы просто убить её...

Шампань

(июнь – июль 1429 года)

27 июня из Жьена выехала огромная французская армия и двинулась в направлении Оссера.

К неудовольствию Ла Тремуя, военачальники, ратовавшие за немедленный поход на Париж, своей досады не высказывали. Услышав от Девы, что следует прежде всего короновать дофина, они послушно заняли место во главе воинства и теперь смотрели вперёд весело и дерзко, всем своим видом соглашаясь с де Ре, который, закидывая ногу в стремя, с усмешкой произнёс:

– Ничего, это будет быстрый поход – Бургундцу никто здесь особенно не рад⁷. Бэдфорд даже не успеет собрать войска. Ла Тремую тоже пришлось надеть доспехи, потому что Шарль вознамерился, на этот раз, сам принять участие в походе. В день выхода войска из Жьена, дофину нездоровилось, поэтому город покинули только рыцари из его окружения, и, в частности, Шарло Анжуйский, в свите которого красовался в новеньких, роскошных доспехах, ослепительно красивый господин де Руа. Но уже 29-го числа, около Мезилье, немногочисленный королевский кортеж присоединился

⁷ Города, захваченные Жанной во время Луарского похода, контролировались, в основном, бургундскими войсками.

к армии, наконец, воодушевляя её видом короля, идущего за своей короной во главе победоносного войска.

Возле Осера задерживаться не стали, несмотря на то, что город отказался открыть ворота.

– Мы не будем терять здесь время, – решил Алансон. – Местный гарнизон не из тех, которые опасно оставлять в тылу. Лучше заранее отправим герольдов с предложением о сдаче к Сен-Флорентель, чтобы и там не задержаться.

– Ты так уверен, что Сен-Флорентель откроет ворота? – спросил дофин.

– Если отправить с герольдом, скажем, Ла Ира с небольшим отрядом, то почему бы и нет?

Оба рассмеялись, но уже на следующий день, вполне серьёзно принимали делегацию старейшин города с ключами от главных ворот, и без того, распахнутых настежь. Присутствия Ла Ира с отрядом не потребовалось. Горожане, узнав о приближении Девы, сами повязали бургундский гарнизон, и с готовностью сдали город правителю, по их мнению, более законному.

То же самое случилось через день возле Сен-Фаль, не говоря уже о мелких поселениях и деревеньках, которые проезжали, почти не замечая этого, и прошла всего неделя после начала похода, когда вечером 4 июля войско встало перед воротами Труа.

– Отправьте герольдов, как обычно, – распорядился Алансон. – Пусть передадут, что никаких условий сдачи мы не

примем. Город должен капитулировать безоговорочно, во искупление совершенного здесь греха.

Он сказал это открыто, без обычного смущения, которое неизбежно возникало у всех, кто упоминал о Труа в присутствии Шарля. Здесь был подписан позорный для дофина договор, лишаящий его прав, не только на корону, но и на отца, и всякий понимал – взятие Труа станет не просто ещё одной победой, и даже не актом возмездия, а проявлением высшей справедливости, которая вершится с того дня, в который Господь привёл к воротам Шинона Деву-Спасительницу.

Однако ответ, посланный через герольдов, был скор и категоричен. Местный епископат, и вся городская знать не желали открывать ворота «бунтовщикам против законной власти, коих ведет прислужница нечистого». Этот ответ в шатре командующего выслушали молча. И, даже когда герольды ушли, молчание никто не решался нарушить. Хмурый дофин сидел набычившись в дальнем углу, вполоборота ко всем и на него старались не смотреть, только переглядывались между собой, опасливо, искоса, словно не хотели открытыми взглядами выдать мысли, кружившие в головах.

Наконец, не выдержал Алансон.

– Они, видно, ждут, что мы встанем в осаду и увязнем в ней до холодов, – процедил он сквозь зубы.

– Так, давайте обойдем город, как обошли Осер, – предложил Бурбон.

– Труа не Осер...

– Чёрта с два я обойду эти подлые стены! – воскликнул Ла Ир.

– Так взорви их, – усмехнулся де Ре. – С ходу взять всё равно не получится.

– Взорву, если понадобится!

– Возможно, они сдадут город на каких-то условиях, – осторожно вставил Ла Тремуй. – Мы могли бы договориться к обоюдному согласию о том, скажем, что их требования – естественно, приемлемые – будут выполнены тайно, тогда как сама сдача будет обставлена, как безоговорочная капитуляция...

– Капитуляция и так должна быть безоговорочной!

Все, наконец, повернулись к дофину, который, всё так же, набычившись, сидел в углу, только теперь смотрел на своих командиров упрямо и зло.

– Я не желаю увязать в осаде, и не желаю идти ни на какие уступки! Мы или возьмём город, или обойдём его, но потом вернёмся, и, клянусь, я камня на камне тут не оставлю!

– Мы не можем оставлять Труа за спиной, сир, – покачал головой Алансон.

– Тогда, штурмуйте его!

– Атака захлебнётся – здесь хорошие укрепления.

– Значит, отправьте к ним герольдов снова, и пусть хорошенько объяснят ВСЕМ жителям, чем впоследствии обернётся для Труа их упрямство! Может, чернь окажется умнее

господ, а мне наплевать кто именно откроет ворота!

В шатре снова повисло молчание. Все прекрасно понимает, угрозы ни к чему не приведут. Этот город откроет ворота или добровольно, или вследствие долгой осады, которая, рано или поздно, дух горожан обязательно сломит, но так же изматывает и осаждающую армию.

– А где Жанна? – прокашлявшись, внезапно задал вопрос Бастард Дюнуа – вопрос, который вертелся у него на языке с самого начала Королевского Совета. – Почему бы нам не узнать и её мнение? Помнится, под Орлеаном она... – Дюнуа неопределённо повертел в воздухе пальцами. – Трения, конечно, были, но я бы не сказал, что в военном деле она ничего не понимает.

– Когда дойдёт до дела, тогда и позовём, – насупился дофин. Его тон не допускал сомнений в том, кто именно в этот раз не пустил Жанну на Совет. – А пока я очень надеюсь, что мои военачальники в состоянии решить проблему без помощи крестьянской девушки.

– Но, может быть, её голоса... – начал было кто-то из непосвящённых, и осёкся.

Тяжелый взгляд дофина был непреклонен.

– Мы не станем беспокоить святых ради горстки упрямых горожан, – проговорил Шарль раздельно. – Если вы, господа, ничего без неё не можете, то я, по крайней мере, в состоянии принять решение сам!

Алансон и Дюнуа переглянулись, и герцог сделал Бастарду

едва заметный знак больше на эту тему не заикаться. Однако, кислые лица большинства участников Совета как раз о том и говорили, что они бы от помощи святых не отказались.

Преппирательства и дебаты о том, как поступить с Труа, продолжались несколько дней.

И, как водится, чем дольше они тянулись, тем яснее всем становилось, что к единому мнению уже не прийти. Да и сам дофин, столь непреклонный на первом Совете, впадал то в одну крайность, то в другую. С одной стороны его распирало желание доказать, что и без участия Девы войска вдохновятся одним только присутствием своего короля, но, с другой, мучила необходимость принять какое-то одно, твёрдое решение, опираясь на разумные доводы военачальников. Но доводы, как сторонников осады, так и тех, кто стремился идти дальше, казались попеременно, то убедительными, то совершенно необоснованными.

Наконец, на исходе четвёртого дня, ничуть не смущаясь тем, что её не позвали, на очередной Королевский Совет пришла Жанна.

Все эти дни она занималась тем, что внимательно осматривала городские стены, подбираясь к ним настолько близко, насколько могла, расспрашивала знакомых ей капитанов о том, что кому известно про оборонные укрепления Труа и, сосредоточенно хмурая лоб, что-то прикидывала в уме, рисуя найденной палочкой по утоптанной возле шатра земле. С Клод своими размышлениями она не делилась. Только од-

нажды, как раз перед тем, как идти на Совет, спросила:

– Как ты думаешь, мы возьмём Труа?

– Нет, – ответила Клод. – Город сам откроет ворота.

– Ты это чувствуешь?

– Я очень этого хочу.

– Я тоже. Но ждать дольше нельзя, не так ли?

– Не знаю, Жанна. В военном деле я ничего не смыслю, хотя, на душе у меня спокойно, значит, здесь ничья кровь не прольётся.

– Мне тоже спокойно, Клод. Сегодня утром, глядя на стены Труа, я вдруг почувствовала, как всё это пространство, которое занимает наше войско, словно напряглось, налилось силой, и отчётливо поняла, что завоевать город можно! Я знаю, как надо подготовить штурм, чтобы он стал удачным. И так же знаю, что нужно сказать жителям Труа, чтобы в штурме не было нужды. Но, так или иначе, эти ворота перед своим войском я открою! Лишь бы дофин не отказался поручить мне это...

Дофин не отказался. Когда, появившись на Совете, Жанна принялась пылко его убеждать, никто из присутствующих не смог определить, наигранным, или абсолютно искренним было выражение благоговейного трепета на его лице.

– Возможно, теперь он готов побеспокоить святых, – шепнул де Ре стоящему рядом Бурбону. – Теперь это не ради кучки упрямых горожан, а ради сохранения собственного его

достоинства.

Бурбон еле скрыл ухмылку, но слышавший слова барона Бастард недовольно нахмурился. Происходящее чем-то глубоко его оскорбляло. И покрасневший Алансон, опустив глаза за себе под ноги, только подтверждал своим видом то, что перемена, совсем недавно непреклонной, позиции дофина, здесь, на Совете, хоть и перед глазами лишь очень узкого круга приближённых, мало соответствовала величию этого похода за короной. «Жалкий правитель...», – крамольно подумал Бастард, пытаясь скрыть презрение, с которым наблюдал, как напыщенно благословлял на штурм «крестьянскую девушку» этот, без пяти минут, король. И выдохнул с облегчением, когда всем разрешено было удалиться.

– Вас не удручает необходимость снова отдавать славу нашей Деве? – громко спросил Ла Тремуи, оказавшись за порогом королевского шатра.

Бастард посмотрел министру в глаза.

– Я уже сейчас считаю, что эта девушка достойна славы, куда бОльшей, нежели та, что ей выделяют. Но, если завтра Труа будет взят, я первым признаю, что лучшего полководца среди нас нет.

Ла Тремуи, надеваяющий в этот момент перчатку, изобразил лицом смесь удивления и понимания.

– Если?.. Так вы не уверены, что она победит, как обещает?

– Я верю в неё.

– Тогда, в случае успеха, не правильной ли будет признать, что лучшим оказался, всё-таки, король, сумевший выбрать среди множества претендентов в полководцы того, кто успешней всего завершит это дело?

– Здесь не дела, сударь, а война...

– И Дева, выполняющая Божью волю, не так ли?

Квадратная челюсть Дюнуа, мало искушённого в придворной казуистике, выпятилась вперёд ещё больше.

– Что вы этим хотите сказать, сударь?

– В городе солидный епископат, и среди знатных семейств мне известны некоторые, весьма благочестивые... По здравом размышлении невольно начинаешь недоумевать, почему ворота таких городов не раскрываются перед Господней посланницей сами собой, и почему у нас всё ещё война?

– До сих пор ворота раскрывались!

– О, нет! Думаю, старейшины городов, которые мы прошли, просто понимали, что не в состоянии противостоять столь мощной армии. Но, вот перед нами хорошо укреплённый Труа, и картина совсем другая...

– Ваши слова похожи на измену, сударь!

Ла Тремуй напустил на лицо глубокую скорбь.

– Боюсь, куда большая измена возлагать все надежды на эту девушку – слишком умелую для крестьянки – и давать повод нашим врагам говорить о колдовстве, помутившем разум целого войска. Жители Труа просто пытаются соблюдать законы, предписанные позорным договором, который был

заключён за этими стенами. И, если город завтра падёт, они в нашу Деву не уверуют и верноподданными его величества короля Шарля, в одночасье, не станут. Особенно, если военачальники, вроде вас, начнут всех убеждать, что победу принесла Дева, которую жители города почитают ведьмой. Вот, кабы прославлять её поменьше, да побольше вести разговоры о высшей справедливости, о военных успехах, сопутствующих нашему королю только потому, что войну он ведёт за права ЗАКОННЫЕ... Тогда, глядишь, и нам с вами не пришлось бы произносить слово «измена».

Ла Тремуй натянул вторую перчатку и кивнул Бастарду, с удовлетворением отметив про себя, что край полога королевского шатра, слегка приподнятый во всё время разговора, тихо опустился.

Главное было достигнуто – дофин его услышал.

А ещё... О, да, он не ошибся! Ещё его слышала эта девочка Клод, которая возилась неподалёку с доспехами Жанны! И выражение её глаз Ла Тремуй тоже порадовало.

* * *

Всю ночь Жанна руководила осадными работами, размечая начало штурма, едва ли не по минутам. Прямо напротив городских рвов она велела разбить палатки, демонстрируя, как количество подошедшего войска, так и его непреклонную решимость взять Труа любой ценой, а так же приказала

соорудить насыпь для артиллерии, чем весьма удивила прочих командиров⁸.

– Так ядра будут лучше долетать, – сказала она, отряхивая руки, и так буднично, как любая другая девушка сказала бы о том, что тесто с добавленной в него сметаной будет сытнее.

Безо всякой суеты девушка ходила от отряда к отряду, почти спокойная в своей уверенности, в том, что город недолго будет сопротивляться. Этой уверенностью она так заразила остальных, что к утру, почти не спавшее войско, словно оцепенилось готовностью завоёвывать. Флаги были подняты, герольды протрубили в трубы, а затем... Затем произошло то, чего не ожидал никто, кроме, может быть, самой Жанны.

Ворота города раскрылись, выпуская целую процессию, во главе которой шёл трясущийся от страха епископ Труаский.

– Передаём себя в руки короля, – сказал он, с поклоном протягивая ключи от города, – и ждём, что Дева, в ответ, отведёт от нас гнев и огонь небесный...

⁸ Наполеон, изучив Луарский поход, сказал, что Жанна, как стратег, была гениальна.

Труа

(10 июля 1429 года)

– Смотри, смотри, идёт отец Ричард! Сейчас он окропит её святой водой и у французской девки вместо ног появятся копыта и отрастёт хвост!

Двое мальчишек шести и девяти лет почти по пояс высу- нувшись из окна дома причетника при соборе, в котором оба числились служками, круглыми от интереса и страха глазами смотрели на въезжающий в Труа французский отряд, во главе которого ехала Жанна.

– Я не хочу видеть нечистого, – захныкал младший.

– Не бойся. Отец Ричард его прогонит. Говорил же он, что только сила Господняя может победить эту ведьму. Сейчас все станут молиться, и она уйдет, как ушла из-под Осера...

Монах, на которого возлагались такие надежды, как раз появился на площади перед собором с дароносицей и свя- той водой. Изгнанный из Парижа за речи, родящие панику, он появился в Труа незадолго до прихода французского во- инства и быстро стал знаменит своими проповедями о ско- ром конце света. Главнейшим признаком этого конца был, по его словам, приход колдуньи к зловердному дофину, не желающему мира стране, которую он упорно называет своей,

несмотря на то, что есть законный король Генрих Шестой, от чьего имени правит пока, такой же законный регент – герцог Бэдфордский. Но, как только законная власть будет свергнута, и ведьма возведёт на трон Франции узурпатора, наступит время Антихриста, и свету придёт конец!

Всю последнюю неделю отец Ричард пугал жителей колдовством, уверяя, что французская девка насылает порчу на города, и они безропотно открывают перед ней ворота. Труа, дескать, грозит та же участь, поэтому надо молиться и молиться... Хотя, даже если удастся избежать колдовства и удержаться от добровольной сдачи, ведьма может призвать дьявольский огонь, который полетит в стены из её пушек...

Речи эти слушателей крайне озадачивали – с одной стороны, вроде бы, призывали горожан к сопротивлению, но, с другой, ото всех этих проповедей делалось настолько не по себе, что хотелось немедленно открыть ворота и впустить кого угодно, лишь бы не было хуже...

Страх пополз по городским улицам. Молчаливые жители бродили вдоль городских стен, подобно призракам, с надеждой поглядывая на солдат гарнизона. Те же, в свою очередь, напуганные не меньше обывателей, как слухами, так и тем, что видели сами через бойницы, смотрели с такой же надеждой на улицу, что вела к центральной площади. Ведь если городские старшины примут решение сдать город, именно по этой улице пойдёт процессия с ключами...

Колдовства боялись все.

И, как раз в день накануне сдачи, странная волна безысходной тоски накрыла жителей Труа с головой. Не сговариваясь, все они сошлись возле собора, где, во время молитвы, на епископа Труасского снизошло вдруг озарение и благословение Господнее на то, чтобы открыть ворота.

– Вы же понимаете, что в любом другом случае ОН от этих стен камня на камне не оставит, – шепнул потом усталый епископ серому от страха командиру гарнизона, имея в виду дофина. – Сдадимся, лучше, ему на милость. Я слышал, эта... скажем так, Дева мародёрства и резни не допускает... Вдруг обойдётся. Но вы, сударь мой, о своих людях всё-таки позаботьтесь...

Несчастный командир тяжело сглотнул.

Полночи он провёл на городской стене, наблюдая за приготовлениями французского войска, опытным глазом оценил серьёзность намерений и, поразмыслив немного, собрал свой гарнизон в оружейной, подальше от любопытных глаз, где предложил всем, у кого есть семьи и какие-то обязательства перед жизнью, переодеться в гражданское, чтобы завтра затеряться в толпе.

– Сам я давал клятву своему герцогу и не могу её нарушить. Но вас не попрекну. Эта девка, похоже, на самом деле ведьма...

– Вчера отец Ричард говорил, что скоро всеми будет править Антихрист, – снова прохныкал младший из мальчишек,

свисающих из окна. – Матушка целый день плакала... Я боюсь...

– Не бойся. Смотри!

Площадь перед собором давно заполнилась молчаливыми горожанами. Жанна, на которую взирали с затаённым ужасом, даже не пыталась им улыбаться, чувствуя напряжение, ползущее перед ней, словно свинцовая туча. Она не сразу заметила монаха, стоявшего на паперти и кропящего вокруг святой водой с исступлением фанатика, но, когда заметила, остановила коня и отряд, со странным выражением на лице следя за тем, как истово начал монах крестить воздух перед собой и бормотать молитвы. Его закатившиеся глаза казались слепыми, что только усиливало впечатление, будто на паперти священнодействует некий пророк.

Жанна спешила.

В тот же миг глаза монаха ожили. Глядя на девушку с библейской суровостью, он громогласно возвестил:

– Перед ликом церкви ответствуй, ангел ли ты или демон, посланный нам на погибель? И, коли демон, изыди, убоявшись крестного знамения!

Жанна засмеялась.

– Подойдите ко мне, святой отец. Подойдите, не бойтесь, я не улечу, как ангел... И если верите в силу святой воды, окропите меня, благословляя...

С этими словами она сама медленно перекрестилась и развела руки в стороны. Лицо её стало серьёзно.

Монах пошатнулся. Неуверенно, как по шаткому мосту, сделал несколько шагов и вдруг повалился на колени.

– Свет! – кричал он на всю площадь. – Смотрите все – свет осеняет её чело! Это ангел! Хвала Всевышнему! Он послал нам нового Спасителя!

Жанна недоуменно осмотрелась. Монах был очень убедителен, но ей всё равно показалось, что собравшиеся на площади люди будут только смеяться. Однако, не смеялся никто. Напротив, жители Труа словно просветлели лицами и с благоговейной надеждой взирали на то, как священник распростёрся в пыли перед девушкой. Стой она ближе, наверняка, принялся бы целовать ей ноги.

– Святая! – кричал он, между тем, с ликованием даже более пылким, чем было то отчаяние, с которым отец Ричард, ещё вчера, предрекал конец света. – Покайтесь, люди, как каюсь теперь я! Не с ней, а против неё плетёт свои козни нечистый враг рода человеческого! Это он мутит наш разум, отвращая от ангела, но Святая Дева принесла мир и избавление от лукавого! На колени! На колени все! Кайтесь!..

Толпа на площади пришла в движение. Измученные страхом люди живо отреагировали на слова «мир», «спасение» и пали на колени, радуясь, что не будет резни, обещаемой всю последнюю неделю.

– А конец света? – спросил младший из служек, так и замерших в окне, из которого они следили за происходящим.

Старший очнулся, вполз в комнату, сел на пол.

– Конец света? – переспросил он, когда младший опустился рядом. – Не знаю... Я ничего не понял, но, вроде, не будет...

Предместья Руана

(июль 1429 года)

14 июня французскому воинству открыл свои ворота Шалон, где Жанну ожидал сюрприз – встреча с дядюшкой Лассаром и несколькими земляками, которые, как они сказали, прибыли проведать свою Деву по просьбе её родителей.

Узнав об этом, Клод испугалась, что кто-нибудь раскроет их подмену. Но, видимо, дядюшка всех предупредил. И, глядя, как ослабевают натянутые в первый момент, улыбки, она и сама быстро успокоилась, радуясь встрече и застенчивым, ничуть не удивлённым взглядам, которые бросали на неё, приветствуя Жанну.

И хорошо! Клод с затаённой гордостью подумала, что люди, которых она знала и любила с детства, проявили то самое благоразумие, которое свойственно людям, живущим бесхитростной простой жизнью без особенных запросов. Какая им, в конце концов, разница, кто принёс мир в их места?

Жанна тоже была рада повидать земляков. Расспрашивала обо всём и обо всех, задавала вопросы, и очень трогательно интересовалась в первую очередь теми, с кем дружила именно Клод. Даже дядюшка Лассар это заметил. Да и остальные тоже, потому что все они очень скоро оживились и стали чрезвычайно подробно рассказывать сами, то и дело

косясь в сторону д'Олона, за спиной которого Клод и стояла.

На прощание кто-то простодушно спросил, как это Жанна, такая робкая до сих пор, ходит в сражения и ничего не боится, и в ответ, после короткого молчания, внезапно прозвучало:

– Я боюсь только измены...

Вот как! Измены...

Никто, кроме Клод не придавал этому особенного значения. Да и сама Жанна, словно тут же забыла о сказанном. Но то, как она это произнесла заставляло думать, что слова эти пришли на ум не просто так.

С того дня и появилось у Клод неприятное, тревожное, то ли уже чувство, то ли пока предчувствие.

Что-то вокруг Жанны неувлимо менялось. Что-то наползало чёрной тучей, неясным страхом, и превращало предвкушение скорой и счастливой развязки в ожидание неминуемой беды...

Сначала Клод просто испытала волнение, причин которому, кроме странных слов Жанны, вроде бы не было, и решила, что виной всему неожиданная встреча с земляками, разбередившая душу. Но вот прошло два дня, а волнение не унималось и дёргало изнутри в самые беспечные минуты, словно говоря: «Эй, не расслабляйся! Всё не так уж и хорошо...».

Поддаваться этому страху не хотелось. Отгоняя его прочь, девушка даже попыталась убедить себя, что расстроил её

пасмурный день, сменивший долгую череду дней солнечных. Но, когда тучи рассеялись, когда снова засияло солнце, а волнение ничуть не прошло, она, не то чтобы сдалась, но стала искать его причину среди прошедших событий.

Вот и сегодня, во время привала, когда Жанна удалилась в шатёр, поставленный для дофина, обедать со всеми военачальниками, а Жан д'Олон ушёл с Раймоном проверить подковы у коней, Клод, оставшись в одиночестве, поднялась на высокий холм, у подножия которого они разбили лагерь, и легла в траву, в надежде отвлечь себя видом бегущих облаков, потому что беспокойство ей уже попросту мешало.

Всё было слишком хорошо... Так хорошо, как никогда ещё не было. Армия двигалась стремительно. За три дня, что прошли со дня сдачи Труа, дофину присягнули и Бюсси-Летре, и Шалон-сюр-Марн, открывший не только свои ворота, но и прямую дорогу на Реймс. Этот бескровный поход словно преобразил страну, во всяком случае, в той её части, которую уже прошли. Войско, не потерявшее ни одного солдата, всё наполнилось и наполнилось добровольцами. Им не только открывали ворота сразу – их ждали, как освободителей, самостоятельно разоружая англо-бургундские гарнизоны и радостно приветствуя... Приветствуя, конечно же, дофина – вчера, в Шалон-сюр-Марн, ему восторженно кричали: «Да здравствует Шарль Седьмой король Франции!»... Но, в то же время, – и это видели все – в большей степени приветствовали Жанну.

Клод медленно закрыла глаза.

Может быть, в этом всё и дело? Может, причина её беспокойства в том, как раз, и кроется, что улыбка Жанны, радующей очередной бескровной сдаче города, становится всё беспечнее, а улыбка дофина, принимающего ключи от городских старшин, всё более натянута? Жанна не чувствует своей славы, тогда как дофин... Господи, неужели он завидует?!

Клод села. Перед глазами встало лицо неприятного министра Ла Тремуя, который всегда смотрит на Жанну так, словно испачкался и хочет вымыть руки. Под Труа она случайно услышала его слова о том, что города сдаются из страха перед мощной армией, благодаря слухам о колдовстве, и все те, кто восхваляет Жанну, только вредят делу дофина.

И слово «измена» тогда тоже всплыло...

И было видно, как он злобен, этот министр! Неизвестно, что наедине слышит от него дофин, который до сих пор, даже тут, в двух шагах от Реймса, дрожит и бледнеет, как будто тоже испытывает беспокойство.

А ещё монах из Труа! И та женщина, что прибилась к войску в самом начале похода!.. Везде, где только можно, они на разные лады кричат, что Дева святая. И недавно, прислушавшись к их словам внимательнее, Клод себя еле сдержала – такое впечатление, что они сговорились погубить Жанну глупыми восхвалениями, не имеющими ничего общего с действительностью! Женщина говорила о каких-то видениях, о том, что некая белая леди приходит к ней, одетая в

золотые одежды, и велит, дескать, всякому, кто имеет золото, серебро, или какое-то скрытое сокровище, немедленно принести всё это Деве, которая сокровищами заплатит своим солдатам. И, что каждый, кто скроет что-нибудь, будет выявлен и предан жестокому суду и поруганию, потому что Дева всё знает, всё видит, и способна найти любое сокровище, которое хотят от неё утаить!

А монах договорился до того, что Жанна – это истинная помазанница Божия, едва ли не выше самого папы, – и ведёт она к престолу законного короля, как наместника на земле! Так что выходило, будто коронация дофина – это нечто вроде посвящения, где Жанна является восприемницей, то есть лицом, полномочия которого куда значимее королевских!

Клод ощутила, как беспокойство её усилилось.

Эти разговоры совсем не нравились ей, и, скорей всего, из-за них всё и стало меняться! Дофин явно сердит, и, дело тут, конечно, не в зависти... или не только в ней. Клод стала вспоминать, что Жанна рассказывала про первую встречу с Шарлем, про то, как увидела в его глазах, такое знакомое и ей, сомнение в своём праве. Вдруг это сомнение снова вернётся вместе с чьим-то злобным шепотком? Новая Дева, чтобы развеять их, не придёт, а Жанна, из спасительницы превратится в соперницу, которую обязательно захотят как-то убрать!

Клод сцепила в замок ледяные от страха ладони. Она понятия не имела, что нужно делать, чтобы исправить положение.

ние! Разве только поделиться своими опасениями с Жанной? Но сможет ли и она прекратить этот поток опасных восхвалений? Всем рты не заткнуть, особенно тем, кто делает это не из добрых побуждений.

Клод опустила лицо в ладони. Раньше она бы и представить не смогла, что, после всех побед, Жанне будет желать зла кто-то, кроме англичан. Но теперь, окунувшись в этот чуждый мир непонятной ей придворной политики, приходилось признавать даже самое абсурдное – среди ближнего окружения недоброжелателей тоже хватало. И давние предостережения герцога Лотарингского вспомнились вдруг сами собой. Впрочем, он тогда говорил что-то о некоей защите, которая у Жанны есть... Ах, знать бы... Дай Бог, чтобы она оказалась действенной...

За спиной почудились тихие шаги, и девушка обернулась. Барон де Ре неторопливо шёл к ней, неся на согнутой руке, как корзину, свой походный шлем. Всем видом он словно говорил: «я тут случайно, но настроение хорошее, есть время для беспечного отдыха и можно составить компанию даже мальчишке-пажу». Однако, Клод почему-то не сомневалась – барон здесь не случайно и искал именно её.

– Судя по всему, как паж Девы, ты питаешься только святым духом, – с обычной ухмылкой заметил де Ре. – Хотя, сама она только что отобедала весьма плотно, как и все мы, и я в том числе. Было вкусно. А хороший обед всегда действо-

вал на меня умиротворяюще. Сам себя не узнаю – до того хочется чего-нибудь благодетельного... Так что, держи. Тут по дороге целые заросли, а мне нечего было делать...

С этими словами барон протянул девушке шлем, до половины наполненный лесной малиной.

У Клод, почему-то, перехватило дыхание.

Она попыталась встать, но де Ре присел рядом, махнув ей, чтобы оставалась на месте, сорвал травинку и блаженно развалился на траве.

– Вижу, тебя что-то огорчает, – сказал он, покусывая сорванный стебелёк, когда вдоволь насладился стрекотом кузнечиков. – Скорбная поза, уединение... глаза вон на мокром месте... Не хочешь поделиться?

Клод отрицательно покачала головой. Низко опустив голову, она ела малину и еле сдерживала слёзы, которые, действительно, в одно мгновение, непонятно из-за чего навернулись на глаза.

– Жаль, – пожал плечами де Ре. – Может быть, как раз я, смог бы объяснить, что всё не так страшно, как тебе кажется.

– Откуда вы знаете, ЧТО мне кажется?

Де Ре засмеялся.

– Я наблюдательный. Разве ты не заметиЛА?

Клод замерла, не донеся до рта очередную ягоду. В первый момент ей захотелось поправить барона, изобразить негодование, обидеться, наконец! Но перед глазами покачивался на коленях шлем с малиной, сквозь который, вызванный

воображением, проступал совсем новый образ этого, вечно насмехающегося, рыцаря, трогательно обирающего ягоды с кустов. Обирающего теми же руками, которыми, тогда, под Турелью, он сжимал окровавленный меч, не подпуская к ней никого из врагов... Клод знала, что кусты эти совсем не по дороге – она любила малину и обязательно бы заметила, идя сюда – значит, барон искал малинник... сделал крюк, чтобы принести ей ягод... Из-за этого всякие лживые слова казались неуместными. И, в конце концов, они с Жанной давно, ещё под Орлеаном, поняли, что де Ре не обманывается, относительно того, кем на самом деле является паж Девы, но, судя по всему, никаких лишних и неудобных вопросов задавать не собирался.

Еле заметно она кивнула – дескать, да, заметила – и тихо произнесла:

– Тогда скажите, что всё не так страшно.

– Если буду знать, что тебя пугает – скажу.

– Но я не смогу выразить это словами...

– Значит, и говорить не о чем. Когда сама не знаешь, чего боишься, выходит, что не боишься ничего, и просто хочешь, хоть чего-нибудь бояться.

Клод засмеялась, не поднимая опущенной головы, но крупная слеза выдала её, упав со щеки прямо на ягоды.

– О-о..., – барон выдержал паузу. – Неужели всё так серьёзно?

Клод кивнула.

– А я думал, только меня одного не радует лёгкость этого похода.

Быстро проведя рукой по глазам, Клод, наконец, решилась поднять глаза на де Ре.

– Вас тоже что-то беспокоит?

– Увы...

– Может быть, ВЫ сумеете высказать, что именно?

Теперь засмеялся он.

– Высказать... Какое осторожное слово. Я бы предпочёл – высказаться... Высказаться начистоту о том, что наш дофин не так уж отважен, не очень умён, нерешителен и завистлив. То есть, говоря по совести, короны достоин только при условии, что рядом нет никого более достойного.

Клод закашляла, поперхнувшись.

– Вы не можете говорить так, сударь – вы же воюете за него.

– За Францию – не за него. И даже не бок о бок с ним, а с Жанной. Если ты заметила, наш дофин воевать не умеет.

– А разве правителю так важно уметь воевать?

– А разве нет? На коронации ему вручат меч. Думаешь, для подобной церемонии это случайность? Светлой памяти король Иоанн сам водил свои войска в сражения! Да и отец нашего дофина повоевал, пока был здоров. И Генри Монмут – упокой Господь его чертову душу – бился при Азенкуре в первых рядах... Короли потому и поставлены надо всеми, чтобы служить примером! И в доблести – в первую очередь.

– Может, потому люди и увязли в этой войне? – отведя глаза, спросила Клод. – У них не было других примеров, кроме королей-воителей.

Де Ре выплюнул изжёванную травинку и потянулся за новой.

– Люди будут воевать в любом случае – такова их природа. Разве в твоей деревне любой крестьянин с большим семейством не мечтал расширить свои наделы, чтобы прокормить всех? Наверняка мечтал. И, дай ему волю, отобрал бы землю у соседа. А король обременён целой страной. Ему необходимы завоевания, чтобы считаться добрым хозяином и быть уверенным в своём авторитете перед вассалами, тоже желающими иметь больше, чем у них есть.

– Это так необходимо – иметь больше, чем есть?

– А как же?! Когда все вокруг только этим и живут, глупо отставать. Нужен второй потоп, чтобы изменить сложившийся порядок. Хотя, не уверен, что и это поможет. Новые люди пару сотен лет в благости, может, и поживут. Но потом обязательно появится кто-то, кто снова подумает: «а почему бы не иметь ещё и это?». И возьмёт. И поймёт, что это хорошо...

Клод огорчённо поворошила рукой малину. Нижние ягоды уже подмялись и выпустили сок, окрасивший её пальцы.

– Выходит, вы огорчены тем, что дофин, став королём, не захочет стать захватчиком?

Ничуть не смутившись, де Ре кивнул.

– И этим тоже, как иначе? Я барон, и мне, как всем, хочется иметь больше и больше. Но, чтобы иметь это «больше» законным путём, нужен предводитель – Божий помазанник, захватчик, – назову его так, если хочешь, – но благословленный небесами. Такой, рядом с которым можно остаться в Истории! Королей-миротворцев не помнит никто, потому что они скучны. А Цезарь, Александр Македонский, Карл Великий... да, что там – даже Монмут, не к ночи будь помянута его душа, – все они здорово встряхнули этот мир, который их уже не забудет. И, между прочим, если посмотреть на вещи беспристрастно, не залезь король Гарри своим сапогом в наше сонное королевство, не появилась бы и Жанна. Будь дофин, хоть наполовину, таким же, как она, я первый бы сказал, что он именно тот предводитель, за которым можно идти, не стыдясь за его цели, доблести и не сомневаясь в его правах вести за собой к любой цели с положенной доблестью.

– А сейчас вы сомневаетесь?

– Я – нет. Однако, договор в Труа был подписан, и для многих, по сей день, является документом единственно законным. – Де Ре кисло скривился. – Но, даже если принять во внимание обстоятельства и всякие политические интриги, на многое можно было бы закрыть глаза, прояви себя наш дофин более мужественным и решительным. Однако, факт остаётся фактом – он очень хочет положить себе на голову корону, но ответственности, которая ляжет вместе с ней, боится, как огня.

Клод сосредоточенно собрала мятую малину в горсть и отправила в рот.

– Выбрось, там уже нечего есть, – заметил де Ре.

Но девушка отрицательно покачала головой. Образ рыцаря, собирающего для неё ягоды, при всем несоответствии с его теперешними речами, никак не отпускал. Ей было жаль каждой этой ягоды, и, несмотря на то, что они превратились уже в настоящий кисель, Клод решила доесть все до одной.

– Я что, расстроил тебя ещё больше? – спросил барон.

– Нет. Меня огорчало совсем другое.

– Правда? – Рыцарь искренне удивился. – А я думал, тебе тоже не по душе то, что Жанна, с её великой миссией, тратит свои силы ради ничтожной цели.

– Она в своей миссии не вольна.

– Вот именно!

Де Ре, как будто, только этих слов и ждал.

Рывком усевшись возле Клод, он выплюнул травинку, забрал у девушки шлем, словно он мог помешать разговору, и зашептал азартно и страстно:

– Я даже скрывать не буду, что никогда не верил во всякие чудеса, будь они от Бога, от Дьявола, от папы римского, или от сумасшедшей, вроде нашей Катрин..! Я и теперь не верю ни во что, кроме одного – Жанна необычна, как настоящее чудо! Кем бы она там ни была на самом деле, не может просто так случиться, чтобы девушка обладала таким военным чутьём, такой отвагой и силой – воистину рыцарскими – и

таким разумом, просто ради того, чтобы на трон Франции сел непонятно кто!

– Дофин законный король!

– Только потому, что рождён от короля и королевы? Но, если поверить его матери, что останется тогда? Бастард, наделённый сомнительными правами, в которых он же, первый, и сомневается? Без отваги, без твёрдых убеждений, а если послушает Ла Тремуя и затеет переговоры с Бургундцем, отца которого убил, то останется ещё и без чести! Тогда, как Жанна – совсем иное дело... Меч Мартелла сам лёг в её руку⁹! Сейчас её любят и почитают, как посланницу Божию, особенно после того, как этот английский монах уверовал в неё, подобно святому Павлу. А что будет, если на самом деле объявить её помазанницей, как он говорит?!

Клод отшатнулась, но де Ре, похоже, вполне был готов к такой реакции.

– Сама подумай, что она станет делать после коронации? – зашептал он, придвинувшись ближе. – Ты можешь представить её, живущей, как раньше? Вернётся ли она, или останется при дворе – это будет не её жизнь! После того, как сражалась, вела за собой войска... после всей этой власти, которую она и приняла, и распорядилась которой по-королевски достойно, оказаться в стороне? Выйти замуж – хоть бы и

⁹ На коронации французским королям вручался Жуаньез – самый знаменитый из мечей Карла Великого, прозванного Мартелом. Меч, который был у Жанны, другой, но де Ре имеет в виду сам факт преемственности, который уже совершился.

за Алансона – нарожать детей и сидеть в каком-нибудь замке на привязи по примеру наших прочих дам?

– Она сама это решит.

– Нет. – Де Ре покачал головой, не сводя глаз с лица Клод. – Если сейчас судьбу Жанны вершит только Бог, то потом все права на её жизнь получит король.

– Что ж, она сама наделит его таким правом и подчинится, как и следует. Иначе, ради чего всё это было?

– А если бы и Жанна оказалась королевской дочерью, что бы ты тогда сказала?

Клод повернулась к де Ре, серьёзная и строгая. Было видно, что вопрос барона врасплох её тоже не застал.

– Вы это точно знаете?

Де Ре смутился. Что-то в голосе и во взгляде девушки убеждало его, что сама она о королевском происхождении подруги не знает ничего.

– Мало ли... – он неопределённо пожал плечами. – Здесь многие не верят, что она простая крестьянка...

– Это так. Её отец когда-то был дворянином.

– Это не её отец.

– Кто вам сказал?

Де Ре косо усмехнулся.

– Я просто знаю...

– Нет. Не просто. Откуда вы можете это «просто знать»? – Клод снова почувствовала, что к её глазам подбираются слёзы. – Вы так уверенно сказали... Вы что-то знаете о Жанне?

Барон отвёл глаза. В наступившем молчании стрекот кузнечиков словно усилился.

– Люди разное говорили... Может, они действительно, что-то знают... – выдавил он, наконец.

– А если они неправы? Зачем вы их слушали?

Де Ре вздохнул.

– Не знаю. Интересно... Хотя, иногда мне кажется, что я слушаю слишком много лишнего, и не всегда от тех, кого вообще стоит слушать.

Он покосился на Клод. Неосторожное замечание о Жанне вылетело в разговор, как раз-таки из-за сильного желания услышать что-то от неё – одобрение или, хотя бы, намёк на то, что его мысли, так назойливо лезущие в голову последнее время, верны, и пришли не просто так, а неким, его собственным откровением... ЕГО МИССИЕЙ! Потому что, одно дело, пойти за Жанной по зову герцогини Анжуйской, рассказавшей тайну её происхождения, и, совсем другое, по какому-то внутреннему наитию, самому распознать в никчёмном мальчишке-паже ту, несомненно истинную Деву, которая заставила войско Саффолка уйти одним только своим видом, голосом, светом, охватившим её в тот момент... Впрочем, и это теперь казалось ерундой! Без конца размышляя о том, что такого особенного могла бы принести им подлинная Дева, де Ре вдруг понял простую вещь – в пророчестве говорилось о том, что Дева государство спасёт. А что может спасти Францию надёжнее всего? Только одно:

род Валуа продолжит более достойная наследница! И Клод должна убедить её принять власть тем особенным даром, который вложил в неё сам Господь!

– Почему ты молчишь? – спросил барон, не узнавая собственного голоса

– Я тоже не люблю знать больше, чем нужно, – еле слышно ответила девушка. – Также не люблю узнавать от кого-то о том, что можно познать самой – это только мешает. Вы что-то узнали о Жанне, и это заслонило уже известное о ней. Но она никогда не поступит бесчестно! И иметь больше, чем у неё есть, тоже не захочет. Все мы имеем жизнь, куда уж больше... Дарить её своим детям более достойно, чем бесконечно воевать – так мне кажется. И неважно, посланницей Божьей ты являешься, или помазанницей, или просто девушкой... Я видела, что делает с людьми война. Думаю, отцы семейств, чьи дома пожгли, а детей убили, с радостью вернули бы то, что они имели и большего уже не желали.... Жители нашей деревни возвращались в разорённые дома после набегов, плакали над убитыми с самым горьким отчаянием, хоронили, скорбели, но, вздыхая, оправдывали всё войной, как будто весь этот ужас был частью их жизни, как зима или лето. Им, видно, тоже сказали, что война необходима... Но вот появляется Жанна. Невероятная, как чудо – вы сами это сказали. Девушка, не желающая ничего, кроме жизни, которую никакая необходимость не имеет права отнять! Неужели вы думаете, что пришла она только за тем, чтобы присвоить

себе чужую власть и просто повернуть войну в другую сторону..? Вы говорите, что людей не изменить. Может, и правда, об этом я судить не могу. Но, может быть, люди никогда и не пытались поменяться?.. Они говорят всё время «Божий замысел не постичь», и тут же толкуют всё с ними происходящее, как кому удобно. А весь замысел – вот он, на виду! Он заложен в каждом с самого рождения и виден в наших умениях и желаниях, пока никто другой не начинает навязывать свою волю... Вы говорите, что дофин не воин. Но, может, именно такой государь сейчас и нужен?! И не герой-полководец, а только Жанна – девушка, не желающая иметь больше, чем у неё есть, должна привести его к трону?! Да, он не хотел этого похода, боялся новой крови, но Жанна знала, что идти необходимо, и то, что до сих пор не произошло ни одного сражения, самое верное доказательство её правоты! Она вершит, что должна, не больше. А дофин... – он тоже выполняет своё предназначение так, как чувствует его...

Клод подтянула колени к подбородку и обхватила себя руками, словно хотела согреться, несмотря на жару.

Или защититься? Отгородиться ото всех?

Де Ре вообще вдруг показалось, что говорит она не с ним, а с кем-то внутри себя – слабым и ей совсем не нужным, мешающим, но кого ещё можно было, если и не заставить исчезнуть, то, хотя бы, переубедить.

– Все желают мирной жизни. И все воюют, чтобы её достичь... – говорила девушка. – Не знаю, почему переговоры

считаются бесчестьем, а уничтожение целой армии, состоящей из живых людей, покрывает их уничтожителя вечной славой, но очень хочу думать, что Божий замысел в отношении Жанны, как раз в том и состоит, чтобы показать истинный смысл и величия, и позора. Да и понять, наконец, что действительно ценно...

Девушка легко вздохнула и теперь уже обратилась к барону.

– Вы думаете, что родители Жанны могли быть людьми королевской крови? Не отвечайте, если не можете, но подумайте и признайтесь честно сами себе – так ли уж это важно для неё? Да и для вас тоже, если, конечно, вы хотите остановить эту войну? Помогите Жанне короновать дофина и предоставьте самой решать, что делать дальше. Всё получится хорошо и правильно, если не вмешиваться в ход вещей с ненужными знаниями... Но, если вы, на самом деле, хотите большего, как говорили... – она запнулась. – Не хочу в это верить... но, если так, то знайте – вы погубите Жанну и ничего больше не добьётесь. Ей от своего пути отступать нельзя.

* * *

В шатре дофина заканчивали обед молодые рыцари из числа тех, кого Шарль пригласил разделить с ним трапезу, а затем, когда Жанна и люди возраста более почтенного ушли,

задержал для свободной дружеской болтовни. Из-за синего тяжелого полога то и дело доносились то взрывы хохота, то мелодичные звуки новой баллады, сочинённой придворным менестрелем. Эта баллада, немного фривольная, но с положенной долей почтительности, была посвящена лебедю – королевской эмблеме Монмута – чьё изображение, вышитое на тканной панели, герцог Алансонский обнаружил в том самом зале, где был подписан когда-то позорный для дофина договор. Теперь, неприкосновенная ткань служила скатертью для стола Шарля, а серебристая птица со свисающей с её шеи цепью и слегка распахнутыми крыльями, словно пыталась выбраться из-под тяжелых блюд и кубков, страдая и оправдывая слова, посвящённой ей язвительной баллады.

Ла Тремуи, прогуливался возле шатра в ожидании, когда гости разойдутся. Он внимательно слушал, досадуя на слишком резкий, по его мнению, голос менестреля. Но, тем не менее, смог разобрать слова Алансона о том, что дофин проявил больше милосердия и благородства, чем когда-то Монмут, униживший своей трапезой пленных рыцарей. «Ты, Шарль, предпочёл унижить всего лишь эмблему». И ответ хохотнувшего Ла Ира о том, что у них и пленных-то нет...

«Интересно, – подумал министр, – как наш король унизит всех этих спесивцев, когда я представлю ему свои умо-заключения?»...

Он мог бы войти в шатёр, если бы хотел, но решил остаться всего лишь рядом. Тут лучше думалось...

Под ногами чавкнуло и Ла Тремуй брезгливо выдернул ногу из лошадиного помёта. Он уже отвык от походной жизни и, наверное, был бы не очень доволен необходимостью проводить большую часть дня в седле, не появившись у него, в качестве компенсации, возможность наблюдать, как развиваются события именно в военной среде.

До сих пор армия была и оставалась самым преданным союзником Жанны, в основном, благодаря ненавидящим министра Ришемону, Бурбону, Бастарду со всеми его капитанами, и прочим псам помельче, которых так старательно вскармливала герцогиня Анжуйская. Но до сих пор, и среди остальных придворных, и среди духовенства, те, кто не слишком верил в явленное чудо, все же говорили полупочтительно, полу-опасливо: «Наша Дева». А теперь, что в письмах, что в разговорах, всё чаще стало мелькать: «Эта девушка...».

«Эта девушка прибрала к своим рукам слишком много власти», – сокрушались в приватных беседах прибывшие епископы, которым надлежало стать пэрами от Церкви на коронации. «Теперь только от неё ждут истинного слова Божьего. Но победы победами, а грех гордыни неизбежно ведёт к ереси... Что вы говорите? Думаете она в него не впадёт? О, не будьте наивны! Эта девушка всего лишь человек. К тому же, низкого происхождения...».

Слушая подобное, Ла Тремуй сразу напускал на себя вид смиренно скорбящего. А в последние дни скорбь вообще

не сходила с его лица. Дофин даже попенял ему, дескать, в период таких успехов следует смотреть веселее. На что Ла Тремуй только слабо улыбнулся. Он готовил почву и боялся лишь одного – не перехитрить бы самого себя и не пропустить момент, когда удобнее всего будет дёрнуть за все верёвки, чтобы оглушить Шарля разоблачением!

А момент был уже близок...

Ла Тремуй провёл ладонью по запотевшей шее и улыбнулся. Эта Катрин оказалась весьма умелой. Ей всего-то и было сказано – осторожно внушать всем, что Дева изыскивает средства на содержание армии. «... К примеру, может же она попросить отдать ей – Спасительнице – всё ценное, что осталось... Разве кто-то посмеет отказать? А выполненная один раз просьба легко превращается в приказ... при умелом подходе». Это неопределённое замечание министр ненароком обронил в разговоре с де Вийо, но тот явно понял...

Трудно сказать, кто из них – сам ли он, или мадам Катрин – выдумали эту неведомую святую в золотых одеждах? Во всяком случае, вещая о ней на каждом углу, мадам пророчица была очень убедительна. Многие верили. И Ла Тремуй, с тайным удовлетворением уже не раз замечал на лицах в толпе то, особое удивление, которое обычно предшествует разочарованию.

Одно плохо – эта кликуша, при всём своём двурушничестве, всё же считала себя вполне набожной и сильно струхнула, когда в Труа этот блаженный монах, отец Ричард, заво-

пил о святости Жанны. Так струхнула, что едва не сбежала в какой-то монастырь, где, по словам де Вийо, собиралась замаливать свой грех. Ла Трему́й тогда запретил. Однако, внимательно послушав монаха, чуть было запрет не снял, и передумал только потому, что два всегда лучше, чем один.

Он до сих пор ломал голову, кто мог подослать этого отца Ричарда – англичане или герцог Бургундский? Но, кто бы ни был, он здорово помог.

О том, что монах был искренен сам по себе и речи идти не могло! Только злейший враг пожелал бы Жанне такую славу, которую он ей создавал, работая куда тоньше мадам Катрин! Божья помазанница! Без пяти минут, та самая ересь, которую так ждут епископы-пэры! И, в то же время, какая подсказка поверенным герцогини Анжуйской, кто недоволен трусоватостью дофина! А за руку не поймаешь – святой отец восхваляет Деву Франции, и это особенно ценно, потому что сам-то он англичанин!..

«О, Господи, благослови того, кто научил этого монаха, кем бы этот человек ни был!».

Ла Трему́й снова покосился на темно-синий полог, из-за которого полетел очередной взрыв хохота. Может, всё-таки войти? Но, нет. Ему был нужен сын мадам Иоланды Шарло, и нужен, вроде бы, случайно, а там, в шатре, во всеобщей сутолоке, когда начнут расходиться, ничего случайного уже не получится.

– Что вы тут делаете, Ла Трему́й? – вывел его из задумчи-

восты низкий голос Танги Дю Шастеля.

Министр с достоинством обернулся.

– Дела, мессир, дела. Они, к сожалению, не разбирают ни дня, ни ночи, ни сна, ни обеда.

– Тогда, почему вы не заходите?

– О, – Ла Тремуй сделал легкомысленный жест рукой. – Молодым людям охота повеселиться и я решил подарить им ещё несколько минут. Пусть... Бог знает, когда ещё доведётся. Да и доведётся ли... Война всех нас приучила жить только тем, что есть сейчас. А коронация и вовсе может всё переменить.

– Что вы имеете в виду?

– Только тот факт, что будет, наконец, должным образом проведена церемония объединения двух миров – как там говорится по ритуалу? «Космическая гармония Неба, Церкви и Государства, да? – после которой его величество уже не сможет быть прежним беззаботным молодым человеком.

– Я бы и сейчас его таким не назвал, – пробурчал Дю Шастель. – Так что, заходите, сударь, не стесняйтесь.

Решительно отодвинув полог, он шагнул внутрь шатра, откуда тотчас стали появляться раскрасневшиеся от еды и питья молодые рыцари.

– Ах, как же это я забыл! – хлопнул себя по лбу Ла Тремуй, краем глаза заметив среди них Шарло Анжуйского.

Он очень умело изобразил замешательство и придержал молодого человека за руку с таким видом, словно только на

него и надеялся.

– Хотел узнать у мессира Танги, но, коль уж вы здесь, сударь, ещё и лучше... Не скажете ли мне, когда собирается прибыть ваша матушка?

– Зачем вам? – выпятил губу откровенно хмельной Шарло.

– Сейчас с его величеством мы будем обсуждать состав светских пэров на коронации, и я должен знать...

– Странно, что вы этого до сих пор не знаете, – не дослушал молодой человек. – Матушка, как всегда, прибудет вовремя. Насколько мне известно, она уже выехала. Возможно, уже сегодня прибудет в Шалон.

– Вот как...

Ла Тремуй, вскинул брови. Лицо его сделалось озабоченным.

– А вы знаете, что вчера захватили двух разбойников, которые рассказали о целом их отряде, промышляющем, как раз в окрестностях Шалона?

– Но ведь их захватили, что тут страшного?

– Только двух. Остальные, скорей всего, затаились, пропуская армию, но когда поедет ваша матушка возможны всякие неприятности.

– Матушкина свита армии не уступит, – засмеялся Шарло, а вслед за ним и его рыцари.

– Ваше дело, – пожал плечами Ла Тремуй. – Я просто подумал, что вы должны знать. Как заботливый сын, могли бы

и отправить ей навстречу кого-нибудь, хотя бы для того, чтобы предупредить... Вот, хоть этого молодца.

Ла Тремуи кивнул в сторону смеющегося Филиппа де Руа.

– Его новые доспехи достаточно хорошо сверкают, чтобы разогнать всех разбойников в округе и доставить удовольствие дамам...

Договаривая фразу, министр постарался придать голосу как можно больше презрения, и вполне в этом преуспел. Потом слегка поклонился Шарло, небрежно кивнул его рыцарям и скрылся в шатре, оставив собеседника в полном недоумении.

– Я ничего не понял, – покачнулся Шарло, поворачиваясь к де Руа. – С чего бы это Ла Тремуи так озаботился безопасностью матушки? И почему именно тебя, Филипп, он советует послать к ней?

Молодой человек пожал плечами.

– Я слышал, что её светлость едет вместе с королевой, королевскими детьми и пригласила в поездку мадам Ла Тремуи, – сказал кто-то из рыцарей. – Может, поэтому он и беспокоится?

– Вот как? – удивился Шарло. – А я и не знал... Никогда бы не подумал, что матушка может позвать с собой кого-то из Ла Тремуев... Но, всё же, почему он выбрал именно тебя, Филипп? Уж не напроказничал ли ты с мадам его супругой?

Де Руа засмеялся, обнажив безупречный ряд крепких зубов.

– Будь так, он пожелал бы отправить меня в противоположную сторону, сударь.

– Кто-то другой, может быть, но только не Ла Тремуй. – Шарло понизил голос. – Этот лис уверен, что все анжуйцы его ненавидят и никогда не сделают так, как он просит. Скорей всего, он и ждёт, что я отправлю к матушке кого-то другого. Но... – Шарло критически оглядел Филиппа. – Глядя на тебя, я вдруг понял, что его милость абсолютно прав! Ты и в самом деле очень представительен в этих доспехах! Не разорился, когда покупал?

Под общий хохот Шарло похлопал де Руа по плечу.

– Бери столько солдат, сколько нужно, и поезжай, встретить её светлость матушку и её величество сестру. Да смотри, с особенным старанием позаботься о мадам Ла Тремуй, чтобы мне было чем порадовать её заботливого супруга!

Реймс

(июнь 1429 года)

– Я ничем не могу помочь вам, мессир, даже если бы хотел. Но я и не хочу. Его светлость герцог Филипп мало интересовался мнением реймского епископата, когда навязывал нам господина Кошона, и теперь ему вряд ли следует обижаться на то, что местное духовенство готово приветствовать дофина Шарля, как законного короля. Кроме того, вы не могли не заметить, как настроены знать и горожане. Посмотрите в окно – разве там суетятся, готовятся к обороне? Ничуть. Я вам больше скажу – все ждут не дождутся возможности раскрыть ворота. Люди устали от войны, и перспектива увидеть пышное празднование коронации кажется им куда заманчивей бесполезного геройства и осады...

Архиепископ Реймса смотрел на собеседника слезящими от застарелой болезни глазами, из-за чего казалось, будто он полон сочувствия. Но господин де Савез, присланный герцогом Бургундским, чтобы не допустить сдачи города, насчёт сочувствия архиепископа не обманывался. Тот говорил, что думал и думал, что говорил. А вот Савезу сказать было нечего.

Буквально неделю назад, когда он и господин Шатийон прибыли в Реймс, здесь звучали совсем другие речи. Сплош-

ные уверения повиноваться королю Генриху и герцогу Бургундии до смерти. Но вот подошло французское воинство, и горожан словно подменили. Ещё утром, как только убили герольды, предложившие мирную сдачу города, и де Савез обратился ко всем с призывом не поддаваться на уговоры бунтовщиков против законной власти, ему ответили откровенной бранью и пожеланиями убраться побыстрее, если, конечно, он не собирается в одиночку противостоять подошедшей армии. Но, даже в этом случае, пригрозили ударом в спину, потому что город не намерен подвергать себя опасности перед чудесной Девой, о мастерстве которой не знают, кажется, только несмышленные младенцы. К тому же, общественность внезапно осознала, что по-настоящему законным правителем Франции является только дофин Шарль. А когда де Савез напомнил о клятвах повиноваться английскому королю до смерти, ему, в чрезвычайно грубых выражениях, пояснили, что Деву Господь прислал Шарлю, а не Генриху!

Единственным, лояльным по отношению к герцогским посланникам, оказался преподобный Рено де Шартр, архиепископ Реймский. Но даже его лояльность проявилась только в том, что архиепископ удостоил де Савеза прощальной аудиенции и беседы, которую, лишь при большом желании, можно было принять за какие-то объяснения.

– Хотите совет? – спросил он почти участливо. – Не препятствуйте тому, что происходит. Каждый умный человек понимает, всякая видимость, как вода в сточной канаве –

взбаламутишь, и неизвестно, что всплывёт. Дайте этой воде отстояться. Как только всё успокоится, вы удивитесь, насколько чистой и ясной она покажется. А то, что утонет, возможно, будет похоронено навеки.

– Пока тонем мы, – хмуро заметил де Савез.

– Не думаю... Ваш герцог умный человек, он поймёт мой совет правильно и не останется в обиде. Чудеса вечно длиться не могут...

Архиепископ встал со своего кресла и протянул де Савезу перстень для поцелуя.

– Чаши весов постоянно колеблются, друг мой. Полгода назад никто и не думал, что священный елей понадобится так скоро. Но вот, произошли перемены, и я сам на днях отдал приказ готовить собор к коронации. Представьте себе, святая Амбула¹⁰ оказалась пуста! Пересохла! Это знак, мессир, и знак, говорящий о многом! Кого-то он обрадует, кого-то повергнет в уныние, кого-то, возможно, обратит на путь истинный... Только Господь знает, что ждёт нас ещё через полгода. Сведения, приходящие ко мне, многозначны и позволяют думать, что голова, на которую я скоро возложу корону, полна мыслей, крайне противоречивых... Возвращайтесь в Бургундию, господин де Савез. Всё, что могли, вы сделали, а теперь предоставьте Времени вершить свой ход в соответствии с Божьим замыслом. Уверяю вас, перемены

¹⁰ Святая Амбула – мирница, в которой хранилось миро – священный елей для обряда помазания.

мы ещё увидим...

* * *

15 июля посланники герцога Филиппа покинули город. А уже 16-го ворота Реймса были открыты и ключи от них торжественно поднесены дофину Шарлю.

Вместе с тем ему сообщили о том, что для коронации всё готово, но, вопреки ожиданиям, это известие будущего короля обрадовало мало. Коротко кивнув, он сослался на усталость и поспешил покинуть встречающих его горожан.

Такое странное поведение не могло остаться без попыток какого либо осмысления, но объясняли это по-разному. Более сведущие шептали, что Шарля расстроил казус со святой Ампулой, в которой спустившийся с небес голубь принёс когда-то миро святому Ремигию, чтобы крестить короля Хлодвига – по слухам, просочившимся из узкого круга посвящённых, мирница оказалась пересохшей, что являлось, несомненно, дурным предзнаменованием, если не сказать больше. Другие же, которые считали себя не менее осведомлёнными, уверяли, что всё это полная чушь! Слухи о пересохшей мирнице выгодны сторонникам английского короля – они, дескать, их и разносят. А настроение у короля французского несколько не испорчено! Он – победитель, стоит в двух шагах от короны, которую возложит на свою голову вполне законно, уж будьте спокойны – чего ему расстраи-

ваться?! Просто взволнован и хочет настроить себя на священное действо помазания, которое позволит ему встать в один ряд со святыми чудотворцами¹¹.

Все эти разговоры, даже несмотря на противоречивость и немногочисленную пока аудиторию, чрезвычайно разозлили мадам Иоланду, которая, как и обещал её сын, приехала «вовремя, как всегда». Прошагав в свои покои и сбросив на руки прислуги дорожный плащ и перчатки, она сердито повернулась к встречавшему её Дю Шастелю.

– Немедленно наведите порядок, Танги?! И, если слухи верны, и мирница на самом деле пуста, налейте в неё что хотите, хоть обычного масла, лишь бы Шарль снова не начал думать о том, что никто не видит в нём короля! Думаю, на подобное чудо мы право имеем, учитывая присутствие Девы в наших рядах... Сейчас осложнения нужны менее всего – он, и без того, слишком много думает, наш Шарль. То ему кажется одно, то другое, то такое, что никому и в голову не придёт, из-за чего уже и не знаешь, как ему угодить. Накануне коронации один из этих его приступов будет совсем некстати. А он, похоже, наступает! Уже час, как я в городе, а от короля до сих пор никто не явился узнать, как мы доехали! Наверняка, опять злится, что всё не складывается само собой, без его участия. Или господин Ла Тремуай снова по-

¹¹ Как уже упоминалось в сноске ко второй книге – «руки короля, руки целителя». Считалось, что после коронации и помазания король может излечивать болезнь прикосновением руки. Во Франции такой болезнью была, почему-то, золотуха.

старался... Мне жаль его жену – сменить Бургундского льва на этакую крысу! Скажите Шарлю, что я прошу аудиенции... Или нет, скажите лучше, что я хочу его видеть, чтобы обнять и поздравить по-матерински, пока он не стал королём, недосягаемым для простых смертных... Надеюсь, моя дочь уже повидалась с супругом?

– Мне показалось, её величество сразу прошла в свои покои.

Взгляд герцогини застыл и обернулся куда-то внутрь себя.

– Ну да... куда же ещё... Никогда бы не подумала, что у них получится такой унылый брак... Впрочем, тут Мари сама виновата – либо ты королева, либо любовница. Просто жену, висящую на его шее, мужчина, наделённый властью, ценить не будет никогда. Но, если первое и второе ещё можно совместить, то третье не совмещается ни с первым, ни со вторым, а моя дочь наивно полагала, что у неё получится.

Мадам Иоланда поправила кольцо на руке, и Дю Шастель заметил, что на безымянном пальце нет большого сапфирового перстня, который герцогиня носила, не снимая несколько последних лет. Воображение, почему-то, сразу вытащило поверх всех прочих впечатлений новые доспехи красивого мессира де Руа.

– А что Жанна? – Голос её светлости долетел словно издалека. – Встреча с её земляками прошла, как мы и планировали?

Дю Шастель, лично контролировавший эту встречу, хо-

лодно кивнул.

– Всё было очень естественно, мадам.

– Хорошо. А что у неё сейчас? Как она настроена?

– Её, как всегда, осаждают горожане. Это повторяется везде, мадам, – восторги, прошения, восхваления. Ей несут челобитные, как государыне, и мне показалось, его величество не совсем доволен именно этим, а не пересохшей мирницей.

– Значит, он всё-таки недоволен? – Её светлость с досадой поджала губы. – Так я и думала... Что-то мы с вами упустили в нём, Танги. Вы его жалели, а я, хоть и знала, что через жалость королей не воспитывают, также ошибалась – всё хотела уберечь от ошибок, дать сразу готовый результат, не растлевая его сознание методами, без которых не обходится ни одно восхождение. А ведь Шарль уже был испорчен тем, что видел при дворе своей матери, и мне следовало не оберегать «девственность» его мыслей, а просто направить их в нужное русло... Но, что сделано, то сделано. Остаётся надежда только на то, что, став королём по всем правилам, Шарль обретёт, наконец, уверенность и вспомнит всё главное, чему мы его учили когда-то... Он уже определился с датой коронации?

– Нет мадам. Думаю, это произойдёт сегодня.

Герцогиня удивлённо подняла глаза. Холодный тон рыцаря, наконец-то, привлёк её внимание.

– Что с вами, друг мой? – спросила она почти ласково, словно догадалась об истинной причине такой непривычной отчуждённости человека, всегда и во всём ей преданно-

го. – Вы сердиты на кого-то, или просто устали? Я полагала, этот поход не был настолько тяжёл, чтобы вы утратили свою прежнюю любезность от усталости?

Дю Шастель опустил голову.

– Прошу меня простить, мадам. По долгу службы я вынужден заниматься сразу всем. Коронация, размещение двора... К тому же, я испытываю вполне объяснимое волнение... и беспокойство. Вы, как никто другой, должны были бы меня понять.

– О, да, друг мой, я понимаю! И я должна вам слишком много!

Мадам Иоланда подошла к рыцарю, чтобы обеими ладонями взять его, сжатую в кулак, руку.

– Вы единственный... И вы знаете об этом. Но скоро всё закончится. К лучшему, несомненно! Все ваши беспокойства уйдут, и все мы, возможно, получим обновление и в делах, и в мыслях... Боюсь, я слишком сильно этого хочу, и, скорей всего обманываюсь, но мне уже кажется, что всё вокруг неуловимо меняется!..

Сердце Дю Шастеля бешено забилося. Она сказала «единственный» имея в виду, несомненно, его осведомлённость, но было так сладко... так волнительно слышать это и обмануться. Хоть на мгновение! Её руки источали тепло и рыцарю безумно захотелось прижаться к ним губами, но взгляд споткнулся об осиротевший безымянный палец...

– Вы потеряли перстень, мадам?

В этом простом вопросе было столько горечи, что герцогиня не сразу поняла, о чём её спрашивают. Она слышала только голос, и видела безмерно страдающие глаза.

– Перстень? При чём тут он, Танги? Я подарила его не так давно за услугу... человеку вполне достойному... Но, что с вами? Вы как будто больны?

С лёгким поклоном Дю Шастель высвободил руку и отступил на шаг.

– Возможно, дорога всё же утомила меня. Я не так уж молод. Прошу простить... Ваша светлость хотели узнать ещё о ком-то?

Ладони мадам Иоланды опустились медленно, как опадающие листья.

– Да. Я хотела спросить о Клод. Она здорова?

– Да.

Дю Шастелю вдруг сделалось невыносимо грустно. Бог знает почему, воспоминание о Клод вызвало в нём целую череду воспоминаний о тех днях, когда издали, незаметно, но действительно, он устраивал переезд семьи этой девочки в замок возле Домреми, суд с её женихом в Туле и обеспечивал безопасность для Клод и Жанны по дороге в Шинон. То есть, совершал все те действия, которые поручала и могла доверить ему, и только ему, мадам Иоланда, и тайну о которых они делили вместе... только он и она...

– Сам я ничего не могу рассказать, – Танги сглотнул тугой ком, застрявший в горле – но господин де Ре, как мне пока-

залось, оказывает ей покровительство. Если ваша светлость пожелает, я немедленно пошлю за ним.

– Пожелаю.

– Тогда, позвольте мне удалиться. Я ещё должен отдать распоряжения... Гостей на коронацию прибыло много – не всех удалось разместить... Может быть, и у вас будут особые пожелания, относительно тех, кто будет размещён в соседних покоях?

– Кто, например?

Дю Шастель опустил глаза.

– К примеру, ваш сын Шарло... и его свита. Я могу распорядиться, чтобы покои для них освободили.

– Нет, не надо.

Герцогиня не сводила глаз с лица рыцаря.

Вот оказывается в чём причина его холодности! Ей было и смешно и грустно. Танги ревновал, как обиженный ребёнок, которого хотелось успокоить, открыто сказав ему, что ничего серьёзного не происходит, и этот мальчик... этот красивый, как бог, Филипп де Руа, по чистой случайности, а не по её прихоти, выехал им навстречу, чтобы проводить до Реймса... Хотя, глупо отрицать, что она была рада видеть юношу возле своей кареты весь остаток пути, и, когда молодой человек приближался к ним во главе небольшого отряда, весь сверкающий в этих красивых доспехах, сердце её, конечно же, забилось сильнее!..

Ах, да! Доспехи! Они совсем новые... «Вы потеряли пер-

стеня, мадам?»... Боже, как глупо! Неужели Танги думает, что эти латы оплачены её сапфиром?! Но, кажется, он действительно так думает! Мадам Иоланда еле сдержалась, чтобы не сказать прямо сейчас, безо всякой видимой связи со всем, что уже было сказано, что перстень подарен мессиру де Ришмон за то, что он забыл все обиды, откликнулся на её просьбу и прибыл к войску так вовремя! Что готов поддерживать Жанну всегда и во всём и обещал свалить этого чертова Ла Тремуя при первой же возможности!.. Но как сказать всё это, не задевая Танги? Он уже уязвлён, и будет уязвлён ещё больше, когда поймёт, что она обо всём догадалась... «Забудьте о ревности, мой дорогой! – мысленно уговаривала мадам Иоланда. – Всё это ничего не значит! И для вас это тоже не должно иметь никакого значения!»...

Но, вложив в один только взгляд своё желание высказать всё это, герцогиня ограничилась лишь наклоном головы, которым давала понять, что более рыцаря не задерживает.

– Я очень хочу поговорить с господином де Ре, дорогой Танги.

Дю Шастель сдержанно откланялся и пошёл к дверям.

Взгляд её светлости он истолковал по-своему. Точнее, так, как заставляла его думать недостойная рыцаря ревность, и это было стыдно. Клятвы, которые он когда-то приносил, не имели ничего общего с обидами на женщину, полюбившую другого... Но в тот момент, когда Дю Шастель уже готов был обернуться на пороге, чтобы сказать что-то... как в преж-

ние времена, когда говорил это с чистой душой – что он по-прежнему верен, и что бы ни случилось, будет верен и дальше, навсегда... как раз в этот момент рыцаря едва не сбил с ног стремительно вошедший Шарль.

Щеки дофина пылали, грудь вздымалась, словно весь путь до матушкиных покоев он пробежал, как мальчишка, во весь опор, а в глазах горела откровенная ненависть.

– Я... желаю... поговорить с вами... наедине... ГЕРЦОГИНЯ..., – Шарль еле сдерживался, чтобы не закричать, поэтому почти шептал. – Велите фрейлинам сейчас же уйти! А Танги пускай останется – он всё-равно, что ваша тень!..

Часом раньше

– Итак, Реймс ваш, сир. Позвольте поздравить... выразить надежду на то, что царствование ваше сложится победоносно и счастливо... Что подданные, с тем же ликованием, какое мы видим сейчас, придут на вашу коронацию, и день этот будет прославлен в истории Франции во веки веков...

Голос затих, словно приглашенный отсутствием света. В покоях дофина, более похожих на келью, царил такой же монастырский сумрак. И, если бы Шарль не стоял возле глубокой узкой бойницы окна, свет из которой серым штрихом очертил его контур, Ла Тремуй своего господина даже не заметил бы. Не меняя позы и, словно не слыша, что с ним разговаривают, дофин забормотал голосом глухим и отрешённым, будто бы слабыми рывками вырывающимся из окружающей келейной темноты.

– Вы заметили, Ла Тремуй, сегодня даже нет солнца. Небо закрылось от меня... И этот дом... он такой же старый, как этот город. Здесь темно и пусто. И я тут ни к чему. Солнце там... – он еле кивнул на улицу, тянущуюся под окном. – Смотрите, как к нему тянутся все те, кого вы назвали моими подданными. Я наблюдаю за этим с того момента, как приехал, а конца всё нет... Они душу готовы заложить, лишь бы увидеть её...

Бесшумно ступая, Ла Тремуй подошёл к окну и деликатно

вытянул шею из-за плеча дофина.

По узкой улочке как раз бежали две служанки и какой-то степенный тучный горожанин со свёрнутой бумагой в руках. Служанки пронеслись мгновенно, задрав для удобства юбки высоко и неприлично. Горожанин же явно отставал и разрывался между желанием успеть и сохранить степенность, но, судя по его красному от напряжения лицу, желание успеть победило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.